

ДУША ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

ДУША ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Богородная ея сущность, нескончаемость, способности, дѣйствія и загробное состояніе; съ приложеніемъ нравоучительныхъ словъ о семъ же предметѣ.

Положительное ученіе православной Церкви и Святыхъ Отецъ.

Выписки изъ разныхъ духовныхъ книгъ.

Печатается
по благословению
митрополита
Крутицкого и Коломенского
ЮВЕНАЛИЯ

„Душа человеческая”

*Издание подготовлено
Свято-Троицким Ново-Голутвиным
женским монастырем*

140400 Московская обл.г.Коломна,ул.Успенская д.11
Расчетный счет N 701204 в Коломенском отделении Уникомбанка

Репринтное издание

© составление ,оформление,набор,макет
Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь,1992

Выписки изъ Священнаго Писанія

о душѣ человѣческой.

Образовалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душею живою (Быт. 2, 7).

Духъ Божій создалъ меня, и дыханіе Вседержителево оживило меня (Іов. 33, 4).

Живъ Господь, Который сотворилъ намъ душу сію (Іер. 38, 16).

Изреченіе Господа, распростершаго небо, основавшаго землю и сотворившаго духъ человѣка внутри его (Захар. 12, 1).

Обратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ былъ, а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его (Еккл. 12, 7).

И вошелъ въ нихъ духъ, и они ожили и стали на ноги свои (Іезк. 37, 10).

Кто изъ человѣкъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ (1 Кор. 2, 11).

Въ рукѣ Котораго (Господа) душа всего живого и духъ всякой человѣческой плоти (Іов. 12, 10).

Для чего мнѣ носить тѣло мое въ зубахъ моихъ, и душу мою полагать въ руку мою? (Іов. 13, 14).

Какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва (Іак. 2, 26).

Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасти (Лук. 9, 56).

Вы куплены дорогою цѣною. Посему прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи (1 Кор. 6, 26).

Мы не изъ колеблющихся на погибель, но стоимъ въ вѣрѣ ко спасенію души (Евр. 10, 39).

Душею своею я стремился къ Тебѣ ночью, и духомъ своимъ внутри меня я ревностно ищу Тебя (Исаи 26, 9).

Человѣкъ, не владѣющій своимъ духомъ,—городъ разрушенный, не имѣющій стѣны (Прит. 25, 28).

Не убийтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убить, а убийтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ (Матѣ. 10, 28).

Какая польза человѣку, аще и весь міръ приобращаетъ, душу же свою погубитъ (Матѣ. 16, 26).

Вы не по плоти живете, но по духу, если только Духъ Божій живетъ въ васъ. Если же кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его (Римл. 8, 9).

Если Христосъ въ васъ, то тѣло мертво для грѣха, но духъ живъ для праведности (Рим. 8, 10).

Если живете по плоти, то умрете; а если духомъ умерщвляете дѣла плотскія, то живы будете (тамъ же ст. 13).

Всѣ водимые духомъ Божіимъ, суть сыны Божіи (ст. 14).

Сей самый Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы дѣти Божіи (ст. 16).

Обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его, спасетъ душу отъ смерти, и покрываетъ множество грѣховъ (Іак. 5, 20).

Соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ (1 Кор. 6, 17).

Которымъ Онъ и находящимся въ темницѣ духамъ, сошедши, проповѣдалъ (1 Петр. 3, 19).

Самъ Богъ мира да освятитъ васъ во всей полнотѣ, и вашъ духъ и душа и тѣло во всей цѣлости да сохранится безъ порока въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа (1 Сол. 5, 23).

Изнемогъ во мнѣ духъ мой, унываетъ во мнѣ сердце мое (Псал. 142, 4).

Врагъ преслѣдуетъ душу мою, втопталъ въ землю жизнь мою (Псал. 142, 3).

Душа моя къ Тебѣ, какъ жаждущая земля (ст. 6).

Ради имени Твоего, Господи, оживи меня; по правдѣ Твоей выведи изъ тѣсноты душу мою (ст. 11).

По милости Твоей истреби враговъ моихъ, и погуби всѣхъ, угнетающихъ душу мою (ст. 12).

О достоинствѣ природы человѣческой *).

Св. Григорія Нисскаго.

Видимое преимущество человѣка предъ прочими тварями земли состоитъ въ томъ, что онъ царь и Владыка надъ ними. Но это видимое преимущество часто было оспариваемо или неправильно понимаемо; поэтому св. Григорій съ особеннымъ воодушевленіемъ говоритъ объ этомъ предметѣ.

Творецъ далъ человѣку двоякую природу, то есть природу чувственно-духовную, и это для того, чтобы мы имѣли общеніе съ Богомъ и съ природой видимой, чтобы могли наслаждаться и временемъ и вѣчностью. Получивъ такую природу, человѣкъ дѣлается существомъ, соединяющимъ въ себѣ весь міръ: онъ имѣетъ и душу растительную, общую съ растеніями и душу животную, общую съ животными; но при этомъ есть у него и душа разумная, которая дѣлаетъ его владыкою земли (въ строгомъ же смыслѣ слова человѣкъ имѣетъ не двѣ или три души, а одну душу — безсмертную и разумную). Въ человѣкѣ заключается единеніе противоположностей между высшимъ и низшимъ, небеснымъ и земнымъ, разумнымъ и неразумнымъ, свободнымъ и несвободнымъ, духомъ и матеріею.

Все — небесное и земное — должно соединиться для гармоническаго прославленія Тріединаго Бога, — единаго несозданнаго, неизмѣняемаго, источника всякой жизни и бытія; — и человѣкъ имѣетъ высокое назначеніе — быть посредникомъ между небомъ и землею, между неразумными тварями и высшимъ міромъ Ангельскимъ.

*) Труды Кіевск. духовн. академіи. Окт. 1865 г.

Изученіе свойствъ богоподобной души чело- вѣческой—самая важная наука на землѣ.

*Образъ сemy неизреченныя Твоя
слова, иже и язы пошу прегрѣшней...
(Св. Іоаннъ Дамаск.).*

*) Видно, что высоко цѣнили Отцы Церкви ученіе о душѣ нашей, когда во многихъ случаяхъ излагали это ученіе. Дѣйствительно — „изъ всѣхъ наукъ, величайшая наука — познать самого себя“. Мы должны прежде всего стараться познать самихъ себя. Кто имѣетъ правильное познаніе о тваряхъ, которыя Богъ произвелъ изъ ничего, тотъ знаетъ также и достоинство умнаго и безсмертнаго духа человѣческаго. Кто знаетъ, что душа человѣческая безсмертна, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть образъ Бога Отца, что по подобію сего истиннаго вѣчнаго Образа Божія сотворены всѣ духовныя разумныя существа. Никто не можетъ познать Бога, не познавъ прежде самого себя. Ибо если внемлешь себѣ, то не будешь имѣть нужды искать слѣдовъ Зажидителя въ устройствѣ вселенной; но въ себѣ самомъ, какъ-бы въ маломъ какомъ-то мірѣ усмотришь великую премудрость своего Создателя.

**) Отъ незнанія же основъ душевной жизни чело-
вѣка, отъ забвенія о свойствахъ души и ея высокому назначеніи,—можно всецѣло извратить и испортить свою временную и погубить вѣчную жизнь. Слово Божіе учитъ насъ, что нѣтъ большей заботы въ мірѣ для чело-
вѣка, какъ забота о вѣчномъ спасеніи души. Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что, если бы

*) Примѣчаніе: Выписки, не помѣченныя отдѣльно, выписаны изъ книги „Ученіе Св. Отцевъ Церкви“—священ. Кашименскаго.

**) Изъ книги „Дивныя свойства души человѣческой“.

человѣкъ приобрѣлъ и весь міръ со всѣми его сокровищами, но погубилъ бы душу свою, то онъ не сдѣлалъ бы для себя никакого приобретенія, никакой пользы. Такъ драгоценна, по суду Божію, одна душа человѣческая! Какъ же не стараться узнать ея богоподобную природу, ея свойства и способности, ея потребности, ея назначеніе? Нѣкогда, въ вѣчности, мы глубоко, но безплодно будемъ жалѣть, что были невнимательны въ продолженіе временной жизни къ внутренней своей природѣ. Посему, пока находимся еще въ сей жизни, будемъ стараться узнать свою душу и ея назначеніе, и сообразно съ симъ проводить свою жизнь.

О существованіи души въ человѣкѣ.

Вопросъ: Что служить доказательствомъ существованія личной (субстанціальной) души въ человѣкѣ?

Отвѣтъ: Ея дѣйствія. Эти дѣйствія ясно показываютъ, что душа не есть качество матеріи или соединенія всѣхъ качествъ, но есть дѣятельность невещественная, дѣятель сокровенный въ нашей природѣ и непостижимый для чувствъ, словомъ—существо самостоятельное и духовное.

Не смотря на свою невидимость, душа является существомъ совершенно отличнымъ отъ тѣла, дѣйствующимъ въ немъ и чрезъ него, и, при посредствѣ его органовъ, наблюдающимъ и познающимъ. Этотъ мысленный процессъ (дѣйствія души), совершающійся внутренно, свидѣтельствуетъ о существованіи въ тѣлѣ силы высшей, духовной. Ибо, что могла бы узнать испытующая пульсъ рука врача, еслибы не было въ насъ духа, который по ощущенію узнаетъ о причинѣ

извѣстныхъ явленій? Какъ могли бы и прочіе чувственные органы способствовать къ познанію сокровенныхъ причинъ, будучи отдѣлены отъ духа?..

Св. Григорій Нисскій.

Доказательствомъ существеннаго отличія души отъ тѣла служить еще и то, что одинъ только человекъ разсуждаетъ о находящемся внѣ его, мысленно представляетъ и то, чего нѣтъ предъ нимъ, и опять разсуждаетъ и обсуживаетъ, чтобы изъ обдуманнаго избрать лучшее. Безсловесныя видятъ то одно, что передъ ними, стремятся къ тому одному, что у нихъ передъ глазами, хотя бы въ послѣдствіи былъ отъ того имъ вредъ; но человекъ стремится не къ видимому, а напротивъ того, видимое глазами обсуждаетъ разсудкомъ; нерѣдко, устремившись уже, бываетъ удержанъ разсудкомъ, и что имъ обдуманно, обсуждаетъ снова. И всякій, если только онъ другъ истины, сознаетъ, что умъ человѣческій не одно и то же съ тѣлесными чувствами, а потому, какъ нѣчто иное (высшее), бываетъ судіею самыхъ чувствъ; и если чувства чѣмъ предзаняты, то умъ обсуживаетъ и припоминаетъ это и указываетъ чувствамъ лучшее. Дѣло глазъ—видѣть только, ушей—слышать, устъ—вкушать, ноздрей—принимать въ себя запахъ, рукъ—касаться; но разсудать, что должно видѣть и слышать, до чего должно касаться, что вкушать и обонять,—не дѣло уже чувствъ; судять же о семъ душа и умъ ея.

Такимъ образомъ по отношенію къ тѣлу душа составляетъ истинную и существенную его форму, служить началомъ, управляющимъ его жизнію и его ощущающею природою. Она живетъ во всѣхъ частяхъ тѣла и вездѣ въ немъ обнаруживаетъ свою дѣятельность. Поелику и чувства въ тѣлѣ бываютъ настроены, какъ лира, когда управляетъ ими свѣдущій умъ,—

тогда душа разсуждает и знает, что дѣлать и какъ поступать. Но сіе свойственно только людямъ, и сіе то есть разумность человѣческой души, пользуясь которою, стличается она отъ безсловесныхъ и доказываетъ о себѣ, что она дѣйствительно не одно и то же съ видимымъ въ тѣлѣ. Тѣло часто лежитъ на землѣ, а человѣкъ представляетъ и созерцаетъ, что на небѣ. Тѣло часто покоится, безмолвствуетъ и сидитъ, а человѣкъ — внутренно въ движеніи, и созерцаетъ, что внѣ его, переселяясь и переходя изъ страны въ страну, встрѣчаясь съ знакомыми, нерѣдко предугадывая и предузнавая по этому дѣла свои на другой день. Что же это иное, какъ не разумная душа, которая въ человѣкѣ размышляетъ и представляетъ, что выше его? Далѣе, — тѣло по природѣ смертно, почему же человѣкъ размышляетъ о безсмертіи и нерѣдко изъ любви къ добродѣтели (какъ было во времена гоненій) самъ на себя навлекалъ смерть? Или еще, — тѣло временно, почему же человѣкъ представляетъ себѣ вѣчное, и поэтому пренебрегаетъ тѣмъ, что у него подъ ногами, возжелѣваетъ же вѣчнаго? Тѣло само о себѣ не помыслить ничего подобнаго; оно не помыслило бы и о томъ, что внѣ его; потому что оно смертно и временно. Необходимо же быть чему либо другому, что помышляло-бы о противоположномъ и неестественномъ тѣлу. Итакъ, что же это опять будетъ, какъ не душа разумная и безсмертная? Не со-виѣ, но внутри въ тѣлѣ, какъ музыкантъ на лирѣ, производитъ она совершеннѣйшіе звуки.

Опять, — глазу естественно смотрѣть, и слуху слышать; почему же одного отвращаются они, а другое избираютъ? Кто отвращаетъ глазъ отъ зрѣнія? или кто заключаетъ для слышанія слухъ, по природѣ способный слышать? Или кто нерѣдко удерживаетъ отъ естественнаго стремленія вкусъ, по природѣ назначен-

ный для вкушенія? Кто запрещаетъ до иного касаться рукъ, по природѣ дѣятельной? И обоняніе, данное для ощущенія запаховъ, кто отвращаетъ отъ принятія въ себя оныхъ? Кто производитъ сіе вопреки тому, что естественно тѣлу? Или почему тѣло, отвращаясь отъ требуемаго природою, склоняется на совѣтъ другого (т. е. ума) и обуздывается его мановеніемъ? Все сіе доказываетъ не иное что, какъ разумную душу, владычествующую надъ тѣломъ.

Тѣло не само себя движетъ, но приводится въ движеніе и движется другимъ, какъ и конь не самъ себя впрягаетъ, по понуждаетъ его владѣющій имъ. Посему то и даются людямъ законы — дѣлать доброе и отвращаться отъ порока; для безсловесныхъ же, лишенныхъ разумности и мышленія, и худое остается невнятнымъ и доброе безразличнымъ.

Св. Аѳанасій Великій.

О происшествіи,

то есть о началѣ бытія души человѣческой.

Войди глубже въ себя самаго, всмотришь въ душу свою какъ бы въ нѣкое зеркало, разбери ея устройство, и увидишь, что ты созданъ по образу и по подобію Божію... И удивительно, въ чемъ только состоитъ этотъ образъ и подобіе!.. Умъ человѣческій не можетъ постигнуть ни условій бытія Божія, ни того, какимъ образомъ сущность души нашей производится и является къ бытію.

Вопросъ: Откуда бываютъ души человѣческія и изъ чего происходятъ?

Отвѣтъ: Пусть твоя любовь знаетъ касательно сего предмета, что у Отцевъ Церкви не малое было изслѣдованіе о происхожденіи души, но осталось не-

извѣстнымъ: нисходитъ ли она отъ Адама, или дается каждому порознь? — признали, что этотъ вопросъ неразрѣшимъ въ настоящей жизни. Дѣйствительно — вопросъ великъ и не можетъ быть обнятъ человѣкомъ.

Вопросъ: Какъ же рѣшить эти недоумѣнія?

Отвѣтъ: Хотя вопросъ о происхожденіи души остается окончательно неудоборазрѣшимымъ въ настоящей жизни, однако же для возможнаго рѣшенія надобно признать, что души творятся Богомъ — не изъ ничего, а отъ душъ родителей. Ибо имѣя такое начало, онѣ не имѣютъ необходимости подвергаться смерти, потому что отъ духовнаго сѣмени, — отъ душъ родителей, — а не отъ плоти и крови ихъ, происходятъ онѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ необходимо подвергаются заразѣ первороднаго грѣха, потому что природа корня сообщается и лѣтораслямъ его.

Какъ гадаю самъ (говоритъ св. Григорій Богословъ) и какъ слышу отъ мудрыхъ, *души есть Божественная нѣкая струя и приходитъ къ намъ свыше. Душа происходитъ отъ Бога, то есть творится Богомъ.*

Вопросъ: Когда же именно совершается Божественное твореніе души?

Отвѣтъ: О происхожденіи душъ человѣческихъ *) Православная Церковь, на основаніи Священнаго Писанія всегда держалась, какъ и нынѣ держится (Правосл. испов. ч. 1, на вопр. 28) мысли, что онѣ творятся Богомъ. Объ этомъ непрерываемо засвидѣтельствовалъ пятый Вселенскій соборъ, когда, осуждая мнѣніе Оригена о предсуществованіи человѣческихъ душъ, выразился: „Церковь, послѣдуя Божественнымъ словамъ, утверждаетъ, что душа творится вмѣстѣ съ тѣломъ, а не такъ, чтобы одна творилась прежде, а другое послѣ, по лжеученію Оригена“.

*) Изъ книги „Душа человѣческая“, — Стопановскаго

Какъ же понимать это твореніе душъ? Сама Церковь съ точностію не опредѣляетъ, но, на основаніи представленнаго свидѣтельства пятаго Вселенскаго Собора и въ соотвѣтствіи съ другими догматами Церкви, надобно полагать, что здѣсь разумѣется не непосредственное твореніе Божіе, а посредственное,— что Богъ творитъ человѣческія души, какъ и тѣла, силою того самого благословенія, „раститься и множиться“, которое Онъ даровалъ нашимъ праотцамъ еще вначалѣ; творитъ не изъ ничего, а отъ душъ родителей. Ибо, по ученію Церкви, хотя души человѣческія получаютъ бытіе чрезъ твореніе, но такъ, что на нихъ переходитъ отъ родителей зараза прародительскаго грѣха, а этого не могло бы быть, еслибы Богъ творилъ ихъ изъ ничего. Какъ же именно творятся человѣческія души и соединяются съ тѣломъ? Образованіе тѣла, какъ вещественнаго, происходитъ во утробѣ матерней постепенно, а душа, какъ существо простое, можетъ твориться только мгновенно, и дѣйствительно творится и дается отъ Бога, по ученію Православной Церкви: „въ то время, когда тѣло образуется уже и содѣлается способнымъ къ принятію оной“ (Прав. Испов., ч. 1, ств. на вопр. 28). Такъ учили и древніе учителя Церкви: Кирилль, Александръ, Августинъ, Θεодоритъ, Гѣннадій и другіе, причемъ въ доказательство своихъ словъ указывали на слова св. пророка Моисея: *„аще кто поразитъ жену непраздну и изыдетъ младенецъ ея неизображенъ, тщетою да отщепитъ. Аще же изображенъ будетъ, да дастъ душу за душу, око за око“* (Исх. 21, 22 — 24). Этимъ самымъ онъ даетъ разумѣть, что неизображенный или необразовавшійся младенецъ еще не имѣетъ души, а образовавшійся имѣетъ душу. Съ другой стороны, можно указать и на другія мѣста Св. Писанія, изъ которыхъ

видно, что младенцы еще во утробѣ матерней, слѣд., до рожденія своего, имѣютъ души. Напр., о Ревеккѣ замѣчено: *„играста же младенца въ ней“* (Быт. 25, 22); св. Елисавета говоритъ о самой себѣ предъ Пресвятою Дѣвою Марією: *„выиграся младенецъ радощами во чревт моемъ“* (Луки 1, 44).

А такъ какъ, по сказанію Евангелія, благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ Маріи было въ шестой мѣсяцъ по зачатіи св. Іоанна Предтечи, а чрезъ нѣсколько дней было и свиданіе Дѣвы Маріи съ Праведною Елисаветою, то изъ сего явствуетъ, что младенцы въ шестой мѣсяцъ по зачатіи уже имѣютъ душу и оживаютъ.

Составитель.

Но быть можетъ спросить кто: если душа человѣка творится мгновенно и дается младенцу по образованіи тѣла его въ совершенный видъ, то какъ же можетъ тѣло образоваться въ утробѣ матерней и возрастать до принятія въ себя души? — Можетъ образоваться и возрастать съ задатками жизненной силы — именно такой, какую имѣютъ животныя, ибо онѣ не получаютъ отъ Бога отдѣльной души, но все же имѣютъ жизнь.

Составитель.

Примѣчаніе. Тѣло человѣческое образуется изъ созданнаго Богомъ вначалѣ вещества, душа же каждого человѣка является въ міръ новымъ духовнымъ твореніемъ, хотя недовѣдомымъ образомъ и происходитъ отъ душъ родителей. Посому то душа человѣческая и бессмертна, что она — самостоятельная духовная сущность, ни отъ кого и ни отъ чего, кромѣ Бога, независящая.

Составитель.

Чѣмъ отличается душа человѣческая отъ души животныхъ *).

Признавая душу въ человѣкѣ, было-бы непоследовательно не признать ее въ то же время и у живот-

*) Изъ книги Душа человѣка. Н. Стопановскаго.

ныхъ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ ясно говорится при сотвореніи міра (Быт. 1, 20—26), но между душою человѣка и душою животнаго лежитъ непроходимая пропасть. У животныхъ душа не отдѣлима отъ тѣла (въ св. Писаніи часто говорится, что душа у нихъ та же кровь) и психика ихъ такъ тѣсно связана съ физической природой животнаго, что почти невозможно узнать: гдѣ она кончается и гдѣ начинается. Хотя душа животнаго и является внутреннимъ духовнымъ принципомъ, организующимъ матерію, тѣмъ не менѣе она не можетъ самостоятельно существовать и дѣйствовать безъ матеріи. Какъ часть матеріальнаго существа, она сама какъ бы матеріальна и потому можетъ существовать до тѣхъ поръ, пока матерія, съ которой она связана, остается живою. Далѣе, никто никогда не видѣлъ души животнаго въ спиритическихъ сеансахъ; не бываетъ явленій душъ умершихъ душъ животныхъ, подобно тому, какъ бывають явленія душъ умершихъ людей, все это происходитъ потому, что душа животнаго не личное, не духовное, не самостоятельное существо. Несамостоятельность души животнаго видна изъ того, что она не можетъ, подобно душѣ человѣка, господствовать надъ своимъ тѣломъ, физическими потребностями или надъ болѣзненными страданіями.

Животныя не обладаютъ способностію къ мышленію, что свойственно человѣку, какъ разумному существу; они имѣють только ощущенія и чувственныя влеченія, но мысли, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не имѣють. Человѣкъ признаетъ и мыслить міръ идей, мыслить о вѣчности, о Богѣ и, наконецъ, о себѣ самомъ и, такимъ образомъ, воспроизводитъ свое собственное бытіе, какъ фактъ своего сознанія; отсюда въ томъ именно и заключается нѣкоторое богоподобіе въ человѣкѣ, что у него есть мысли, которымъ

онъ можетъ давать осуществленіе. Конечно фізіологическимъ условіемъ языка служить присутствіе въ организмѣ человѣка особаго голосоваго аппарата, способнаго производить членораздѣльные звуки, но для того, чтобы умѣть говорить, недостаточно обладать только этимъ органомъ рѣчи, такъ какъ у многихъ породъ обезьянъ устройство этого органа не менѣе совершенно, чѣмъ у людей, но, однако, онѣ не произносятъ членораздѣльныхъ звуковъ, потому что имъ „нечего говорить“, ихъ внутренняя жизнь ограничивается одними ощущеніями и чувственными влеченіями, для выраженія которыхъ достаточно мимическихъ движеній и нечленораздѣльныхъ звуковъ. Кромѣ сего, образованіе способности говорить зависитъ не только отъ фізіологическаго условія, но еще болѣе и отъ психическаго, а этимъ психическимъ условіемъ является вся сумма душевныхъ силъ человѣка: его умъ, сердце и воля, по мѣрѣ развитія душевныхъ силъ человѣка раскрывается и присущій ему даръ слова.

Отличительнымъ признакомъ сознательной души человѣка есть ея разумность, возвышающая его надъ всѣмъ окружающимъ и дѣлающая для него возможность не только просто научное знаніе, но даже и философію, что совершенно несвойственно душѣ животнаго. Также умственный прогрессъ (развитіе) животнымъ не свойственъ, такъ какъ ихъ умъ родовой, какъ бы присущій матеріальной ихъ природѣ; это видно изъ того, что ни откуда нельзя замѣтить, чтобы настоящія животныя были умнѣе своихъ предковъ; слѣдовательно, животныя не имѣютъ разумаго мышленія.

Далѣе, у животныхъ нѣтъ свободы воли, которая служитъ отличительнымъ признакомъ души человѣка. Движенія животныхъ всецѣло обуславливаются или внѣшними вліяніями или внутренними инстинктив-

ными влеченіями, вытекающими изъ физической потребности сохранять и поддерживать свою жизнь; животныя слѣпо, безсознательно подчиняются этимъ побужденіямъ и безотчетно слѣдуютъ сильнѣйшему изъ нихъ. Такъ какъ у нихъ нѣтъ свободы воли, то поэтому у нихъ нѣтъ нравственности, совѣсти, долга, обязанности и т. п. Животныя никогда не проявляютъ ни пониманія смысла и цѣли своихъ дѣйствій, ни свободы выбора, ни самоограниченія, а потому у нихъ нѣтъ и чувства ответственности за свои дѣйствія.

Животныя лишены способности къ нравственному совершенствованію; у нихъ также нѣтъ отвлеченныхъ идей (мысли, понятія): Бога, истины, добра и красоты. Также у животныхъ нѣтъ религіозныхъ идей, потому что религіозному чувству не соответствуетъ у нихъ ничего, а потому и безсмертія ихъ душъ животнымъ не нужно, что дѣлается яснымъ изъ слѣдующихъ соображеній: если животныя не способны познавать и любить Бога въ земной жизни, то, еслибы для нихъ существовала загробная жизнь, они чувствовали бы себя, какъ бы сказать, не на своемъ мѣстѣ, т. е. не заслуженномъ своею чисто животною жизнью; ихъ чувственная душа не сознавала бы вѣчнаго блаженства святыхъ людей и не поняла бы райскаго духовнаго блаженства, а также не могла бы лицезрѣть Бога, подобно душамъ святыхъ людей.

Если бы даже и допустить безсмертіе души животныхъ, то, все-таки, чего бы она низменная и чувственная могла ожидать въ загробной жизни? развѣ одной участи съ душой такой-же, т. е. чувственной и низменной, человѣка грѣшника? но тогда это было бы несогласно съ правосудіемъ Божиимъ, такъ какъ душа животныхъ только низменно-чувственная и не свободо-разумная.

Итакъ, душа животныхъ стоитъ неизмѣримо ниже души человѣка, имѣетъ иную природу и не обладаетъ такими высшими духовными качествами, какъ душа человѣка. Слѣдовательно, душа человѣка, какъ личное, самостоятельное, духовное существо, не могла ни въ какомъ случаѣ произойти путемъ измѣненій и усовершенствованій отъ души животныхъ безличной, несамостоятельной и полуматеріальной, которой никакое духовное усовершенствованіе не свойственно; на основаніи этого мы имѣемъ полное право утверждать, что душа животнаго, какою была нѣкогда, такою она осталась и до настоящаго времени, такою же пребудетъ и впредь навсегда.

О сущности души.

Вопросъ: Что такое есть душа?

Отвѣтъ: Душа — сущность живая, простая, безтѣлесная, тѣлесными очами по своей природѣ невидимая, безсмертная, словесно-разумная, безвидная, дѣйствующая посредствомъ органическаго тѣла и сообщающая ему жизнь и возрастаніе, чувство и силу рожденія. Душа — сущность свободная, одаренная способностію хотѣть и дѣйствовать, измѣняемая въ волѣ, имѣющая умъ, не какъ что либо отличное отъ нея, но какъ чистѣйшую часть самой себя. Ибо, что глазъ въ тѣлѣ, то умъ въ душѣ.

(Св. Іоаннъ Дамаскинъ).

Еще: душа есть духъ умный, всегда движуційся, въ доброй и злой волѣ удобенъ. Далѣе св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: душа есть естество разумное и духовное, быстроедвижное, непрестанно находящееся

въ дѣятельности, дражайшее всего міра, безпримѣрной и неописанной красоты, сущность, имѣющая сродство съ небеснымъ, — отнюдь впрочемъ не Божескаго естества, но сродная небеснымъ и безплотнымъ существамъ.

Блаженный Августинъ такъ говоритъ: душа есть естество созданное, невидимое, разумное, безтѣлесное, бессмертное, богоподобнѣйшее, образъ имущее Создателя своего. На вопросъ: что изъявляетъ образъ Божій въ человѣкѣ? Святитель *) отвѣчалъ: душа невидимая, разумная, живая, бессмертная и самовластная. Человѣкъ созданъ по образу: владычества, господства и самовласти. — По подобію: быть кроткимъ, тихимъ и уподобляться Богу въ добродѣтеляхъ.

Святый Григорій Богословъ училъ такъ: душа есть существо умносозерцаемое, вѣчно пребывающее, образъ и духаніе Всемогущаго Бога, частица Божественнаго (конечно, не въ собственномъ значеніи сего слова), струя невидимаго Божества и безконечнаго свѣта, Божественный и неугасимый свѣтъ, заключенный въ пещерѣ (въ тѣлѣ).

Св. Макарій Великій смотрѣлъ на душу, какъ на твореніе умное, величественное, дивное, — образъ и подобіе Божіе, имѣющее безпримѣрно близкое родство съ Богомъ, безъ малѣйшаго, впрочемъ, общенія между ихъ существами **) — надѣленное всѣми совершенствами свойственными духу, и, по чрезвычайной тонкости своей, удободвижное, быстролетное, неутомимое.

Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ, что душа наша есть прекраснѣйшее и преимущественное предъ всѣми твореніями, любимѣйшее Богомъ твореніе, запечатлѣнное тайною благодати и премудрости Его.

*) Августинъ.

**) Богъ имѣетъ общеніе съ душами достойными, но только не существенно, а благодатно.

Душа человѣческая—самостоятельная духовная личность.

Хотя по существу своему всѣ души человѣческія тождественны между собою, то есть во всемъ подобны одна другой, но между тѣмъ каждая душа человѣческая имѣетъ свои личныя особенности и обладаетъ своеобразнымъ развитіемъ, которое выражается въ свою очередь въ общихъ и родовыхъ формахъ человѣческой душевной жизни. Въ исторіи творенія міра повѣствуется, что Богъ сотворилъ безсловесныя одушевленные существа по роду ихъ (Быт. 1, 25), а человѣка по его частной недѣлимой природѣ, какъ единичную и особенную личность (ст. 26 и далѣе). Этотъ образъ творенія совершенно соответствуетъ назначенію человѣка, который, какъ существо безсмертное, не исчезаетъ въ родѣ, а обладаетъ собственнымъ личнымъ существованіемъ во времени и въ вѣчности. Поэтому человѣкъ никогда не можетъ быть страдательнымъ выраженіемъ или органомъ общей родовой жизни души. Наши слова, мысли и дѣла рождаются не изъ общей родовой сущности человѣческой души, а изъ нашей частно-развитой, своеобразно-обособленной душевной жизни: только по этой причинѣ онѣ составляютъ *нашу* личную вину, или *нашу* личную заслугу, которой мы ни съ кѣмъ не раздѣляемъ. Въ то время, какъ наука указываетъ общія и родовыя условія для явленій душевной жизни вообще, священные писатели имѣютъ въ виду тотъ частный и особенный источникъ этихъ явленій въ сердцѣ человѣка, исходя изъ котораго они,

при своей общности дѣлаются *нашимъ личнымъ* состояніемъ и достояніемъ. А посему, сообразно своимъ дѣламъ, каждый человѣкъ приметъ отъ правосуднаго Бога или награду или наказаніе.

(Труды Киевск. духов. акад. 1860 г. Кляжка 1, стр. 94).

О безтѣлесности и красотѣ души.

Вопросъ: Что же такое душа въ сущности? воздухъ ли это, или вѣтеръ, или огонь?

Отвѣтъ: Ни которая изъ сихъ вещей, потому что они тѣлесны, а душа безтѣлесна, душу нельзя видѣть очами тѣлесными, нельзя ни осязать, ни ощутить никакими тѣлесными чувствами. Дѣйствительно, *„душа—духовное естество, безтѣлесная сила“*.

А что иногда души умершихъ являются видимымъ образомъ, то это бываетъ по особому устроенію Божію. Въ такихъ случаяхъ, вѣроятно, души привлекаютъ къ себѣ какія либо вещественныя частицы и такимъ образомъ преобразуются въ видимый образъ: или-же, правильнѣе сказать, дѣлаются видимыми непостижимымъ для насъ образомъ, волею всемогущаго Бога. Составитель.

Святой Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ: Богъ по естеству своему совершенно безтѣлесенъ, душа же въ сравненіи съ Богомъ, единственнымъ несравнимымъ, есть тѣло, а въ сравненіи съ вещественными тѣлами—безтѣлесна.

Блаженный Августинъ говоритъ: о душѣ никакъ нельзя говорить: длинна, широка, тѣлесна. Потому-то видишь, что кто хочетъ содѣлаться таковымъ, каковымъ былъ созданъ отъ Бога, т. е. богоподобнымъ,

тотъ все тѣлесное презираетъ, и отъ сего міра отвращается. потому что міръ тѣлестенъ.

А такъ какъ душа не тѣло, то она и сильна созерцать нетелѣсное. Не будучи же тѣломъ, не имѣетъ она и пространственныхъ измѣреній. Все пространственное она содержитъ въ памяти, а сама непространственна. Душа ни тѣлесна, ни протяжена въ длину, ни растянута въ широту, ни натянута въ высоту,—и однако-жъ въ тѣлѣ такую имѣетъ силу, что въ ея рукахъ правленіе всѣхъ членовъ, и она держитъ какъ-бы рычагъ для производства всѣхъ тѣлесныхъ движеній.

Макарій Великій говоритъ, что душа по собственной своей природѣ есть тѣло, хотя она и тонка, однако въ существѣ, образѣ и видѣ, по тонкости своей природы—есть тонкое тѣло, посему-то она имѣетъ свойственный себѣ видъ.

Душа человѣческая есть духъ совершенно безтѣлесный, но святой Макарій называетъ ее тѣломъ — не потому, чтобы она была тѣлесна, но потому, что въ сравненіи съ Богомъ, единымъ невещественнымъ, неопредѣленнымъ, неописаннымъ и вездѣсущимъ, душа оказывается какъ-бы грубаго естества, такъ какъ она описуется свойственнымъ ей видомъ и не вездѣсуща. Подобно сему нужно разумѣть и объ ангелахъ, потому что и они, находясь въ извѣстное время въ одномъ мѣстѣ, не могутъ быть въ то же время въ другомъ мѣстѣ, и для перехода въ другое мѣсто требуютъ нѣкотораго времени, хотя и весьма малаго, Составитель.

Вопросъ: Видитъ ли кто свою душу посредствомъ откровенія и Божественнаго просвѣщенія?

Отвѣтъ: Какъ тѣлесные глаза видятъ солнце, такъ умные глаза, просвѣщенные благодатію Божіею, видятъ душу въ лицѣ. Впрочемъ, мало христіанъ, которые видятъ ее.

Вопросъ: Развѣ душа имѣетъ видъ?

Отвѣтъ: Имѣетъ лице и видъ, подобный Ангельскому. Ибо какъ Ангелы имѣютъ свое лице и видъ, и какъ внѣшній человѣкъ имѣетъ свое лице, такъ и внутренній человѣкъ имѣетъ свое лице, подобное Ангельскому, и видъ подобный человѣку. Можно видѣть душу, но кому? — Только достигнувшимъ высочайшей степени духовнаго совершенства.

Вопросъ: Достаточно ли можно разсмотрѣть этотъ видъ?

Отвѣтъ: Не больше, какъ сколько можно ослѣпительное въ своемъ блескѣ солнце разсмотрѣть простому глазу; ибо и самый видъ души ни какой либо вещественный, а подобный виду безплотнаго и невидимаго существа Ангельскаго.

Св. Ириней говоритъ, что душа не только имѣетъ видъ свойственный своей природѣ, но и нѣкія черты сего вида, отличающія ее (душу) отъ существа Ангельскаго; — таковой видъ получаетъ она отъ тѣснѣйшаго общенія съ тѣломъ. Душа бываетъ не на подобіе Ангеловъ, но на подобіе людей. Какъ вода, влитая въ сосудъ, будетъ имѣть видъ сосуда, въ которомъ она замерзла, такъ самыя души имѣютъ образъ тѣла, поелику онѣ приспособлены бываютъ къ сосуду (т. е. тѣлу) какъ это выше сказано. Душа уподобляется своимъ занятіямъ: что она дѣлаетъ, въ то самое и отпечатлѣвается и принимаетъ на себя видъ, хотя, впрочемъ, единъ и простъ образъ ея, какъ замѣчаетъ блаженный діадохъ.

Св. Златоустъ говоритъ: Между тѣлами тѣ, которыя легче и тоньше, и уклонились на путь ведущій къ безтѣлесному, несравненно лучше и превосходятъ другихъ: небо прекраснѣе земли, огонь прекраснѣе воды, звѣзды прекраснѣе камней, а радугѣ мы дивимся

гораздо болѣе, нежели фіалкѣ, розамъ и всѣмъ другимъ цвѣтамъ земнымъ. И между тѣмъ, еслибы возможно было видѣть красоту души очами тѣлесными, ты посмѣялся бы надъ всѣми этими примѣрами тѣлъ: такъ слабо онѣ представляютъ намъ благолѣпіе души.

О связи души съ тѣломъ.

Организмъ связанъ съ духомъ не пространственными, а динамическими (т. е. основанными на энергіи, силѣ) отношеніями, въ немъ, значитъ, нельзя отыскивать какого-нибудь сѣдалища духа. А если только по отношенію къ духу устранить вопросъ, гдѣ онъ помѣщается въ организмъ, то форма связи между духомъ и тѣломъ окажется настолько же ясной, насколько вообще можетъ быть ясной для мысли закономѣрная связь какой-бы ни было дѣятельной причины съ постояннымъ условіемъ ея дѣятельности. Духъ несомнѣнно является самостоятельной причиной своеобразныхъ дѣятельностей въ-мѣрѣ, тѣло же составляетъ постоянное условіе его дѣятельности; оно не носитель духа и не форма его существованія, оно именно только данное условіе его дѣятельности. Поскольку это условіе дано, какъ постоянное и необходимое, духъ находится, конечно, въ необходимой зависимости отъ него; но поскольку онъ, въ качествѣ дѣятельной причины, можетъ дѣйствовать и на самыя условія своей жизни, онъ, по самой необходимости своего существованія при данномъ условіи, необходимо приспосабливаетъ это условіе къ цѣли развитія своей жизни въ мѣрѣ. Отсюда естественно становятся возможными двѣ различныя

точки зрѣнія на тѣло: какъ данное условіе существованія человѣческаго духа, тѣло является внѣшнимъ по отношенію къ духу, а какъ созданное самимъ же духомъ — оно орудіе его произвольной дѣятельности, оно является своимъ духу и составляетъ собственное тѣло духа. Короче говоря, связь души съ тѣломъ не связь пространственныхъ отношеній, а только связь взаимодѣйствія.

(Изъ брошюры „Дивныя свойства души человѣческой“).

О вседѣприсутственномъ бытіи души въ человѣкѣ.

Какъ въ тѣлѣ есть принимательныя орудія, такъ и въ духѣ, этомъ верховномъ корнѣ всего, именно: сердце — корень для духа, утроба — для крови, селезенка — для желчи, и иное для иного, а все это зависитъ отъ мозга. Духъ, нисходящій изъ мозга, чувствительность, что въ нервахъ, не просто подаетъ всѣмъ членамъ, но по соизмѣримости cadaго... Этотъ духъ, сообщаемый членамъ отъ головы, дѣйствуетъ, касаясь cadaго члена, потому что въ нашей головѣ находятся умственные способности, такъ какъ умъ, господствуя въ головѣ, всюду созерцаетъ, употребляя способность мышленія.

Умъ, имѣющій въ себѣ нѣчто Божественное и небесное, и преобладающій не только надъ тѣломъ человѣка, но и надъ всею природою, заключенъ въ головѣ, какъ-бы въ какой крѣпости и оттуда обзрѣваетъ онъ всю вселенную. Этотъ чертогъ души имѣетъ круглый видъ, который совершеннѣе всѣхъ другихъ

видовъ, тутъ-то сей Божественный огонь и заключается какъ-бы въ нѣкоемъ шарѣ, и скрывается какъ-бы подъ небесами. Говорятъ, что владычица, повелѣвающая тѣломъ, должна находиться въ самой высшей части, какъ-бы въ цитадели *); и что разумъ долженъ управлять человѣкомъ съ высоты головы, подобно какъ Богъ управляетъ міромъ съ высоты неба. Сверхъ того органы зрѣнія, слуха и обонянія находятся въ головѣ и снабжены нервами, имѣющими отношеніе къ мозгу... Дѣйствительно, что можетъ быть приличнѣе, душу, какъ царицу тѣла, помѣстить въ головѣ и сердцѣ, изъ коихъ одно среднее, другая высшая часть, подобно какъ Богъ, Властитель Вселенной, обитаетъ на небѣ, которое есть высшая страна. Въ поясненіе сего читаемъ у св. Іоанна Дамаскина, что органъ чувственности, или внѣшнихъ чувствъ, есть передній желудочекъ мозга..., органомъ памяти служитъ задній желудочекъ мозга, который называется также мозжечкомъ..., органомъ способности мышленія служитъ средній желудочекъ мозга...; такимъ образомъ въ головѣ совершается все, что относится къ дѣятельности чувствъ и силы начальственной, т. е. ума.

Вмѣстѣ съ головой и сердцемъ почитается особеннымъ мѣстопребываніемъ души, вездѣприсутствующей въ нашемъ тѣлѣ.

Богopodobный духъ—замѣчаетъ Св. Ефремъ Сиринъ — занимаетъ небо — главу, въ сердцѣ же духъ прохаживается какъ въ своихъ чертогахъ. Потому-то, неуклонно держащійся преданія Святыхъ Отцовъ Церкви, Соборъ Патріарховъ восточныхъ подтвердилъ мысль православнаго исповѣданія, что душа преимуще-

*) Цитадель—высокая крѣпость, устраниваемая въ городѣ внутри другой крѣпости.

ственно занимаетъ мѣсто въ головѣ и сердцѣ, хотя присутствуетъ и во всемъ тѣлѣ.

Св. Димитрій Ростовскій говоритъ: душа во всемъ тѣлѣ вмѣщается, и ни одинъ удѣ тѣла безъ души. Духъ св. дѣйствуетъ во всей Церкви; душа дѣйствуетъ во всѣхъ членахъ одного тѣла. И св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ, что душа соединена со всѣмъ тѣломъ и не объемлется имъ (т. е. тѣломъ), но объемлетъ оное, какъ огонь желѣзо.

Въ заключеніе всего этого, св. Григорій Нисскій говоритъ: мы рѣшились показать, что присутствіе души въ тѣлѣ непостижимо! таинственно!.. и что умъ не заключается ни въ какой извѣстной части нашего тѣла, то есть онъ равнымъ образомъ находится во всѣхъ и по всѣмъ; и какъ извѣ онъ ничего не содержитъ, такъ и внутри онъ не заключается, но присущъ тѣмъ способомъ, который не можетъ быть ни изъяснимъ, ни исчерпаемъ размышленіемъ.

О нескончаемости

бытія души человѣческой, т. е. о безсмертіи.

*Поклоняются, Боже Отче, яко далъ
ми еси душу безсмертную и святой
благодати причастную. (Стихъ св. Димитрія Ростовскаго).*

Опредѣливъ всему временному начало, говоритъ св. Софроній Іерусалимскій, Богъ чувственнымъ вещамъ назначилъ и конецъ временный, а существа разумныя Онъ почтилъ достоинствомъ большимъ противъ тѣхъ, то есть временныхъ: они никогда не уми-

рають и не разрушаются, подобно чувственнымъ вещамъ, которыя текутъ и проходятъ.

Трѣхъ жизненныхъ духовъ сотворилъ Богъ: одного, который не покрывается плотію; другого, который покрывается плотію, но не умираетъ съ плотію.

Духъ, непокрываемый плотію, есть духъ Ангельскій. Духъ покрываемый плотію, но съ плотію неумирающій, есть духъ человѣческій. Духъ, покрываемый плотію, и съ плотію умирающій, есть духъ скотовъ и всѣхъ неразумныхъ животныхъ.

Потому человѣкъ ниже Ангела и выше скота,—такъ что онъ имѣетъ нѣчто общее съ высшимъ и низшимъ, т. е.—безсмертіе духа съ Ангеломъ, а смерть плоти со скотомъ до тѣхъ поръ, пока и самая смертность плоти не поглотится славою воскресенія.

Безсмертная душа не будетъ воскресать такъ, какъ тѣло, а только возвратится въ оное (Блажен. Θεодоритъ).

Цѣлый міръ неравноцѣненъ душѣ: міръ переходитъ, а душа нетлѣнна, и пребудетъ нетлѣнною, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ.

Мы научены — говоритъ св. муч. Іустинъ, — что обезсмертятся только одни приблизившіеся къ Богу по святости и добродѣтели, и вѣруемъ, что жившіе неправедно и неперемѣнившіеся наказываются въ вѣчномъ огнѣ, конечно, продолжая свое и существованіе и сознаніе.

Смерть разрѣшенія отъ одежды мертвыхъ кожъ и касается души: ибо не какъ можетъ разрушиться то, что несложно; а какъ это, послушай:

Изъ существующаго ничто не разрушается само собою, иначе оно не составлялось-бы и сначала; ибо что разрушается, то разрушается противнымъ, поэтому разрушающееся таково, что оно можетъ разрушиться. А что можетъ разрушиться, то сложно; сложное много-

частно; слагающесся изъ различныхъ частей слагается; различное не то же самое; слѣдовательно, душа, будучи простою, не состояющею изъ различныхъ частей, несложною и неразрѣшимою, по тому самому будетъ нетлѣнна и безсмертна. И еще: не душа умираетъ, но тѣло, какъ скоро разлучается съ душою. Итакъ, ежели бы душа была приводима въ движеніе тѣломъ, то слѣдовало бы ей, по удаленіи сего двигателя, умереть: но если душа движетъ тѣломъ, то тѣмъ болѣе она можетъ приводить въ движеніе себя самую; а когда она имѣетъ силу дѣйствовать сама собою, то несомнѣнно будетъ жить и по смерти тѣла.

Но говоря собственно о безсмертіи души, нельзя съ строгою необходимостію доказать безсмертіе ея. Ибо Тотъ, Кто даровалъ душѣ несложность и простоту, можетъ и совсѣмъ уничтожить душу, и это не будетъ противорѣчить простотѣ ея; равнымъ образомъ, Кто сообщилъ ей силу самодвижности, Тотъ же можетъ и остановить эту силу. Слѣдовательно, настоящее доказательство безсмертія души надобно искать не въ самой сущности ея природы, а въ свойствахъ Премудраго и Правосуднаго Творца ея, давшаго ей природу безсмертную. Поэтому и Отцы Церкви утверждали, что душа наша безсмертна по благодати Божіей. Знай — говоритъ Св. Кирилль Іерусалимскій, — что ты имѣешь душу свободную, твореніе Божіе прекраснѣйшее, сотворенное по образу Создателя, безсмертное по благодати Бога *).

Вопросъ: Какому же Божію свойству мы обязаны симъ даромъ — „безсмертія“?

*) Но правильнѣе понимать, что душа, по волѣ создавшаго ее Творца, безсмертна по естеству, а не по благодати; потому что осужденные на вѣчное мученіе грѣшники не имѣютъ благодати, а между тѣмъ безсмертіе не отнято отъ нихъ.

Отвѣтъ: Божіей Премудрости и Правосудію. Премудрость Божія безсмертна и создательница безсмертія... Премудрость Божія, хотя изъяснити разуму человѣческому свое безсмертіе, аки бы такъ глаголетъ: виждь, о человѣкъ!.. Мене знай быти вѣчну и безсмертну; не точію же Мене, но и душу твою отъ мене созданную вѣждь вѣчну быти и безсмертну.

Не было бы въ душѣ человѣческой ни мысли о Богѣ, ни о самомъ безстрастїи и безсмертіи, не были бы таковы, какъ теперь, и произведенія ея мыслей, если бы надѣлившая нашу душу такими силами Премудрость Божія не даровала въ удѣлъ ей (т. е. душѣ) жизнь въ нескончаемые вѣки.

Въ то время, когда тѣло лежитъ на постели—безъ движенія, и спитъ какъ бы смертнымъ сномъ, она (т. е. душа), дѣйствуя собственною силою, бодрствуетъ и находится совершенно въ иномъ состояніи, нежели въ какомъ тѣло; и, какъ бы вышедши изъ тѣла, но въ самомъ дѣлѣ пребывая въ немъ, воображаетъ и созерцаетъ то, что превыше земли; ежели душа нерѣдко, оставляя область земнаго, возносится къ св. Ангеламъ и, ободряясь чистотою своего ума, приближается къ нимъ, то не яснѣйшее ли она получить познаніе о безсмертіи тогда, когда разрѣшится отъ тѣла, потому то она и мыслить и рассуждаетъ о безсмертіи и вѣчности, что сама она безсмертна и вѣчно жива. Поэтому же самому душа имѣетъ понятіе о Богѣ, сама для себя есть путь, изъ себя самой, а не извнѣ получаетъ познаніе о Словѣ Божіемъ.

Еще о безсмертіи души *).

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ истина безсмертія весьма много страдаетъ отъ споровъ людей. А потому надобно обратить на нее вниманіе. Вѣчная жизнь--безсмертіе для многихъ остается предметомъ темной вѣры. Почему истина сія темна? Что составляетъ ее въ такомъ мракѣ? Жизнь вѣчная затемняется для насъ: 1) потому, что она принадлежитъ вещамъ будущимъ и, слѣдовательно, противоположна жизни настоящей, которая принадлежитъ вещамъ настоящимъ. Это несходство жизни будущей съ настоящей и производитъ то, что первая потемняется въ глазахъ нашихъ; притомъ все будущее само по себѣ для насъ темно; 2) потому, что въ человѣкѣ соединено смертное съ безсмертнымъ, тѣло съ духомъ. Эта двойственность человѣка причиною того, что чувство наше всегда двоится между смертностію и безсмертіемъ. Чувство смертности часто беретъ перевѣсъ низшею стороною—тѣлесною. И поелику эта временная сторона болѣе развивается въ немъ, то весьма естественно болѣе развиваться и господствовать въ человѣкѣ чувству смертности. Соединеніе души съ тѣломъ есть великая тайна. Съ одной стороны, душа разительно отличается отъ тѣла; но, съ другой, она такъ тѣсно соединена съ нимъ, что трудно различить ихъ. Возьмемъ для примѣра вещь грубую, но выражающую нашу мысль. Сравнимъ духъ съ спиртомъ: что въ массѣ химическій спиртъ, то въ тѣлѣ духъ. Спиртъ въ извѣстной массѣ весьма трудно отличить отъ нея самой; это можно сдѣлать только посредствомъ сильнаго химическаго анализа (разложенія). Такъ и духъ можно отличить отъ тѣла только посредствомъ сильнаго углубленія. Вотъ двѣ главныя при-

*) Изъ сочин. Иппокритіи, арх. Херсон. и Тавр.

чины, потемняющія истину безсмертія! Для чего допущено это потемнѣніе? Правственная цѣль сего замѣчена давно уже. Она состоитъ въ томъ, что неясность вѣчной жизни дѣлаетъ добродѣтель безкорыстнѣе. При ясномъ представленіи ея человѣкъ стремился бы не къ Богу, а къ наградамъ. Добродѣтель собственно состоитъ въ самоотверженіи; но тогда она состояла бы въ самолюбіи: человѣкъ жертвовалъ бы собою не для Бога, а для себя же. Это — цѣль болѣе общая, но есть еще другая, по моему мнѣнію, болѣе рѣшительная. Вѣчная жизнь, безъ сомнѣнія, много содержитъ прекраснаго — привлекательнаго. Поэтому, если бы она раскрылась для насъ, то многіе стремглавъ устремились бы къ пей, и самоубійство (быть можетъ) сдѣлалось бы всеобщимъ. Мракъ же сей, отталкивая насъ отъ жизни будущей, даетъ правильный ходъ жизни настоящей. Не будь его — тогда добродѣтель, нравственный порядокъ и гражданское бытіе много бы должны потерпѣть. Вотъ и цѣли, для которыхъ допущенъ мракъ, заслоняющій для насъ свѣтъ вѣчной жизни!

Посмотримъ теперь на самую истину безсмертія. Истина сія имѣетъ двѣ стороны: 1) *мрачную*, которую производятъ изложенныя нами причины и которая состоитъ изъ *сомнѣній*, и 2) *свѣтлую*, въ которой сіяетъ свѣтъ *доказательствъ*.

1) Главные пункты *сомнѣнія* суть слѣдующіе: а) происхожденіе души, какъ бы матеріальное, и развитіе ея временное, подобно развитію тѣла; б) ежедневное затменіе души во снѣ, въ которомъ нѣтъ разумной дѣятельности и который составляетъ половину человѣческой жизни; в) ослабленіе способности души, какъ то: памяти и воображенія, происходящее отъ ослабленія силъ физическихъ, и г) разстройство души въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ.

Не останавливаясь на выясненіи сихъ темныхъ пунктовъ, чтобы не весьма распространить слово, посмотримъ на свѣтлую сторону безсмертія. Сторона сія состоитъ изъ доказательствъ, основанныхъ на умозаключеніяхъ. Доказательства эти суть слѣдующія. Есть способъ перевести безсмертіе изъ предмета вѣры въ предметъ сознанія. Но какъ это можетъ быть? Этотъ способъ былъ извѣстенъ болѣе всего аскетамъ и даже нѣкоторымъ философамъ, а именно: Сократу и Платону. Онъ состоитъ въ нравственномъ самосознаніи. Мнѣніе, бывшее даже у нѣкоторыхъ богослововъ, что душа безсмертна по благодати, показываетъ или незнаніе души, или излишнее требованіе отъ благодати. Безсмертіе есть существенное свойство души. Слѣдовательно, сознавая чисто душу, мы не можемъ не сознавать и безсмертія, этого неотъемлемаго качества. Если нѣтъ сознанія безсмертія, то нѣтъ и полнаго сознанія духа. Въ плотскихъ людяхъ тѣло и душа соединены весьма тѣсно и почти составляютъ одно; напротивъ, въ аскетахъ (монахахъ-подвижникахъ) союзъ сей тонѣ и раздѣльнѣе. Потому они скорѣе доходятъ до бытія души, нежели до бытія тѣла. Съ другой стороны, нравственное сознаніе въ таковыхъ людяхъ усиливается. У людей свѣтскихъ умъ наполняется мыслями о предметахъ тѣлесныхъ, временныхъ, воля стремится къ дѣламъ плотскимъ, тѣльнымъ, чувство занято вещественнымъ, смертнымъ; а аскеты мыслятъ о духовномъ, вѣчномъ и живутъ духовнымъ, нетѣльнымъ. Такимъ образомъ, вѣчная жизнь входитъ въ ихъ сознаніе, они живо сознаютъ свою духовность, а съ нею и вѣчность. Силою сего самосознанія можно объяснить то, отчего аскеты жертвовали всѣмъ и самую жизнь для будущности. Такого рода люди не только ощущаютъ тотъ невидимый нравственный порядокъ, который предпо-

лагають философы, но даже живутъ имъ, живя, по выраженію апостола, въ невидимомъ. Они имѣютъ свой образъ мыслей, свои правила и живутъ жизнію противоположною жизни обыкновенной, потому что управляются сознаниемъ высшимъ. Не зная доказательства безсмертія, они живо чувствуютъ эту истину, и никакія возраженія не въ силахъ поколебать ихъ. Этотъ путь къ утвержденію себя въ вѣрѣ въ безсмертіе есть самый лучшій. Онъ мало извѣстенъ въ школахъ, но въ жизни давно уже знаютъ его.

Прежде душу совершенно подчиняли тѣлу и говорили, что безъ извѣстныхъ частей тѣла она не можетъ обойтись. Новѣйшіе фізіологи доказали противное. Самый мозгъ не безусловно необходимъ для ея дѣйствованія. Она можетъ сознать себя правильно и при поврежденномъ мозгѣ. Слѣдовательно, возраженіе, что съ потерей мозга теряется сознаніе души, не справедливо. Думаютъ, что сумасшествіе происходитъ отъ поврежденія нѣкоторыхъ членовъ тѣла. Правда, это бываетъ; но видимъ и противное сему: находятъ сумасшедшихъ, у которыхъ тѣлесные члены цѣлы и здоровы. Изъ всего этого видно, что если въ теперешнемъ бѣдномъ состояніи душа можетъ отдѣляться отъ зависимости тѣла и существовать сама собою, то тѣмъ болѣе она можетъ существовать тогда, когда состояніе зависимости ея отъ тѣла прекратится.

Во снѣ пространство и время для души почти не существуютъ. Потому она въ это время соединяетъ въ одну, такъ сказать, точку прошедшее, настоящее и отчасти будущее, и живетъ жизнію, превышающею жизнь обыкновенную. Она въ то время чувствуетъ себя свободно отъ пространства и времени; видитъ прошедшее; заглядываетъ въ будущее, проникаетъ въ дѣла другихъ. Имѣетъ ли эта дѣятельность свои за-

коны? Она подчинена премудрѣйшимъ законамъ. Долго не знали, или, лучше, не обращали на это вниманія; но въ новѣйшія времена начали собирать сонники и наблюдать надъ сновидѣніями. Трудъ этотъ произвелъ систему сновъ, въ которой показано, что сны у всѣхъ народовъ, какъ Новаго, такъ и Стараго свѣта, подчинены однимъ законамъ, что проникновеніе въ будущее есть во всѣхъ снахъ, что во снѣ душа болѣе знаетъ. Правда, въ познаніяхъ ея въ то время примѣтна нѣкоторая летучесть; но этой летучести у св. людей не бываетъ: они во снѣ бесѣдуютъ ясно, опредѣленно. Такимъ образомъ, душа человѣческая еще въ сей жизни живетъ въ мірѣ общемъ, божественномъ. Второго рода проявленіе будущей жизни бываетъ въ болѣзняхъ. Здѣсь болѣе, нежели во снѣ, проявляется другая жизнь души. Сны важные бываютъ очень рѣдко; а потому необыкновенная дѣятельность души не всегда въ нихъ бываетъ замѣтна. Болѣзни, въ которыхъ проявляется будущая жизнь души, всѣ суть нервныя. Душа человѣческая ограждена нервною сѣтью, и потому, когда сѣть сія ослабѣваетъ, тогда она начинаетъ дѣйствовать свободно. Особенно это замѣтно въ лунатизмѣ. Въ этомъ состояніи, по причинѣ крайняго ослабленія нервной системы, душа освобождается отъ вліянія внѣшнихъ предметовъ и возвышается надъ законами природы. Они въ то время для нея не существуютъ, ибо душа силою своею носитъ тогда тѣло, не смотря на то, что оно подлежитъ главному закону природы — тяжести. То же бываетъ въ сумасшествіи, которое также происходитъ отъ ослабленія нервовъ. Въ этомъ состояніи душа предугадываетъ будущее, необыкновеннымъ образомъ припоминаетъ прошедшее и проникаетъ въ дѣла другихъ. Таковое же явленіе происходитъ въ состояніи такъ называемыхъ смертныхъ обмороковъ. Здѣсь, также

какъ и во снѣ, остается сознаніе, но нѣтъ чувства. Посему-то не безъ причины утверждаютъ, что въ это время человекъ бываетъ или въ раю, или въ аду; дѣйствительно, душа наша переносится тогда въ какой-то другой міръ. Для сего стоитъ прочитать статью въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1830 годъ, гдѣ представляется человекъ, который въ сильномъ обморокѣ сознавалъ, какъ его погребали, но не могъ двинуть ни однимъ членомъ тѣла*). Вотъ какъ въ болѣзненномъ состояніи проявляется другая жизнь души! Новѣйшіе подвели это подъ искусство и посредствомъ магнетизма заставили, такъ сказать, душу, производить подобныя явленія. Искусство это сдѣлалось предметомъ шарлатанства и потому запрещается; впрочемъ, объ немъ много написано въ книгѣ, такъ называемой „Ясновидящей“, и оно служитъ доказательствомъ того, что душа въ этомъ состояніи имѣетъ проницательность. Опыты произвели весьма роучительныя дѣйствія. Не зная ихъ, мы не могли бы понять, какъ душа безъ мозга будетъ мыслить и сознавать. Изъ нихъ мы узнали также важнѣйшую истину ту, что въ душѣ есть двѣ стороны и два сознанія: низшее, обыкновенное, логическое и высшее, необыкновенное. Сообразно симъ двумъ сторонамъ души, и цѣль тѣла есть двѣ системы: мозговая и желудочная. Душа можетъ переходить изъ одной системы въ другую. Поелику системы эти различны и не смѣшаны между собою, то душа, переходя изъ одной въ другую, начинаетъ иначе понимать и иначе дѣйствовать. Напр., лунатикъ иначе сознаетъ въ лунатизмѣ своемъ, и иначе — освободившись отъ него; въ лунатизмѣ забываетъ состояніе естественное, а въ естественномъ — лунатическое. Каждое изъ сихъ двухъ

*) Подобное сему есть въ листкѣ „Живой мертвецъ“, изданіе Пявтелемонова монастыря.

состояній имѣть свое вчера и завтра, и одно съ другимъ никогда не смѣшивается. Состояніе сіе есть предвѣстіе будущей жизни. Это видно преимущественно изъ того, что человѣкъ въ подобномъ состояніи возвышается надъ силами природы. Притомъ такое состояніе души соединяется съ нѣкоторою злостію, показывающею, что душа съ потерпѣніемъ жсляетъ, такъ сказать, вырваться изъ оковъ тѣла и перейти въ міръ свободы.

Эта необыкновенная жизнь души проявляется и естественнымъ образомъ у людей святыхъ. Чго въ другихъ производятъ болѣзни, то у аскетовъ происходитъ натуральнымъ образомъ. Расказы о чудесахъ, произведенныхъ ими, имѣютъ всю истину. И дѣйствительно, достигнуть силы чудотворенія можно посредствомъ богомыслія. Спаситель, обѣщая даръ чудесъ, не положилъ предѣлъ, но сказалъ: „вѣрующій въ Меня сдѣлаетъ, что Я дѣлаю, и болѣе сего сдѣлаетъ“. Въ святыхъ людяхъ это не свыше только происходитъ, но (при содѣйствіи благодати*) достигается и посредствомъ полного развитія духовной природы человеческой и ослабленія природы тѣлесной.

Итакъ, никто да не сомнѣвается въ истинѣ безсмертія души. Сознавая же сію истину, и жить нужно такъ, чтобы по смерти не имѣть намъ не наследовать вѣчное мученіе адское, а наследовать вѣчное блаженство на небеси.

Составитель.

*) Вписка составителя.

Безсмертіе души.

(Изъ бесѣды Евсевія, архієпископа Могилевскаго).

Слово Божіе раскрываетъ намъ безсмертіе нашей души, какъ истину общепзвѣстную. Оно говоритъ: *Богъ созда челоуѣки въ истинѣ, и во образъ подобія Своего сотвори его: за вѣстію же діаволоу смерть вниде въ міръ* (Прем. 2, 23, 24). Человѣкъ былъ бы безсмертенъ и по тѣлу, если бы по зависти діавола не былъ вовлеченъ въ грѣхъ. Богъ заповѣдалъ Адаму: *отъ дрѣва же, еже разумити доброе и злое, не съѣшь отъ него: а въ оноеже аще день съѣшь отъ него, смертью умреть* (Быт. 2, 17). Отселѣ явно, что только чрезъ грѣхъ подвергся челоуѣкъ смерти по тѣлу. Но смерть тѣла не разрушаетъ существа души, не прекращаетъ бытія души. Премудрый говоритъ: *и возвратится персть въ землю, якоже бы, и духъ возвратится къ Богу. Иже дадего* (Еккл. 12, 7). То-есть, изъ персти или изъ земли созданное тѣло оный возвратится въ землю, изъ которой оно взято; а душа возвратится къ Богу, Который создалъ ее по Своему образу.

Всѣ ветхозавѣтные праведники вѣрою въ будущую жизнь усовершенались въ благочестіи и праведности, и были вѣрны Богу среди тяжелыхъ испытаній настоящей жизни, всѣ умерли въ этой вѣрѣ, какъ пишетъ Апостолъ: *но зрѣть умрѣша сѣи вси, не приимши обѣтованій, но издавна видѣвши я, и прѣлюбовавши, и исповѣдавши, яко страннии и пришельцы сѣи на земли. Ибо таковыя глаголющии, являютсѣ, яко отсчествіа взыскають* (Евр. 11, 13, 14); всѣ они спасались вѣрою въ обѣтованнаго Покупителя: но Покупителя въ настоящей жизни они не дождались, а только издали вѣрою со-

зерцали тѣ благодатныя дни, въ которые имѣлъ Онъ совершить спасеніе рода человѣческаго, и радовался, уповая, что и они будутъ участвовать въ спасеніи не въ этой, а въ другой жизни, и потому въ этой жизни почитали себя страпниками и пришельцами, показывая тѣмъ, что они ищутъ и ожидають отечества небеснаго.

Богъ, промысля о сохраненіи и воспитаніи вѣры въ безсмертіе, являлъ въ ветхозавѣтной Церкви и чудесныя свидѣтельства о будущей жизни. Такъ праведный Енохъ (Іуд. ст. 14), за свою вѣру и праведную жизнь, Богомъ переселенъ былъ на небо, не видѣвъ смерти (Евр. 11, 5). Пророкъ Ілія съ тѣломъ взятъ былъ на небо (4 Цар. 2, 11). Были примѣры воскресенія мертвыхъ: такъ Пророкъ Ілія воскресилъ сына бѣдной вдовы (3 Цар. 17, 21); кости Пророка Елисея возбудили къ жизни прикоснувшася къ нимъ мертвеца (4 Цар. 13, 21).

Священное Писаніе Новаго Завѣта предлагаетъ намъ болѣе ясное ученіе о будущей жизни человѣка. Іисусъ Христосъ, *разрушившій смерть и явившій жизнь и неплѣніе чрезъ благовощеніе*, какъ учитъ Апостолъ (2 Тим. 1, 10), Своею проповѣдію всѣхъ призываетъ къ будущей жизни. Царство Моє, учитъ Онъ, *нѣсть отъ міра сего* (Іоан. 18, 36). *Блаженни изгнани правды ради, яко тѣхъ естъ царствіе небесное. Блаженни есте, егда поносятъ вамъ, и иждоужутъ и ркутъ всякъ злой глаголъ на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда вамъ многа на небесехъ: тако бо изгнаша пророки, нже быша прежде васъ* (Матѣ. 5, 10 — 12). Такъ Самъ Спаситель свидѣтельствуєтъ о вѣрѣ ветхозавѣтныхъ праведниковъ въ будущую жизнь, и всѣмъ ученикамъ Своимъ внушаетъ готовиться къ ней, общая великую награду на небесахъ за всѣ труды, скорби, изгнанія

и страданія, переносимыя ради имени Его, Спасителя и Бога нашего. При другомъ случаѣ Іисусъ Христосъ, приготовляя Своихъ учениковъ къ мужественному перенесенію гоненій и скорбей, на поприщѣ Апостольскаго служенія, говоритъ: *не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить: убойтесь же тѣмъ, могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ* (Матѣ 10, 28). Гонители, преслѣдуя Апостоловъ и преемниковъ ихъ, могли вредить только тѣлу, могли убить тѣло, а души не могли повредить, когда гонимые, среди гоненій, сохраняли истинную вѣру. Потому Господь учитъ не бояться гонителей и мучителей; а *бойтесь*, говоритъ, *могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ*, то-есть — бойтесь Бога и Спасителя міра. Онъ Владыка жизни и смерти. Ему дана власть на небеси и на земли. Онъ предопредѣленный Судія живыхъ и мертвыхъ. Его должны мы бояться. Какія бы скорби и болѣзни ни надлежало переносить намъ ради Господа, мы должны благодушно и съ радостію переносить всякія скорби и несчастія, только бы не оказаться намъ нарушителями Его святой воли и не подвергнуться гнѣву Его, *могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ огненной*.

Обличая Саддукесвъ, не вѣровавшихъ въ безсмертіе души, Іисусъ Христосъ говоритъ: *о воскресеніи же мертвыхъ, нѣсте ли чли реченнаго вамъ Богомъ, глаголющимъ: Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Іаковъ? Нѣсть Богъ, Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Матѣ 22, 31, 32). Такъ Господь изъ свидѣтельства Моисеева закона, котораго Саддукеи не отвергали, показывалъ имъ, что патріархи Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ и послѣ тѣлесной смерти остаются предъ Богомъ живы.

Бесѣдуя съ Марѳою, сестрою умершаго Лазаря, Іисусъ Христосъ говорилъ ей: *воскреснетъ братъ твой*.

Марѳа говорить Ему: *вѣмъ, яко воскреснетъ въ воскресеніи, въ послѣдній день.* Иисусъ сказалъ ей: *Азъ есмь воскресеніе и животъ: вѣруй въ Мя, ище и умреть, оживеть.* И всякъ живой и вѣрующій въ Мя, не умретъ во тьмѣ (Іоан. 11, 23—26). Иисусъ Христосъ и Своими дѣлами показалъ, что Онъ есть начальникъ жизни, воскрешая мертвыхъ однимъ словомъ, какъ воскресилъ Лазаря четверодневнаго.—И невѣрующіе не умрутъ, а будутъ жить по смерти; но ихъ вѣчная жизньъ, въ удаленіи отъ лица Божія въ мученіяхъ, есть смерть, а не жизнь, и въ словѣ Божіемъ называется смертію второю (Апок. 21, 8). Это раскрылъ Господь въ притчѣ о богачѣ и нищемъ Лазарѣ (Лук. 16, 19—31). Въ притчѣ этой Иисусъ Христосъ ясно учитъ, что какъ душа роскошествовавшаго богача, такъ и душа нищаго Лазаря по смерти тѣла остались живы: душа Лазаря послѣдовала блаженство съ Авраамомъ, а душа порочнаго богача — осужденію, въ удаленіи отъ радостей небесныхъ.

Иисусъ Христосъ для того и приходилъ на землю, чтобы вѣрующіе въ Него не погибли, но имѣли жизнь вѣчную, какъ Самъ Господь учитъ: *такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сыни Своего едиnorodнаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16).

Апостолъ Павелъ, обличая невѣріе въ будущую жизньъ, говоритъ: *ище въ животъ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣиши всѣхъ челоувѣкъ есмы.* Нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершихъ бысть. Понеже бо челоувѣкомъ смерть бысть, и челоувѣкомъ воскресеніе мертвыхъ. Якоже бо о Адамъ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ (1 Кор. 15, 19—22). Апостолъ показываетъ недѣльность невѣрія въ будущую жизньъ такъ: если мы, то-есть Апостолы и

всѣ вѣрующіе во Іисуса Христа, только въ этой жизни падѣмся на Христа; то мы несчастнѣе всѣхъ людей: потому что мы здѣсь ради Христа терпимъ презрѣніе, гоненія, мученія, каждый день умираемъ, чему невѣрующіе во Христа не подвергаются. Но какъ несомнѣнно, что Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ,—первенецъ изъ умершихъ, такъ несомнѣнна и будущая жизнь. Какъ смерть вошла въ міръ чрезъ человека, такъ чрезъ Богочеловѣка совершится и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ.

Итакъ, наша душа безсмертна; она будетъ вѣчно жить или на небѣ, или во адѣ. Если на землѣ до конца будемъ жить благочестиво и добродѣтельно, то наша душа вѣчно будетъ блаженствовать на небѣ. А если здѣсь будемъ жить безпечно, предаваясь грѣхамъ, и умремъ во грѣхахъ, не принеся искренняго покаянія, то наша душа вѣчно будетъ страдать во адѣ. И самое тѣло нѣкогда воскреснетъ и будетъ участвовать или въ блаженствѣ праведника, или въ мученіяхъ грѣшника.

Поэтому, надобно намъ всегда помнить о безсмертіи своей души, и помня, заботиться о ея спасеніи,—стараться всегда дѣлать добро, чтобы наслѣдовать вѣчную блаженную жизнь; надобно удаляться всякаго грѣха, чтобы не подвергнуться вѣчному несчастію; надобно быть готовыми все потерять и всего лишиться въ этомъ мірѣ, только бы не погубить своей души. Христосъ Спаситель учитъ: *какая польза человеку, если міръ весь приобрететъ, душу же свою отцетитъ* (Матѣ. 16, 26).

Чтобы не вредить своей душѣ, или не дѣлать того, что удаляетъ душу отъ Бога и лишаетъ спасенія,—надо всегда имѣть Бога въ умѣ и сердцѣ, и чаще размышлять о мірѣ духовномъ, о безсмертіи

души, о ея духовныхъ совершенствахъ и благахъ, о вѣчномъ блаженствѣ праведныхъ и о вѣчныхъ мученіяхъ непокаявшихся грѣшниковъ. Кто, забывая о небесныхъ сокровищахъ, заботится только о благахъ этой жизни, тотъ уподобляется такому купцу, который за ничтожныя вещи отдаетъ золото, серебро и драгоценныя камни. Всѣ мы таковы, когда скоропреходящія, ничтожныя блага этой жизни покупаемъ потерю благъ небесныхъ,—потерю уготованнаго намъ вѣчнаго блаженства. Помни, христіанинъ, что ты имѣешь одну душу, и бойся потерять ее на всю вѣчность.

Душевные способности и дѣйствія

въ отношеніи науки.

Душа мыслию своею во мгновеніе ока восходитъ на небо, нисходитъ во адъ, обтекаетъ землю, проходитъ грады, бываетъ на всякомъ мѣстѣ, мыслить все, что только можетъ; воспоминаетъ прошедшее, разсуждаетъ о настоящемъ, предусматриваетъ будущее, уравниваетъ, судить, соединяетъ, раздѣляетъ и самыя свои воображенія. Она навѣваетъ разнымъ языкамъ, всякимъ искусствамъ, высочайшимъ знаніямъ. Сколько діалектовъ (нарѣчій, разговоровъ) ни слышите, сколько книгъ ни читаете, сколько художествъ не видите,—все сіе являетъ душевное дѣйствіе. Ея суть изобрѣтенія тѣ художественныя орудія, посредствомъ коихъ проходимъ чрезъ обширнѣйшія моря, нисходимъ до глубины морскую и извлекаемъ оттуда драгоценности, входимъ въ нѣдра земныя, и искапываемъ металлы, измѣряемъ величину солнца, луны и прочихъ планетъ; еще же постигаемъ сущее между ними разстоя-

ніе, познаемъ время ихъ теченія, восхожденія и за-
хожденія, равноденствія, затменія и взаимное ихъ
отстояніе—какъ отъ себя самихъ, такъ и отъ земли.—
Возжигаемъ и погашаемъ огонь, выпускаемъ и выпуска-
емъ воздухъ, измѣряемъ дѣйствіе огня, воды и вѣт-
ровъ, видимъ и то, что, либо по величеству своему,
либо по отдаленности, не подлежитъ нашему зрѣнію.

Ея суть изобрѣтенія: микроскопы, телескопы, би-
нокли, пирометры, гидрометры, еермометры, барометры,
анемометры, граммофоны, компасы, телеграфы, кине-
матографы, фотографическіе аппараты и проч..., она
вымышляетъ рѣшенія на всякія затруднительности,
отражаетъ запутанные и неудобопонятные софизмы,
и проникаетъ въ сокровенныя вещи.

Душа православствуетъ, естествословствуетъ, зем-
лемѣрствовсловствуетъ, травословствуетъ, матерослов-
ствуетъ, врачесловствуетъ, звѣздословствуетъ, существо-
словствуетъ, духословствуетъ, душесловствуетъ, Бого-
словствуетъ.

Посредствомъ же таковыхъ дѣйствій господствуетъ
и обладаетъ всѣми земными вещами и всею землею.
Судя о семъ, никто не можетъ не восхититься и не
удивиться, видя толкое душевное благородство и
преимущество. И кто не возвеличитъ всесильную
Премудрость Бога—Создателя души и не воззоветъ съ
порфиноноснымъ псалмопѣвцемъ: *„Дивно для меня въ-
дѣніе (Твое) высоко, не могу постигнуть его“* (Псал. 138, 6).

Душевные способности

въ отношеніи нравственности и Богообщенія.

Въ существѣ души заключено все, что есть на поверхности ея — въ области свободно-сознательной.

Въ душѣ нашей есть какая-то глубина, какъ-бы лоно жизни, откуда все исходитъ и куда снова все, что человекъ въ теченіе жизни ни мыслить, ни чувствуетъ, ни желаетъ — возвращается, чтобы составить одно цѣлостное — нравственную природу души, куда же проникаетъ свѣтъ обыкновеннаго сознанія. Въ душѣ нашей ничто не пропадаетъ, а все слагается въ одно цѣлое — вѣчный характеръ души, такъ что въ своей глубинѣ есть единая река жизни, слагаемая изъ различныхъ потоковъ мыслей, чувствъ, желаній и дѣлъ.

Въ глубинѣ своего существа душа наша соединена съ самымъ Божественнымъ Духомъ — все объемлющимъ и все пропигающимъ, Который влечетъ все къ Себѣ Своею Божественною красотою; значитъ, когда душа низойдетъ во внутреннюю глубину существа своего, тогда она чрезъ это вступитъ во внутренній союзъ съ Богомъ.

Кромѣ того она состоитъ въ связи съ подобными себѣ существами міра духовнаго, ибо она есть гражданка царства духовнаго; значитъ, по отрѣшеніи отъ тѣла, она естественно должна вступить въ общеніе съ духами.

(Изъ сборника Кіевск. Академ.).

Духовное зрѣніе души.

Каждая душа человѣческая имѣетъ духовныя очи, данныя ей для того, чтобы видѣть Бога, — подобно тому, какъ въ каждомъ тѣлѣ есть тѣлесныя глаза, устроенныя для того, чтобы видѣть предметы чувственнаго міра.

Поэтому для того, чтобы видѣть Бога и убѣждаться въ Его бытіи, нужно только смотрѣть на Него духовными очами. Но при этомъ требуется, чтобы эти очи были здоровы и не покрыты тьмою и нечистотою грѣховною, иначе они не увидятъ Бога, хотя Онъ для другихъ будетъ видимъ, подобно тому, какъ больные глазами или слѣпые не видятъ солнечнаго свѣта, не смотря на то, что онъ для зрящихъ не престаётъ существовать и свѣтитъ.

И это око сердечное, или очи душевныя, или просто Божественная въ насъ идея не есть мыслительная или разсудочная сила души, а скорѣе есть внутреннее ея чувство, или, точнѣе сказать, внутреннѣйшая и глубочайшая сторона этого чувства, какою оно обращено къ особеннѣйшей области сверхчувственного и Божественнаго, подобно тому, какъ чувства внѣшнія обращены къ области предметовъ міра чувственнаго. Оно не гадательно или посредствомъ выводовъ и умозаключеній проникаетъ въ область Божественнаго, а непосредственно соприкасается къ ней, принимая изъ нея живыя впечатлѣнія; и выносимое имъ отсюда убѣжденіе въ бытіи Божіемъ не есть основанное на какихъ либо посредствующихъ или логическихъ выводахъ, а осязательное, живое, непосредственное убѣжденіе, похожее на то, какое получается нами относи-

тельно бытія ви́шнихъ предметовъ, безъ всякихъ посредствъ разсудочныхъ, на основаніи одного свидѣтельства зрѣнія и другихъ ви́шнихъ чувствъ. Не будь у насъ этого духовнаго чувства, мы не имѣли бы возможности свою вѣру въ бытіе Божіе доводить до степени осязательной и неотразимой несомнѣнности.

Но оно дано каждому, будучи такъ нераздѣльно съ природою души, какъ глаза съ организаціею тѣла, благодаря чему каждый имѣетъ полную возможность осязательно убѣждаться въ бытіи Божіемъ, какъ убѣждается въ бытіи солнечнаго свѣта имѣющій глаза. Если же не все пользуются этою возможностью, если нѣкоторые готовы сомнѣваться въ самомъ бытіи Бога, то причина этому не въ чемъ-либо иномъ, какъ въ испорченности и низвращенности того, что составляетъ глаза души, — въ чемъ они сами виновны и ихъ порочная жизнь.

Человѣкъ долженъ имѣть душу, какъ блестящее зеркало. Когда на зеркалѣ есть ржавчина, то не можетъ быть видимо въ зеркалѣ лицо человѣческое, такъ и человѣкъ, — когда въ немъ есть грѣхъ, не можетъ созерцать Бога, потому что Онъ бываетъ видимъ для тѣхъ только, у кого открыты очи душевныя и не помярчены грѣхами и злыми дѣлами, какъ Самъ Христосъ сказалъ: „*Блаженн чистѣи сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ*“.

(Изъ Богословія Еп. Сильвестра).

Способность души человѣческой созерцать сновидѣнія.

Всякій знаетъ, что такое сновидѣніе и всякій имѣлъ ихъ. Но нельзя думать, что эта способность

души незначительна. Правда, есть сны пустые, являющіеся только повтореніемъ или отголоскомъ того, что проходило во время дня. Но есть и *вѣщія сновидѣнія*. Подъ именемъ вѣщихъ сновъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, разумѣются сны съ предвѣщаніемъ или предсказаніемъ будущаго, а въ широкомъ смыслѣ:— всѣ необыкновенные правдивые или имѣющіе смыслъ и значеніе сны въ отличіе отъ обыкновенныхъ, какъ пустой игры воображенія.

Еще языческіе мудрецы различно судили о снахъ. Одинъ языческій мудрецъ (Протагоръ) говорилъ: „каждый сонъ имѣетъ свое значеніе, свой смыслъ, и для человѣческой жизни полезно обращать на сны вниманіе“. Другой языческій мудрецъ (Ксенофанъ) утверждалъ, что всѣ сны пусты и обманчивы, и что заблуждается тотъ, кто обращаетъ на нихъ вниманіе и устрояетъ по нимъ свои дѣла.—Истины нужно искать въ серединѣ, т. е. во-первыхъ, не на всѣ сны надобно обращать вниманіе и, во-вторыхъ, не всѣ сны надобно презирать, считать ихъ пустыми.

Во-первыхъ,—говоримъ,—не на всѣ сны надобно обращать вниманіе. Самъ Богъ увѣщаетъ людей чрезъ Моисея „не гадать по снамъ“ (Лев. 19, 26). „Безразсудные люди, — говоритъ Сирахъ, — обманываютъ самихъ себя пустыми и ложными надеждами; кто вѣрить снамъ, тотъ подобенъ обнимающему тѣнь или гонящемуся за вѣтромъ; сновидѣнія совершенно то же, что отображеніе лица въ зеркалѣ“ (34, 1—3). Большая часть сновъ суть только естественное слѣдствіе возбужденнаго воображенія человѣка. О чемъ человѣкъ днемъ думаетъ, чѣмъ онъ сильно заинтересованъ, чего онъ страстно желаетъ или не желаетъ—это и снится ему. Св. Григорій рассказываетъ объ одномъ человѣкѣ, который безразсудно вѣрилъ снамъ, и которому во снѣ

общалась долгая жизнь. Онъ собралъ много денегъ, чтобы имѣть чѣмъ благополучно прожить долгую жизнь свою, — но вдругъ заболѣлъ, и вскорѣ умеръ, — и, такимъ образомъ, не могъ сдѣлать никакого употребленія изъ своего богатства, и въ то же время не могъ взять съ собою въ вѣчность никакихъ добрыхъ дѣлъ.

Слѣдовательно, есть много сновъ пустыхъ и обманчивыхъ, которые или просто ничего не значать, или же бываютъ по дѣйствию бѣсовскому для прельщенія нашего, а посему на таковыя сны не надобно обращать вниманія.

Но, во-вторыхъ, есть и такіе сны, которые имѣютъ значеніе для насъ, и на которые надобно обращать вниманіе. Укажемъ для примѣра сонъ Іосифа одного изъ двѣнадцати сыновей патріарха Іакова. Іосифу снилось, что онъ съ братьями жнетъ въ полѣ пшеницу: снопъ Іосифа стоялъ прямо, а снопы братьевъ окружили его и поклонились ему. Этотъ сонъ точно исполнился: по истеченіи нѣкотораго времени, Іосифъ, проданный братьями въ Египетъ, сдѣлался владыкою Египта и пріѣхавшіе въ Египетъ братья его должны были кланяться ему и почитать его. Точно также сбылся и пророческій сонъ фараона, царя Египетскаго. Если-бы фараонъ не обратилъ вниманія на этотъ сонъ и не сдѣлалъ бы большихъ запасовъ хлѣба въ урожайные годы для годовъ неурожайныхъ, то онъ горько раскаивался бы; жители Египта, а также отецъ и братья Іосифовы, умерли бы голодною смертію.

И многіе изъ людей, а, можетъ быть и изъ находящихся среди насъ, имѣютъ причину раскаиваться въ томъ, что не обратили вниманія на нѣкоторые сны свои. Вотъ для примѣра одинъ рассказъ. Одинъ безпутный юноша, не слушавшій увѣщаній своихъ луч-

сихъ друзей, направлявшихъ его на другую лучшую дорогу, увидѣлъ однажды во снѣ своего отца, который строго повелѣвалъ ему оставить безпутную и беззаботную жизнь и жить лучше; но—согласно изреченію Іисуса Христа, — *„если не слушаютъ закона, то не послушаютъ и того, кто-бы воскресъ изъ мертвыхъ,“* — юноша не обратилъ никакого вниманія на свой сонъ. Тогда онъ снова видитъ такой же сонъ: ему снова снится отецъ, который заявляетъ сыну, что если онъ не переимѣнитъ свой жизни, то въ такой-то день постигнетъ его смерть, онъ предстанетъ на судъ Божій. Юноша рассказалъ шуточно о снѣ своемъ подобнымъ же ему товарищамъ, и не только не думалъ объ исправленіи жизни, но даже какъ бы хотѣлъ посмѣяться надъ угрозою, полученною во снѣ. Именно—на тотъ же день, въ который во снѣ отецъ угрожалъ сыну смертію, онъ назначилъ большую пирушку съ товарищами. И что же? Среди винопитія внезапно поражаетъ сына апоплексическій ударъ и онъ чрезъ нѣсколько минутъ умираетъ.

Изъ приведенныхъ здѣсь рассказовъ мы видимъ, что не всѣ сны обманчивы и пусты, — есть сны, которые дѣйствительно исполняются въ жизни.

Приведемъ теперь нѣсколько совѣтовъ о томъ, какъ нужно относиться къ сновидѣніямъ.

Если сны побуждаютъ насъ къ добру и удерживаютъ отъ зла, то считайте эти сны перстомъ Божиимъ, указывающимъ вамъ на небо и отклоняющимъ васъ отъ дороги къ аду. Вотъ какъ объ этомъ говорится въ одной книгѣ свящ. Писанія: „Богъ говоритъ однажды и, если того не замѣтятъ, въ другой разъ: во снѣ, въ ночномъ видѣніи, когда сонъ находитъ на людей во время дремоты на ложѣ. Тогда Онъ открываетъ у челоука ухо и запечатлѣваетъ свое наставленіе, чтобы

отвести человека отъ какого-либо предпріятія и удалить отъ него гордость, чтобы отвести душу его отъ пропасти и жизнь его отъ пораженія мечомъ (Іов. 33, 14—8).

„Когда увидишь во снѣ образъ креста, — учить преп. Варсонофій, — знай, что этотъ сонъ истиненъ и отъ Бога, но постарайся отъ святыхъ (живущихъ богоугодно) получить истолкованіе значенія его, а не вѣрь своему помыслу“.

Если же вы увѣрены, или не имѣете разумной причины думать, что сонъ происходитъ отъ Бога, въ особенности, если сонъ касается неважныхъ, безразличныхъ предметовъ, тогда нѣтъ надобности обращать вниманіе на сны и устроить по нимъ свои дѣйствія; будьте осторожны, дабы, обращая вниманіе на каждый сонъ, не сдѣлаться суевѣрными и не подпасть опасности согрѣшить.

Если, наконецъ, сонъ соблазняетъ человека на грѣхъ, то онъ есть слѣдствіе нашего испорченнаго, разстроеннаго воображенія, нашей фантазіи, или же онъ происходитъ отъ того, отъ кого да сохранить насъ Богъ своею благодатію, т.-е. отъ діавола.

(Изъ книги „Дивныя свойства души человека“).

Тричастіе человека.

Тѣло. Душа, Духъ.

Тричастіе Души.

Словесное, раздражительное, вождѣлвательное.

Душевные три силы.

Разумъ, память, воля.

Троичность.

Тѣло,	душа,	духъ.
Плотское,	душевное,	духовное.
Противуестественное,	естественное,	вышнееестественное.
Безнравственное,	благодарное,	облагодѣтельное.

Домъ души — тѣло, домъ духа — душа.

Если человѣкъ двойственъ, т.-е. изъ тѣла и души, если природа наша состоитъ не изъ трехъ частей, а изъ двухъ, то какъ-же приписывается еще и духъ, который составляетъ какъ-бы нѣчто третье?

Св. Григорій Нисскій говоритъ: надобно знать, что въ священномъ Писаніи духъ человѣка обыкновенно употребляется двояко: иногда духъ употребляется вмѣсто души (какъ сказано въ Евангеліи: Отче въ руцѣ Твои предаю Духъ Мой!), а иногда вмѣсто духовнаго дѣйствія (духъ бодръ, плоть же немощна).

Священномученикъ Ириней говоритъ: человѣкъ состоитъ изъ троичности: изъ плоти, души и духа. И какую бы имѣлъ Апостоль причину молиться о всецѣломъ сохраненіи въ пришествіе Господне сей троичности, т. е. тѣла, души и духа (Фессалон. 5, 23), еслибъ не зналъ о сохраненіи и соединеніи трехъ, и о единомъ и томъ же ихъ спасеніи. Итакъ, тѣ совершенны, которые имѣютъ и *Духа Божія*, пребывающаго въ нихъ, и душу и тѣло сохраняютъ непорочными.

Но выраженіе: „Духа Божія“ не касается троичности человѣка, потому что человѣкъ самъ по себѣ троечепъ. Духъ же Божій пребываетъ только съ достойными, а отъ грѣшниковъ непокаявшихся, удаляется.

Составитель.

Св. Іоаннъ постникъ писалъ: примите псаломъ (говоритъ Давидъ) и дадите тимпанъ, псалтирь съ гусльми: даетъ одно, а трехъ проситъ, потому что изъ

трехъ частей мы составлены (во образъ Святой Троицы).—Псалтирь есть духъ, душа—гусли, а тимпанъ долженъ быть сдѣланъ изъ кожи жертвой; итакъ, умертви тѣло, чтобъ въ тимпанѣ и лихѣ славить Бога въ Троицѣ славимаго.

Троичность природы человѣческой можетъ быть нѣсколько понятна, если согласиться съ мнѣніемъ пресвящ. Теофана затворника Вышенскаго, который въ одномъ изъ многочисленныхъ своихъ писемъ (томъ 1-й, письмо 106) говоритъ, что человѣкъ вначалѣ созданъ былъ живымъ, какъ и прочія живыя существа, то есть съ тѣломъ и душою, оживляющею тѣло, а потомъ Господь вдунулъ въ лице его духъ Свой, который соединился съ душою и вмѣстѣ съ нею сдѣлался безсмертнымъ. Но опять и здѣсь нельзя грубо понимать, что будто и въ самомъ дѣлѣ Богъ прежде создалъ человѣка какъ животное съ душою неразумною, а послѣ уже вдунулъ въ него духъ Свой. Это все говорится только для того, чтобы мы могли понять, что, въ отношеніи оживленія, питанія и возрастанія тѣла, человѣкъ имѣетъ такую же силу или душу, какъ и животныя; а въ отношеніи разума и безсмертія имѣетъ Богоподобный духъ. Касательно же созданія человѣка, какъ говорить св. Іоаннъ Дамаскинъ, нужно понимать, что тѣло и душа человѣка созданы одновременно, вмѣстѣ,—и въ сіе самое мгновеніе вдунуть (какъ вдунуть—это необъяснимо) Богоподобный духъ, такъ что человѣкъ сразу явился во всемъ своемъ величіи—совершеннымъ по душѣ и тѣлу.

Различіе души и духа видно еще изъ того, что человѣкъ, живущій по влеченіямъ чувственной плоти и животна своей силы, иногда ничѣмъ не отличается отъ безсловесныхъ животныхъ, но даже дѣлается хуже ихъ, не зная никакихъ границъ и предѣловъ, тогда какъ животныя не переходятъ сихъ границъ, довольствуясь лишь необходимымъ. — Таковыя люди обыкновенно называются плотскими, душевными. Живущіе же по влеченіямъ Богоподобнаго духа называются духовными.

Итакъ, правильнѣе всего понимать, что душа и духъ чловѣка не двѣ отдѣльныя сущности, но двѣ стороны одного и того же духа, двѣ части въ одномъ цѣломъ. Ибо если допустить, что душа и духъ отдѣльныя сущности, то нужно признать, что, по смерти чловѣка, они должны существовать отдѣльно другъ отъ друга, или же низшей части нужно уничтожиться, какъ это бываетъ съ душою животныхъ; но подобная мысль недопустима, потому что и Священное Писаніе и всѣ св. Отцы Церкви единогласно говорятъ о существованіи и всецѣломъ сохраненіи за гробомъ единой души.

Составитель.

Тричастіе души,

Мыслительное, раздражительное, вождельвательное.

У святаго Димитрія Ростовскаго читаемъ: чловѣкъ есть Божіе созданіе, въ его же естество три вещества суть насаждены: разумное, похотное и яростное. — Разумомъ доброе и злое разумѣваетъ; похотию иногда добрыя, иногда злыя вещи желаетъ; гнѣвомъ и яростию естественнѣ отмщенія обидѣтелю ищетъ. А потому—премѣпивый безсловесіе на познаніе и просвѣщеніе разума, ярость и гнѣвъ претворивый на кротость, сласть и похоть плотскую, безсловесную — на Божественное желаніе и любовь,—тричастное души во глубинѣ безстрастія и просвѣщенія разума видѣвши..., воспѣваетъ, духомъ радуясь Господеву..., а дотолѣ не можетъ быти безъ скорби.

И долгъ высокаго христіанскаго подвижничества требуетъ всегда возбуждать „раздражительную силу“ ко вступленію въ брань внутреннюю и къ самоосужденію; „мыслительную силу“—къ строгому и непрерывному трезвенію и духовному созерцанію; „вождельвательную силу“—въ любовь къ Богу и добродѣтели.

Душа имѣтъ три природныя свойства: разумъ, чтобы различать; сердце, чтобы отвращаться пороковъ, и волю, чтобы желать добродѣтели.

Врачующія добродѣтели:

Милостыня исцѣляетъ раздражительность; постъ увядаетъ похоть; молитва очищаетъ умъ и направляетъ его къ созерцанію Бога.

„Изъ всего вышесказаннаго видно, что человѣкъ, созданный по образу и подобию Тріипостаснаго Бога, во всѣхъ своихъ составленіяхъ и способностяхъ носитъ отпечатокъ сей Троичности, чего не видно ни въ комъ иномъ изъ всѣхъ тварей, а только въ одномъ человѣкѣ“.

Составитель.

Въ чемъ душа подобна Богу *).

1. Богъ тройченъ въ лицахъ, подобно и душа наша есть трояка въ своихъ силахъ: она имѣтъ разумъ, память, волю, которыя, хотя суть три различныя способности, однако составляютъ одну душу.

2. Богъ Самъ въ себѣ есть безъ всякаго сложенія, вещества и очертанія, подобнымъ образомъ и душа наша есть сама въ себѣ, не будучи изъ какихъ либо частей сложена, ничего вещественнаго и никакого очертанія **) не имѣтъ, только зависитъ отъ Бога единственно, яко отъ Него происходящая.

3. Богъ есть безсмертенъ, и душа наша также безсмертна и въ томъ сходствуетъ съ Богомъ, что безсмертно, говоритъ блаженный Августинъ.

*) Выписки съ небольшимъ измѣненіемъ изъ книги „Путь ко спасенію“ сочин. Θεодора ЭмIANA 1890 г.

**) Душа, какъ духъ, очертанія не имѣтъ, но такъ какъ она тѣсно соединена съ тѣломъ, то и по выходѣ изъ тѣла принимаетъ видъ тѣла со всеми подробностями его очертаніями.

Состав.

4. Господь Богъ невидимъ: *Бога никтоже видѣ нигдѣже*, говоритъ святой Іоаннъ Богословъ (Іоан. 1, 18); невидимъ потому, что Онъ есть Духъ (Іоан. 4, 24); и душа наша равнымъ образомъ невидима, потому что и она есть духъ, и симъ уподобляется Богу.

5. Богъ есть на каждомъ мѣстѣ, во всемъ мірѣ управляя и приводя въ движеніе всѣ дѣйствія: подобнымъ образомъ и душа находится во всемъ нашемъ тѣлѣ, которое малымъ міромъ называется, во всѣхъ частяхъ, жилахъ и составахъ онаго она есть, и вездѣ присутствуетъ, управляя имъ и приводя его члены, суставы и кровь въ движеніе.

6. Богъ знаетъ всѣ вещи и все, что только быть можетъ, или будетъ; наша также имѣетъ способность разсуждать и разумѣть нѣкимъ образомъ нескончаемость свою, чѣмъ, по ученію св. Іоанна Дамаскина, и уподобляется Богу.

7. Богъ имѣетъ полную во всемъ волю: и душѣ нашей Онъ благоволилъ дать полную же надъ собою волю, такъ что она свободна!

8. Богъ владѣетъ всѣмъ міромъ и всюю природою: и человѣку благоволилъ дать полную власть надъ всѣми живущими на землѣ, *да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными (и звѣрьми), и скотами и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по землѣ* (Быт. 1, 26).

9. Богъ всемогущъ; человѣкъ же, хотя не все, однако очень много можетъ; и представляетъ нѣкимъ образомъ въ себѣ сію Божественную силу, отъ которой онъ могущество свое заимствуетъ, имѣя способность производить такіа дѣйствія, которыхъ прочія животныя не только сдѣлать не могутъ, но и попятъ не въ состояніи.

10. Богъ Самъ въ Себѣ блаженъ есть: и душа наша предназначена Богомъ для вѣчнаго съ Нимъ блаженства, если только она сама сего восхощетъ и не удалится отъ Него грѣховными дѣлами своими.

Все удаляющіеся отъ Бога погибнутъ (Псал. 72. 27); погибнутъ не въ смыслъ совершеннаго уничтоженія, но въ смыслъ лишенія вѣчнаго блаженства и наслѣдованія вѣчной муки.

Душа и духъ человѣка, и ихъ взаимодействіе.

Душа — существо духовное — не есть проявленіе другой какой силы, какъ радуга, а есть самостоятельная, особая личность, свободо-разумная, нормальное состояніе которой есть жизнь въ общеніи съ Богомъ, почтившимъ ее въ сотвореніи образомъ Своимъ.

Въ человѣкѣ надо различать душу и духъ. Духъ содержитъ чувство Божества — совѣсть и ничѣмъ не-удовлетворимость. Онъ есть та сила, которая вдохнута въ лице человѣка при сотвореніи. Душа — низшая сила, или часть той же силы, назначенной на веденіе дѣлъ земной жизни. Она такая сила, какъ душа животныхъ, но возвышенная ради сочетанія съ нею духа. Духъ изъ Бога, сочетавшись съ душою животныхъ, возвелъ ее на степень души человѣческой. — И сталъ человѣкъ двоякъ: одно тянетъ горѣ, другое — долу. Когда человѣкъ въ своемъ чинѣ держится, то онъ живетъ духомъ, то-есть страхомъ Божиимъ водится, и совѣсть слушаетъ и горняго ищетъ. А когда онъ поддается влеченіямъ души дольней, то выходитъ изъ своего чина, и то, чего хочетъ духъ, думаетъ достать среди тварей. Это ему не удается, и онъ томится, и крушится.

Духъ тутъ, какъ плѣнникъ въ узахъ. — находится въ услуженіи у варваровъ, страстей похотныхъ. Самъ онъ не удовлетворяется, и страсти дѣлаютъ неудовлетворяемыми, сообщая имъ безграничный разливъ. Отчего животныя потребности у животныхъ всѣ въ своей мѣрѣ, а у человѣка, когда онъ предается чувственности, чувственныя потребности предѣла и мѣры не имѣютъ? Эту безмѣрность сообщаетъ имъ духъ, попавшійся въ плѣнъ къ нимъ; а духъ сею безмѣрностію частъ затушить свою жажду безконечнаго, по образу всего созданъ, и въ коемъ единомъ благо его.

Такъ вотъ видите, что и животныя у насъ отправления есть, — и въ самомъ ихъ движеніи проявляется нѣчто совсѣмъ животнымъ несвойственное. — О чемъ ни стать разсуждать — всегда придешь къ тому заключенію, что человѣкъ обладаетъ духомъ, котораго истинная жизнь есть жизнь въ Богѣ. Тамъ только онъ находитъ покой, тамъ его рай и обѣтованная земля.

Сборникъ писемъ Еп. Теофана, томъ 1-й, письмо 140.

Образъ и подобіе.

*Образъ есмь неизреченныя Твоя
славы, аще и язвы ношу прегрѣшеній.*

Человѣкъ есть малый міръ, состоящій изъ однихъ и тѣхъ же со вселенною стихій. Но что важнаго въ этомъ — почитать человѣка образомъ и подобіемъ міра?.. Въ чемъ же по церковному ученію состоитъ человѣское величіе? Не въ подобіи тварному міру, но въ томъ, чтобъ быть по образу естества Сотворшаго... Божіе слово, въ краткомъ изреченіи соединивъ всѣ

блага, обозначило ихъ, сказавъ, что человѣкъ созданъ по образу Божію... Однимъ изъ числа всего необходимо есть сіе — быть свободнымъ, имѣть самовластную рѣшимость, потому что добродѣтель есть нѣчто добровольное. Всѣмъ людямъ дарованъ умъ, всѣ имѣютъ способность размышлять, напередъ обдумывать;—и все прочее, чѣмъ изображается Божественное естество въ созданномъ по образу его.

Одинаково имѣетъ сіе — и человѣкъ при первомъ устроеніи міра, и тотъ, который будетъ при окончаніи вселенной: они равно носятъ въ себѣ образъ Божій. Итакъ, образъ Божій и подобіе не въ тѣлѣ человѣческомъ образуется, но въ душѣ. Богъ есть Духъ безплотенъ, и душу человѣческую создалъ безплотну, Себѣ подобну: самовластну, разумну, безсмертну, вѣчности общницу, и сопряже ю плоти.

Однакожъ — образъ и подобіе Создателя Бога — душа человѣческая разумная аще и во всѣхъ человѣцѣхъ, каждо свою душу имущихъ, естъ едино... обаче не во всѣхъ одинаково то образа Божія подобіе собою дается. Елицы многими грѣхами себе окаляша, въ тѣхъ образъ Божій помраченъ... и подобіе..., разнствуетъ премного отъ подобія Божія. Елицы же добрыми дѣлы Господу Богу своему благоподобитися и благоугодити тщатся, въ тѣхъ душевный образъ естъ свѣтелъ... и подобенъ Создателю своему. Елико кто множае въ Богоугожденіи трудится, толико свѣтлѣйшій въ томъ образъ Божій и подобнѣйшее Богови подобіе является.

Итакъ: Образъ есмь неизреченныя Твоя славы,
Аще и язвы ношу прегрѣшеній.

Если кто желаетъ изучить, какъ человѣкъ по образу Божію сотворенъ (говоритъ св. Григорій Нисскій), тотъ долженъ разсмотрѣть составъ разумной души своей, долженъ тщательно, порознь и подробно

ислѣдовать всѣ части ея, равно—и части частой, причины, способы, постепенное развитіе, соединенія и разности, ея однообразное состояніе и тричастное раздѣленіе: какимъ образомъ она и одна и усматривается въ троичности по образу Божію,—единство въ троичности и троичность въ единствѣ.

1. Словесноразумная сила,

частныя способности ея.

Св. Антоній Великій говоритъ, что пять чувствъ приосновенны разума; есть пять чувствъ тѣлесныхъ и пять душевныхъ.

Чувства тѣлесныя:

Зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе.

Чувства душевныя:

Умъ, разумъ,	воображеніе,	мнѣніе,	чувствованіе.
Умъ, разумъ,	мысль ума,	разсужденіе,	сердечная бодрость,
Умъ, способность мышленія,	чувственное представленіе,	мнѣніе,	ощущеніе,
Умъ, смыслъ,	мечтаніе,	мнѣніе,	чувство,
Умъ, слово (судъ),	чувство ума,	мнѣніе,	вѣжливость.

Смиренный Никита Стифать говоритъ: тотъ, который дѣйствія внѣшнихъ чувствъ къ внутреннимъ чувствамъ приложилъ, т. е. зрѣніе—къ уму, зрящему свѣтъ живота простой, слухъ—къ разуму души, вкусъ къ разсужденію словесе, обоняніе—къ мысли ума, осязаніе къ сердечной подвижной бодрости—Ангельскую жизнь на земли совершаетъ.

Далѣе—по исчисленіи пяти душевныхъ чувствъ—св. Іоаннъ Дамаскинъ замѣчаетъ: отъ ощущенія происходитъ въ душѣ впечатлѣніе, которое называется представленіемъ; отъ представленія рождается мнѣніе; потомъ сила мышленія, разсудивъ о мнѣніи,—истинно ли оно или ложно,—изрекаетъ свой судъ объ истинномъ. Наконецъ то, что разсуждено и опредѣлено, какъ истинное,—называется умомъ.

По другому разумѣнію первое движеніе ума называется мышленіемъ. Мышленіе объ извѣстномъ предметѣ именуется мыслию. Когда мысль останавливается на одномъ, и оставляетъ въ душѣ отпечатокъ мыслимаго, то сіе дѣйствіе называется вниманіемъ (отъ слова внимнуть, углубиться въ предметъ мыслимаго).

Далѣе, когда вниманіе, остановившись на одномъ и томъ же, испытываетъ и повѣряетъ себя и рассматриваетъ сообразность души съ мыслимымъ предметомъ, оно именуется соображеніемъ. Расширенное соображеніе составляетъ умствованіе, которое называется также внутреннимъ словомъ. А внутреннее слово опредѣляютъ такъ: оно есть полнѣйшее движеніе души, происходящее въ разумной ея способности, безъ всякаго выраженія устнаго. Изъ сего-то внутреннего слова происходитъ слово внѣшнее, изрекаемое посредствомъ языка.

2. Раздражительная сила,

виды дѣятельности ея.

Гнѣвъ есть дѣйствованіе способности раздражительной, хотя онъ же есть страдательное состояніе двухъ частей: первая: зависть, ненависть, вражда, зло-

словіе, злоумышленіе, сварливое и мстительное расположеніе, и на долгое время простирающееся памятозловіе; а вторая: доброе дѣйствіе силы раздражительной, ненавидѣніе зла, брань противу страстей, укрѣпленіе души въ мужествѣ, дабы подвижающійся за вѣру и добродѣтель не устрасался кажущагося страшнымъ для многихъ. — Въ такомъ случаѣ душевная сила раздраженія не уклоняется отъ благого употребленія негодованія.

3. Вождѣлѣвательная сила,

способности ея.

Существо самостоятельное, стремясь къ свойственному ему естественному и полному проявленію своей сущности, желаетъ существовать, жить и двигаться согласно съ умомъ и чувствомъ; отсюда въ желательной силѣ души нашей — желанія чувственныя, но естественныя.

Въ неразумныхъ животныхъ вслѣдъ за пожеланіемъ чего нибудь тотчасъ бываетъ и стремленіе къ дѣйствію; потому что пожеланіе въ нихъ неразумно, а они водятся пожеланіемъ естественнымъ. Посему пожеланія безсловесныхъ животныхъ не называются ни волею, ни хотѣніемъ; ибо воля есть естественное желаніе, разумное и свободное. А въ людяхъ, какъ существахъ разумныхъ, естественное желаніе не столько управляетъ, сколько само управляется. Ибо, такъ какъ въ человѣкѣ и познавательныя и относящіяся къ жизни способности состоятъ въ связи, то онъ и приводитъ себя въ движеніе свободно, и ищетъ свободно, и испол-

тываетъ и изслѣдываетъ свободно, и совѣтуется самъ съ собою свободно, и избираетъ свободно, и стремится къ дѣлу свободно, и дѣлаетъ все, что согласно съ природою,—свободно. Св. Іоаннѣ Дамаскинѣ.

По свидѣтельству св. Евагрія, разумная душа тогда только дѣйствуетъ согласно съ своею природою, когда желательная ея часть стремится къ добродѣтели, а раздражительная подвизается за нее, то есть помогаетъ ей; разумная же предается созерцанію сотвореннаго.

„Такимъ образомъ добродѣтельное направленіе силы вожделѣнія есть устремленіе желанія къ существенно-вожделѣнному“, то есть къ дѣланію добродѣтелей, которыя доставляютъ душѣ отраду и утѣшеніе.

„Душа сотворена свободною, посему можетъ какъ преклоняться на доброе, такъ и отвращаться отъ добраго. Наша природа, какъ вѣсы..., нерѣдко склоняется къ лукавому, а нерѣдко и къ доброму; ибо душа то преклоняется въ страсти, то опять увлекается разумомъ къ лучшему“.

Нужно замѣтить, говоритъ св. Іоаннѣ Дамаскинѣ, что иное есть воля, иное — хотѣніе, иное — предметъ воли, иное — лице, могущее хотѣть, и иное — хотящій. Воля есть простая способность хотѣть. Хотѣніе есть воля, устремленная къ извѣстному предмету. Предметъ хотѣнія есть та самая вещь, къ которой устремлена воля, или то, чего мы хотимъ. Такъ, напримѣръ, въ насъ возбуждается желаніе пищи: само по себѣ оно есть просто желаніе; но когда опредѣляется разумомъ, тогда называется волею. Могущимъ хотѣть называется тотъ, кто имѣетъ способность воли, какъ, напримѣръ, человѣкъ; а хотящимъ тотъ, кто волю обнаруживаетъ въ дѣйствительномъ употребленіи.

Должно знать и то, что слово воля иногда означаетъ способность хотѣнія или воли, и тогда подѣ

онимъ разумѣется воля прирожденная; а иногда означаетъ предметъ воли, и тогда подъ онимъ разумѣется воля совѣщательная.

О страстяхъ.

Всѣ св. Отцы говорятъ, что всякая страсть рождается отъ сихъ трехъ причинъ: отъ славолюбія, сребролюбія и сластолюбія. Дѣйствительно, отъ уклоненія и грѣховнаго движенія способности вожделѣнія происходитъ: сребролюбіе, славолюбіе, сластолюбіе и всѣ симъ подобныя пороки, которые имѣютъ началомъ сей родъ зла.

По изъясненію св. Григорія Синаита, страсти имѣютъ различныя наименованія. Раздѣляются же онѣ— на тѣлесныя и душевныя.

Страсти тѣлесныя: блудъ, прелюбодѣяніе, нечистота, распутство, обида, пресыщеніе, безпечность, суетность, щегольство, привязанность къ жизни и проч.

Страсти душевныя такъ же раздѣляются на страсти: — раздражительной, вожделѣвательной и мыслящей способности.

Страсти мыслительной силы: невѣріе, хула, злость, коварство, любопытство, двоедушіе, злословіе, клевета, осужденіе, презрѣніе, насмѣшка, лицемѣріе, ложь, сквернословіе, пустословіе, лесть, притворство, хвастовство, челоуѣкоугодіе, превозношеніе, клятвопреступленіе, празднословіе и проч.

Страсти раздражительной части:

Гяѣвъ, досада, крикъ, вспыльчивость, дерзость, наглость и проч.

Страсти вождѣвательной части:

Любостяжаніе, необузданность, неумѣренность, жадность, сластолюбіе, сребролюбіе, и жесточайшее изъ всѣхъ — самолюбіе.

Страсти ума:

Надменность, высокоуміе, кичливость, самонадѣянность, тщеславіе, вражда, зависть, самоугодіе, прекословіе, непослушаніе, мечтаніе, вымыслы, чванство, славолюбіе, гордость — первое и послѣднее изъ всѣхъ золъ.

Страсти разсудка: разсѣяніе, легкомысліе, рабѣльство, помраченіе, ослѣпленіе, увлеченіе, внушеніе, уступчивость, преклонность, сговорчивость, опрометчивость и симъ подобная...

Ино суть страсти плотскія, ино же душевныя. Плотскія страсти содержатся въ чувствахъ плотскихъ видимо, якоже — сластолюбіе, похоть, лѣнь и прочая чувствамъ угодная и желательная.

Душевныя же страсти содержатся въ невидимомъ и недовѣдомомъ сердцѣ, якоже — гнѣвъ, ярость, злоба, памятозлюбіе, братоненавидѣніе и прочая тѣмъ подобная, въ сердцѣ помыслами содержаемая и на явь иногда исходящая.

Сѣмя перечисленныхъ страстей есть въ каждомъ человѣкѣ; но сѣмя сіе можетъ и остаться сѣменемъ, никогда не произрастая. Проращиваніе и воскориленіе ихъ зависитъ отъ воли человѣка. Если онъ начнетъ согрѣвать это сѣмя своимъ расположеніемъ и питать ихъ худыми наклонностями, то сѣмя сіе можетъ прорасти и возрасти въ цѣлый полкъ лютѣйшихъ тирановъ, которыхъ тогда ничѣмъ удовлетворить невозможно, потому что, чѣмъ болѣе будешь ихъ удовлетворять, тѣмъ сильнѣе онѣ возрастутъ и лютѣе начнутъ тиранить своего питателя. Посему то и Спаситель сказалъ, что всякій творящій грѣхъ, рабъ есть грѣха (Іоан. 8, 34).

Вотъ съ сими то домашними нашими врагами предстоитъ намъ лютѣйшая брань въ продолженіе всей жизни. И если побѣда останется на нашей сторонѣ, то благо намъ; если-же въ концѣ-концовъ останемся мы побѣжденными, то горе намъ; ибо тогда участь наша будетъ самая печальная. Составитель.

Паденіе и омраченіе души.

Человѣкъ, поработенный страстями, утрачиваетъ данную ему отъ Бога свободу воли, такъ что онъ ничего уже не можетъ творить съ разсужденіемъ по своему личному убѣжденію, но исполняетъ только то, на что влекутъ его страсти и злые грѣховные обычаи. вмѣстѣ съ симъ онъ омрачаетъ въ себѣ образъ Божій, дѣлается врагомъ Божиимъ и другомъ діавола, съ которымъ въ будущемъ вѣкѣ наслѣдуетъ вѣчную пагубу, если не покается и не исправитъ жизни своей еще въ сей жизни.

Составитель.

„Св. Макарій Великій говоритъ, что въ насъ дѣйствуетъ зло со всею силою и ошутительностью, внушая намъ нечистыя пожеланія, однакожь (оно) срастворено съ нами не такъ, какъ иные говорятъ сіе о смѣшеніи вина съ водою, но какъ на одномъ полѣ растутъ и пшеница сама по себѣ и плевелы сами по себѣ, или какъ въ одномъ домѣ находятся особо разбойникъ и особо владѣтель дома“.

„Когда свѣтитъ солнце и дуетъ вѣтеръ, то у солнца свое тѣло и своя природа, и у вѣтра своя же природа и свое тѣло. Такъ и грѣхъ примѣшался въ душѣ; но и у грѣха и у души своя особая природа“.

„Въ иное время душа дѣйствуетъ по влеченію страстей и внушенію діавола, въ иное же время само-

стоятельная душа дѣйствуетъ сама по себѣ, и раскаивается въ своихъ поступкахъ, плачетъ, молится и приводитъ себѣ на память Бога. А если бы душа всегда погрязала во злѣ, то какъ могла бы дѣлать это? Потому что сатана, будучи жестокосердъ, никакъ не хочетъ, чтобы люди обращались къ покаянію“.

Итакъ, человѣкъ всегда имѣетъ власть и силу исправить жизнь свою, если только пожелаетъ.

О свободѣ.

Ты созданъ по образу и по подобію Божію, говоритъ св. Макарій Великій: потому что какъ Богъ свободенъ и творить, еже хочетъ, такъ свободенъ и ты...

Человѣкъ есть образъ Божій по свободѣ и по праву владычества... Человѣкъ, хотя облеченъ плотію и кожею, но воззри на благородство разумной, безсмертной души; смотри на образованіе человѣка и подивись сему животному. Одно только оно изъ всего сотвореннаго не подвержено закону необходимости; одного только человѣка сотворилъ Богъ господиномъ своей воли. Или не видишь, что солнце совершаетъ теченіе свое по предписаннымъ законамъ, и что обращеніе его всегда одинаково; а почему? потому что оно не имѣетъ своей воли, тогда какъ ты располагаешь собою произвольно, дѣлаешь, что хочешь, не знаешь принужденія, которое насильно влекло бы тебя, —будучи свободнымъ въ душѣ. Солнце повинуется необходимости, а человѣкъ имѣетъ свободную волю. Дѣйствуя на свободу нашу, благодать Божія и добро дѣлать не принуждаетъ насъ и зло дѣлать попускаетъ намъ.

Св. Антоній Великій говорить: „Если хочешь, можешь быть рабомъ страстей и, если хочешь, можешь остаться свободнымъ, не подклоняясь подъ иго страстей: ибо Богъ создалъ тебя самовластнымъ. Побѣждающій страсти плотскія (и душевныя) вѣнчается нетлѣніемъ. Еслибъ не было страстей, не было бы и добродѣтелей, ни вѣнцовъ, даруемыхъ отъ Бога людямъ достойнымъ“.

О спасеніи нашемъ.

Вопросъ: Въ чемъ состоитъ спасеніе наше (св. Димитр. Ростовск.)?

Отвѣтъ: Въ сердцѣ и въ Бозѣ: въ сердцѣ произволяющемъ, начинающемъ, къ Богу обращающемъ, а въ Бозѣ: помоществующемъ, содѣйствующемъ и въ конецъ добрый производящемъ... Спасаетъ человѣка: Благодать Божія, содѣйствующая произволению человѣческому, и произволеніе человѣческое, содѣйствующее благодати Божіей. Господь готовъ спасти насъ, но только ожидаетъ горячаго, по мѣрѣ силъ нашихъ, стремленія къ Нему воли нашей, и Самъ производитъ въ насъ благую отъ произволенія вѣру и усердіе, и всякое преуспѣяніе.

Благодать — говоритъ Маркъ подвижникъ: не престааетъ вспомоствовать намъ тайно; но въ нашей власти состоитъ по силѣ дѣлать добро, или не дѣлать. Хотя волю нашу въ добрую сторону направляетъ и ей вспомоствуетъ благодать Божія, но, чтобы не дать даровъ своихъ безпечнымъ, она выискиваетъ случаи, заставляетъ насъ желать помощи ея, и подаетъ дары свои всегда вслѣдствіе нашихъ усилій. Хотя младенецъ — замѣчаетъ св. Макарій Великій:

ничего не способенъ дѣлать, или не можетъ на своихъ ногахъ идти къ матери своей, однако же, ища матери своей, движется, кричитъ, плачетъ, — и мать сжаливается надъ нимъ: она рада, что дитя съ усиліемъ и воплемъ ищетъ ее; а такъ какъ младенецъ не можетъ прійти къ ней, то сама мать преодоливается любовію къ младенцу за долгое исканіе его, подходитъ къ нему и съ великою нѣжностію беретъ, ласкаетъ и кормитъ его. То же дѣлаетъ и человеколюбивый Господь Богъ съ душою, которая приходитъ и взыскуетъ Его.

Богъ далъ намъ власть избирать доброе или худое, хочетъ, чтобы мы были свободно добры; посему, если мы не хотимъ, Онъ не приневоливаетъ насъ и не принуждаетъ; ибо быть по принужденію добрымъ, не значитъ быть добрымъ: принужденно никто не можетъ быть добрымъ.

Такимъ образомъ, измѣняемость нашей природы приносить намъ величайшую пользу; ибо отъ нея зависитъ преуспѣаніе въ добродѣтеляхъ, непрерывное измѣненіе къ лучшему. Она приближаетъ къ Божеству того, въ комъ совершается сіе счастливое измѣненіе. Измѣняемость нашей природы служитъ намъ какъ-бы крыльями въ стремленіи къ высшему..., и для насъ было бы несчастіе, если-бы мы не были способны къ измѣненію къ лучшему.

Итакъ, человекъ, видя въ природѣ своей склонность къ измѣненію, не сѣтуй; но, безпрестанно измѣняясь въ лучшее, и преобразуясь отъ славы въ славу, измѣняйся каждую минуту, становясь лучшимъ чрезъ ежедневное возрастаніе; всегда усовершеншаясь, и никогда не достигая конца совершенства. Ибо въ томъ и состоитъ истинное совершенство, чтобы, возрастая и усовершеншаясь, никогда не останавливаться въ семъ

возрастаніи и не находить предѣла усовершенствованію, какъ сказалъ Самъ Христосъ: „Будьте совершенны, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть“ (Матѣ. 5, 48). А сего совершенства достигнуть не легко, и всей вѣчности для сего недостаточно; да въ строгомъ смыслѣ слова это и не возможно, потому что ни въ святости, ни въ совершенствѣ никто сравниться съ Богомъ не можетъ. Повелѣно же сіе намъ для того, чтобы мы, помышляя святость и совершенства Божіи, старались всею усердіемъ и сами совершенствоваться въ добродѣтеляхъ, задняя забывая, въ предняя же простираясь, какъ сказалъ Апостолъ, и чтобы не подумали, будто можно достигнуть такой степени святости, выше которой нельзя уже идти. ---

Составитель.

Порывы души къ небу.

Было время, когда въ мірѣ духовномъ царствовала одна лишь гармонія святости и красоты, но въ послѣдствіи гордость падшаго ангела внесла въ него зло и безобразіе; было время, когда и въ мірѣ вещественномъ были стройность, порядокъ и красота, но человѣкъ, владѣлецъ земли, потерявъ свою невинность передъ Богомъ, сдѣлался причастнымъ злу и разрушенію и это зло и разрушеніе внесъ и въ вещественный міръ.

Итакъ, причиной зла и разрушенія въ вещественномъ мірѣ былъ человѣкъ. Въ моментъ грѣхопаденія онъ уже проникся грѣхомъ и потому не могъ больше оставаться въ раю — мѣстѣ святости и красоты, изъ котораго и былъ изгнанъ. Но грѣхъ, возобладавъ человѣкомъ, не въ состояніи былъ изгладить въ немъ слѣдовъ прежняго благородства, не могъ заглушить

въ немъ тоски по утерянномъ раѣ, и эти драгоценные слѣды, эта тоска, передаваясь изъ рода въ родъ, служатъ и до настоящихъ дней людямъ путеводными звѣздами къ возвращенному имъ Богочеловѣкомъ блаженному раю.

Ничто не можетъ изгладить въ человѣкѣ стремленія къ чему-то свѣтлому, превосходному и безконечному. Кто не испыталъ въ своей жизни того чувства, что, при полномъ, повидимому, земномъ счастіи и благоденствіи, ему все-таки чего-то недостаетъ? Безъ сомнѣнія, оно знакомо всѣмъ; оно, обыкновенно, проявляется въ душѣ неясно и выражается въ ней неопредѣленной грустью и тоской.

Что жъ это за чувство такое и о чемъ оно напоминаетъ человѣку? Это чувство составляется изъ всѣхъ лучшихъ порывовъ его души, которые ему врождены и служатъ главнымъ его отличіемъ отъ неразумныхъ тварей. Это чувство напоминаетъ человѣку о другой жизни, высшей и совершеннѣйшей, которой собственно и жаждетъ его душа. Будучи созданной по образу и по подобию Божію, она тяготѣетъ къ своему Первообразу, какъ дитя къ своей матери, и потому твердо вѣритъ въ будущую жизнь: она величественна, какъ частица безконечнаго ея Создателя, и потому ее ничто не удовлетворяетъ внѣ Божественнаго.

По своей неопытности душа иногда желаетъ земныхъ благъ: богатства, славы и проч., надѣясь въ нихъ, а не въ Богѣ, найти полное удовлетвореніе своимъ желаніямъ; но едва достигаетъ ихъ, какъ уже сознаетъ себя опять несчастной и ничѣмъ не удовлетворенной. Такова беспокойная душа человѣка. Но едва ли ее можно упрекать за то, что она слишкомъ разборчива въ вещахъ, не соответствующихъ ея природнымъ требованіямъ; нѣтъ, это доказываетъ только ея величіе.

Узнавъ по опыту всю ничтожность земныхъ благъ, она уже не придаетъ имъ большого значенія, ибо, если человекъ признаетъ себя выше и совершеннѣй чего-либо, то онъ уже не станетъ преклоняться предъ нимъ и домогаться его.

Душа человека стремится къ небу, потому что для нея такое стремленіе естественно; но ея земное тѣло мѣшаетъ ей, удерживая въ своихъ цѣпяхъ и привлекая къ землѣ. Оно является для души не только тормозомъ въ ея стремленіи, но и ея врагомъ; оно своими страстями искажаетъ прекрасный ликъ души и часто топчетъ въ грязь ея нѣжныя и свѣтлыя чувства, которыя ему ненавистны; оно всѣми силами своей падшей природы противится ея духовному трезвленію и увлекаетъ ее въ водоворотъ грѣха.

Но, кромѣ тѣла, у души есть еще и сторонніе враги—нечистые духи. Они воюютъ противъ нея заодно съ ея собственнымъ тѣломъ и нерѣдко побуждаютъ ее. Побужденная ими, она уже не можетъ свободно думать о Богѣ, о небѣ, о христіанской жизни, ибо она уже поработана врагами, которые распоряжаются ею по своему усмотрѣнію. Однако, бываютъ въ жизни человека и такіе моменты, въ которые его душа ощущаетъ въ себѣ раскаяніе и умиленіе; тогда въ ней возникаютъ вдругъ святыя и мощныя порывы къ небу и, разрывая вокругъ нея сѣти грѣха, увлекаютъ ее вновь въ ея родную стихію—свѣтлый духовный міръ, научая ее въ то же время презирать свое тѣло и его прихоти. Многихъ грѣшниковъ возвели эти порывы на величайшую высоту духовнаго совершенства и святости; многихъ они произвели въ сверхчеловѣки по великимъ и чуднымъ дарамъ благодати свыше. Раскроемъ Четы-Минеи, патерики, лѣтописи и мы найдемъ тамъ подтвержденіе всего сказаннаго; прочтемъ жизнеопи-

санія преподобной Маріи Египетской, ходившей по водѣ, какъ по сушѣ, преп. Евдокии, вознесенной по смерти сонмами ангеловъ къ престолу Божию, и многихъ другихъ, и мы увидимъ всю необыкновенную силу и важность этихъ возвышенныхъ порывовъ.

Одинъ мой товарищъ, который былъ со мною однихъ убѣжденій, при разговорѣ объ этомъ такъ передавалъ мнѣ дѣйствіе святыхъ порывовъ въ челоуѣкѣ.

„Иногда, говорилъ онъ:—погружаясь внутрь себя, видишь тамъ одну безпросвѣтную тьму, въ которой находится душа. Ни одного луча съ неба! Ни малѣйшаго отблеска съ высоты! Вдругъ появляется откуда-то свѣтлая, блестящая точка, разгоняющая на своемъ пути мракъ и приближающаяся къ тебѣ. Ты очарованъ, ты восхищенъ ея красотой, ты желалъ бы хоть на мгновеніе задержать ея полетъ... Но вотъ она увеличивается предъ тобою и, ставши какъ бы свѣтлымъ облачкомъ, окутываетъ тебя имъ, сгущаясь подъ твоими ногами, и ты уже чувствуешь, какъ съ быстротою мысли возносишься этимъ облачкомъ въ высоту. Черезъ мигъ твои взоры начинаютъ уже улавливать свѣтъ иного міра, къ которому ты раньше стремился, но тщетно“.

Да, наше стремленіе къ другому лучшему міру бываетъ тщетнымъ, когда мы боимся всецѣло отдаться святымъ порывамъ души. Мы боимся..., потому что намъ тогда пришлось бы отвергнуть себя и жить по Евангелію, по совѣсти. А безъ Евангелія какъ можно и стремиться къ этому міру? Немыслимо... и мы погружаемся въ безрадостную тьму житейскихъ мелочей.

Страшно и грустно! Страшно потому, что мы рискуемъ умереть во мракѣ нашихъ страстей и погибнуть; грустно потому, что мы добровольно ослѣпляемъ себя глаза, дабы не видѣть истинъ, которыя

насъ могли бы спасти. Насъ губить боязнѣ самоотверженія во имя Евангелія; безъ лѣни, холодности и разсѣянности мы не можемъ совершить ни одного добраго дѣла; мы боимся и на шагъ отступить отъ своего самоугожденія. Не потому ли теперь всѣ вольно-мыслящіе и вольноживущіе люди такъ смѣло и безза-стѣнчиво поносятъ святыню и глумятся надъ христіанствомъ, что у нихъ недостаетъ духа жить по Евангелію? Они сознаютъ, что кощунствуютъ, однако, стараются увѣрить себя, что все это пройдетъ для нихъ безнаказанно. Жалкое самообольщеніе! Конечно, можно закрывать глаза и въ виду бездонной пропасти, если отъ того чувствуется пріятно и спокойно; но какое будетъ разочарованіе въ спокойствіи, когда придется упасть въ эту пропасть!

Нѣтъ, не предадимъ свою безсмертную душу въ жертву страстному тѣлу, не допустимъ безсилія предъ духовными врагами и не рѣшимся промѣнять, по примѣру евангельскаго богача, добрую вѣчность на доброе время! Не будемъ пренебрегать душой и ея святыми порывами къ небу, которые въ состояніи возвратить насъ въ нѣкогда утерянный рай! (Рус. Пал.)

А. Бибиковъ.

Блаженнаго Августина.

Сила души создаетъ семь степеней могущества ея — въ тѣлѣ, въ ней самой и предъ Богомъ.

1-я степень душевной силы.

Душа, какъ это легко видѣть всякому, животворить своимъ присутствіемъ это земное и смертное тѣло, собираетъ его въ одно и содержитъ въ единствѣ, не позволяя ему распадаться и истощаться; распредѣ-

даетъ питаніе равномѣрно по членамъ, отдавая каждому изъ нихъ свое, сохраняетъ его стройность и соразмѣрность не только въ томъ, что касается красоты, но и въ томъ, что касается роста и рожденія.

2-я степень душевной силы.

Взойди поэтому на другую ступень и посмотри, какою силою располагаетъ душа въ чувствахъ, гдѣ жизнь проявляется очевиднѣе и яснѣе,—душа простирается въ ощущеніе, и въ немъ чувствуетъ и различаетъ теплое и холодное, шереховатое и гладкое, твердое и мягкое, легкое и тяжелое; затѣмъ, вкушая, обоняя, слушая, видя, она различаетъ безчисленные особенности вкусовъ, запаховъ, звуковъ, формъ. И во всемъ этомъ она принимаетъ и стремится къ тому, что соотвѣтствуетъ природѣ ея тѣла, а что противоположно этой природѣ, то отвергаетъ и того убѣгаетъ. Въ извѣстный промежутокъ времени—во время сна—она отвлекается отъ этихъ чувствъ, перебираетъ сама про себя цѣлыми рядами и на различные манеры образы вещей, которые чрезъ нихъ (т. е. чрезъ чувства тѣлесныя) получила; все это и составляетъ собою сонъ и сновидѣнія, исключая изъ сего только нѣкоторые сновидѣнія, бывающія по Божію промыслу и по дѣйствию бѣсовскому.

Составитель.

Въ бодрствованіи же силою привычки привязывается къ вещамъ, чрезъ среду которыхъ проводитъ тѣло, и отрывается отъ нихъ будто отъ членовъ съ болью; эта сила привычки, не разрываемаемая самою разлукою съ вещами и промежутокъ времени, называется памятію.

3-я степень душевной силы.

Итакъ, поднимись на третію ступень, которая составляетъ уже собственность человѣка, и представь

эту память безчисленныхъ вещей, не приросшихъ силою привычки, а взятыхъ на сохраненіе и удержанныхъ наблюдательностію;—эти разные роды искусствъ, воздѣлыванія полей, постройки городовъ, многообразныя чудеса разнообразныхъ сооружений и великихъ предпріятій; изобрѣтеніе столькихъ знаковъ, въ словахъ, въ тѣлодвиженіяхъ, въ звукѣ всякаго рода, въ живописи и ваяніи;—столько языковъ у народовъ, столько учреждений, то новыхъ, то возстановленныхъ; такую массу книгъ и всякаго рода памятниковъ для сохраненія памяти и такую заботливость о потомствѣ;—эти ряды должностей, властей, честей и сановъ, въ быту ли то семейномъ, или въ государственномъ, внутреннемъ и военнослужебномъ, въ свѣтскомъ ли то, или въ священномъ культѣ;—эту силу соображенія и вымысла, потоки краснорѣчія, разнообразіе поэтическихъ произведеній, тысячи видовъ подражанія, искусство музыкальное, точность измѣреній, науку вычисленій, разгадку прошедшаго и будущаго на основаніи настоящаго.—Велико все это и вполнѣ человѣческое. Но все это богатство еще обще съ одной стороны—душамъ ученымъ и неученымъ, съ другой—добрымъ и злымъ.

4-я степень душевной силы.

Подними поэтому глаза выше и вспрыгни на четвертую ступень, съ которой начинается доброта и все то, что дѣйствительно заслуживаетъ похвалы. Начиная съ этой ступени, душа осмѣливается предпочитать себя не только своему, хотя и составляющему нѣкоторую часть мірового, но самому міровому тѣлу, и не считать его блага своими благами, а, по сравненіи съ собственнымъ могуществомъ и красотою, отдѣлять и презирать ихъ; и затѣмъ, чѣмъ болѣе любить

себя. тѣмъ болѣе удаляется отъ нечистотъ, очищаетъ себя отъ всякаго пятна и старается всячески о возможной красотѣ своей и убранствѣ; борется противъ всего, что становится ей на пути, чтобы отклонить ее отъ ея предположеній и намѣреній — высоко цѣнить общество человѣческое и не желаетъ другому ничего такого, чего не хочетъ себѣ; повинуется авторитету и заповѣдямъ мудрыхъ и вѣрить, что чрезъ нихъ говорить ей Богъ.

Этому свѣтлому стремленію души присущъ еще трудъ и великое и весьма тягостное столкновеніе съ скорбями и прелестями этого міра; ибо съ самымъ дѣломъ очищенія соединяется страхъ смерти, часто не великій, но часто весьма сильный.

Не великъ онъ бываетъ тогда, когда въ простотѣ сердца вѣрится (видѣть же, дѣйствительно ли оно такъ, можно душѣ только вполнѣ очистившейся), что все управляется Божественнымъ провидѣніемъ и правдою такъ, что смерть не можетъ несправедливо прилучиться никому, хотя бы ее нанесъ человѣкъ несправедливый. Но боязнь смерти становится сильною и на этой уже степени, когда дѣло очищенія тѣмъ менѣе представляется прочнымъ, чѣмъ заботливѣе о немъ стараются; и кажется меньшимъ отъ того самого, что по причинѣ страха уменьшается спокойствіе, крайне необходимое для изслѣдованія вещей таинственнѣйшихъ. Затѣмъ, чѣмъ болѣе душа, въ силу самаго успѣха своего, чувствуетъ, какъ велико различіе между нею чистою и оскверненною (т. е. какова она есть на дѣлѣ, и каковою должна быть въ отношеніи къ сказанному въ Евангеліи: *„будьте совершенны, яко же Отецъ Вашъ небесный совершенъ есть“* *). тѣмъ болѣе опасается, — что, когда она сложитъ это бренное тѣло, Богъ ее осквер-

*) Составитель.

ненную можетъ потерпѣть еще менѣе, чѣмъ терпѣть она сама. А нѣтъ ничего труднѣе, какъ бояться смерти, и въ то же время воздерживаться отъ прелестей этого міра, какъ требуютъ того самыя опасности. Но такова сила души, что она можетъ успѣвать въ этомъ при помощи правды высочайшаго и истиннаго Бога, которою весь міръ поддерживается и управляется, которая дѣлаетъ и то, что не только все существуетъ, но и такъ существуетъ, что существовать рѣшительно лучше не можетъ. Этой правдѣ съ великимъ благочестіемъ и твердою надеждою она и ввѣряетъ себя въ столь трудномъ дѣлѣ своего очищенія, чтобы она помогла ей и усовершила ее.

5-я степень душевной силы.

Когда это совершится, т. е. когда душа будетъ свободна отъ всякаго тлѣнія и омыта отъ сквернъ, тогда наконецъ она чувствуетъ себя исполненною высочайшей радости, нисколько не боится за себя, не испытываетъ никакой тревоги за свое положеніе. Это составляетъ пятую степень. Ибо иное — добиваться чистоты, а иное — имѣть ее; и иное совершенно дѣло — очищать себя оскверненную, и иное — не дозволить себѣ снова оскверниться. На этой степени душа чувствуетъ свою силу во всѣхъ отношеніяхъ; а когда почувствуетъ это, тогда съ нѣкоторою великою невѣроятною самоувѣренностію устремляется къ Богу, т. е. къ самому созерцанію истины, и это составляетъ высочайшую и таинственнѣйшую награду, ради которой столько понесено труда.

6-я степень душевной силы.

Но это дѣйствіе, т. е. стремленіе души къ уразумѣнію того, что существуетъ истиннымъ и высочай-

шимъ образомъ, представляетъ собою высшее созерцательное душевное состояніе. Совершеннѣе, лучше и нормальнѣе его нѣтъ для души. Эта степень состоянія будетъ поѣтому шестою. Ибо иное дѣло очищать самый глазъ души, чтобы онъ не смотрѣлъ напрасно и безцѣльно, и не видѣлъ превратно; иное—обращать ясный и прямой взоръ на то, что подлежитъ разсмотрѣнію. Тѣ, которые хотятъ дѣлать послѣднее прежде, чѣмъ будетъ очищеніе, и получать исцѣленіе, до такой степени болѣзненно поражаются этимъ свѣтомъ Истины, что не только не находятъ въ немъ ничего добраго, но даже, напротивъ, находятъ въ немъ весьма много дурного, отказываютъ ему въ названіи истины, и съ нѣкоторымъ сладострастіемъ и жалкимъ наслажденіемъ, проклиная врачевство, погружаются въ свой мракъ, который болѣзнь ихъ можетъ выпосить. Потому-то, по Божественному вдохновенію и вполне правильно, говоритъ пророкъ: *„сердце чисто созижди во мнѣ Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей“*. Духъ правый, по моему мнѣнію, дѣлаетъ то, что душа въ изысканіи истины не можетъ уклоняться отъ прямого пути и заблуждаться. А такой духъ не обновится въ ней прежде, чѣмъ сердце не будетъ чистымъ, т. е. прежде чѣмъ самое помышленіе не устранится отъ всякаго пожеланія и всякой нечистоты вещей смертныхъ.

7-я степень душевной силы.

А что скажу я тебѣ объ этихъ радостяхъ, объ этомъ наслажденіи высочайшимъ истиннымъ благомъ, о тихомъ мерцаніи свѣта и вѣчности, присущихъ этому видѣнію и созерцанію истины, которое составляетъ седьмую и послѣднюю степень души, да даже и не степень, а нѣкоторое постоянное пребываніе, въ которое восходятъ тѣми степенями?.. Объ этомъ сказали,

насколько сочли нужнымъ сказать, нѣкоторыя несравненные души, о которыхъ мы думаемъ, что они видѣли и видятъ это. Я же съ своей стороны съ полною увѣренностію скажу тебѣ одно: если мы будемъ съ полнымъ постоянствомъ держаться того направленія, которое предписываетъ намъ Богъ, и котораго мы рѣшились держаться, то мы достигнемъ при помощи силы и мудрости Божественной той Высочайшей причины, или Высочайшаго виновника бытія, или Высочайшаго начала всѣхъ вещей, постигнувъ которую (хотя Божества въ сущности никто постичь не можетъ), мы дѣйствительно увидимъ, что все подъ солнцемъ—суета суетствующихъ. Суета есть ложь, а подъ суетствующихъ разумѣются или обманутые, или обманывающіе, или тѣ и другіе вмѣстѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ въ состояніи распознать, какое различіе между этимъ (то есть видимыми, тлѣнными благами) и тѣмъ, что существуетъ истинно (т. е. благами невидимыми, вѣчными, нетлѣнными).

Тогда познаемъ, какъ истинно то, чему повелѣно намъ вѣровать; какъ прекрасно и въ высшей степени спасительно мы были воспитываемы Матерью Церковью: какъ велика была польза того млека, о которомъ Апостолъ Павелъ сказалъ, что онъ далъ его въ питье младенцамъ.—Принимать эту пищу, когда кто кормится матерью, въ высшей степени полезно, но принимать, когда кто выросъ уже, стыдно; отвергать же ее, когда она нужна,—достойно сожалѣнія; порицать же ее когда бы то ни было, или ненавидѣть—злодѣйство и нечестіе. А готовить и надлежащимъ образомъ раздавать ее—дѣло въ высшей степени похвальное и полное любви.

И въ этой тѣлесной природѣ, какъ скоро она повируется законамъ Божественнымъ, увидимъ такіа

смѣны и чередованія, что самое воскресеніе плоти (которому частію вѣрять съ большимъ трудомъ, частію же совсѣмъ не вѣрять) признаемъ за несомнѣнное до такой степени, что для насъ не будетъ вѣрнѣе восходъ солнца послѣ запада.

При этомъ въ созерцаніи истины, насколько каждый въ состояніи созерцать,—такое наслажденіе, такая чистота, такая неподдѣльность, такая несомнѣнная достовѣрность, что каждый полагаетъ, что кромѣ этого онъ никогда ничего не зналъ, хотя и казался самому себѣ знающимъ; и такъ какъ душа не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы отдаться истинѣ всецѣло, то смерть, которой она прежде боялась, обратится въ предметъ желанія какъ высочайшій даръ по слову Апостола: *„желаніе имѣю разрѣшиться и со Христомъ быти“*.

Свѣтлое, первобытное и возсозданное Христомъ состояніе души человѣческой, въ которой Самъ Богъ почиваетъ и она въ Бозѣ.

Св. Макарія Великаго.

Нѣтъ иной такой близости и взаимности, какая есть у души съ Богомъ и у Бога съ душою. Богъ сотворилъ разныя твари; сотворилъ небо и землю, солнце, луну, воды, древа плодоносныя, всякія роды животныхъ. Но ни въ одной изъ сихъ тварей не почиваетъ Господь. Всякая тварь во власти Его; однако же не утвердилъ Онъ въ нихъ престола, не установилъ съ ними общенія; благоволилъ же о единомъ человѣкѣ, съ нимъ вступилъ въ общеніе и въ немъ почи-

ваетъ. Видишь-ли въ этомъ сродство Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ.

Какъ небо и землю сотворилъ Богъ для обитанія человѣку, такъ тѣло и душу человѣка создалъ Онъ въ жилище Себѣ, чтобы вселяться и упокоиваться въ тѣлѣ его, какъ въ домъ Своемъ, имѣя прекрасною невѣстою возлюбленную душу, сотворенную по образу Его. Почему Апостолъ говорить: *„Его же домъ мы есмь“* (Евр. 3, 6).

Посему душа смысловая и благоразумная, обшедши всѣ созданія, нигдѣ не находитъ себѣ упокоенія, какъ только въ Единомъ Господѣ. И Господь ни къ кому не благоволитъ, какъ только къ единому человѣку. О семъ такъ говоритъ псалмопѣвецъ: *„возжажда душа моя къ Богу крепкому, живому, когда прииду и явлюся лицу Божию“* (Псал. 41, 8). Такою жаждою Богообщенія должна быть объята всякая душа, истинно любящая Господа; а кто сей жажды не ощущаетъ въ себѣ, тотъ не сподобится того Божественнаго насыщенія, о чемъ Самъ Христосъ сказалъ: *„Блаженни алчущіи и жаждущіи правды, яко тѣмъ насытятся“* (Матт. 5, 6). —

Составитель.

Душа—дѣло великое и чудное. При созданіи ея, такою сотворилъ ее Богъ, что въ естество ея не было вложено порока, напротивъ того, сотворилъ ее по образу добродѣтели духа, вложилъ въ нее законы добродѣтелей, разсудительность, вѣдѣніе, благоразуміе, вѣру, любовь и прочія добродѣтели, по образу духа.

Онъ вложилъ въ нее разумѣніе, волю, владычественный умъ, воцарилъ въ ней и иную великую утонченность, сдѣлалъ ее удободвижною, легкокрылою, неутомимою, даровалъ ей приходить и уходить въ одно мгновеніе и мыслию служить Ему, когда хочетъ духъ. Однимъ словомъ, создалъ ее такою, чтобы содѣлаться ей невѣстою и сообщницею Его, чтобы и Ему быть

въ единеніи съ нею, и ей быть съ Нимъ въ единый духъ, какъ сказано: „*прилепляйся Господеву единый духъ есть съ Господемъ*“ (1 Коринѣ., 6, 17).

Какъ мужъ тщательно собираетъ въ домъ свой всякія блага, такъ и Господь въ домѣ Своемъ—душѣ и тѣлѣ — собираетъ и полагаетъ небесное, духовное богатство.

Состояніе души облагодатствованной.

Когда душа прилепляется ко Господу, и Господь, милуя и любя ее, приходитъ и прилепляется къ ней, и разумніе ея непрестанно уже пребываетъ въ благодати Господней, тогда душа и Господь дѣлаются единый духъ, единое сраствореніе, единый умъ. Тѣло души остается поверженнымъ на землѣ, а умъ ея всецѣло жительствоуетъ въ небесномъ Іерусалимѣ, восходя до третьяго неба, прилепляясь ко Господу и тамъ служа ему.

И Самъ Свѣдящій въ небесномъ градѣ, на престолѣ величества на высокихъ, весь пребываетъ съ душею въ тѣлѣ ея, потому что образъ ея положилъ Онъ горѣ въ небесномъ градѣ святыхъ — Іерусалимѣ, а собственный образъ неизреченнаго свѣта Божества Своего положилъ въ тѣлѣ ея; Онъ служитъ ей въ градѣ тѣла, и она служитъ Ему во градѣ небесномъ. Душа содѣлалась наслѣдницею Его въ небесахъ, а Онъ пріялъ ее въ наслѣдіе на землѣ. Ибо Господь дѣлается наслѣдіемъ души, и душа наслѣдіемъ Господа.

Какъ солнце вездѣ себѣ подобно: нѣтъ у него ни одной послѣдней или недостающей части, но, состоя изъ частей одинаковыхъ, все оно всецѣло блистаетъ свѣтомъ, и все есть свѣтъ, или какъ огонь, т. е. самый

свѣтъ огня, весь самъ себѣ подобенъ и не имѣетъ въ себѣ перваго, или послѣдняго, или большаго, или меньшаго: такъ и душа, совершенно осіянная неизреченною красотою славы свѣта отъ лица Христова и совершенно вступившая въ общеніе съ Духомъ Святымъ и сподобившаяся стать жилищемъ и Престоломъ Божиимъ, дѣлается вся окомъ, вся свѣтомъ, вся лицомъ, вся славою, вся духомъ, какъ уготовалъ, благоустроилъ и украсилъ ее духовною лѣпотою Христосъ, Который и носить, и водить, и подымлетъ ее.

Но придти въ такую мѣру возможно душѣ не вдругъ и не безъ испытаній. Напротивъ того, многими трудами и подвигами, съ продолженіемъ времени, при рачительности, послѣ испытаній и различныхъ искушеній, пріемлетъ она духовное возрастаніе и преспеяніе даже до совершенной мѣры безстрастія; и тогда уже, съ готовностію и мужественно выдержавъ всякое искушеніе отъ грѣха, сподобится великихъ почестей, духовныхъ дарованій, небеснаго богатства, и такимъ образомъ содѣлается наслѣдницею небеснаго царствія о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки! Аминь. (Св. Макарія Великаго).

Загробная жизнь души.

(Изъ твореній св. Макарія Великаго).

Когда душа человѣческая выйдетъ изъ тѣла, тогда совершится при семъ великое нѣкое таинство. Ибо если повинна она во грѣхахъ, то приходятъ толпы демоновъ, и недобрые ангелы и темныя силы поемлютъ душу ту и берутъ въ собственную свою область. И никто же долженъ удивляться сему, потому что если душа въ сей жизни, находясь въ вѣгѣ семъ, имъ под-

чинялась и повиновалась и была ихъ рабою, то тѣмъ паче удерживается ими и въ ихъ остается власти, когда отходить изъ міра. А что касается до части благой, то долженъ ты представлять себѣ, что дѣло бываетъ такъ. При святыхъ рабахъ Божіихъ еще нынѣ

Созерцаніе рая душею и поклоненіе ея Богу.

пребываютъ Ангелы, и святые духи ихъ окружаютъ и охраняютъ. И когда отходятъ отъ тѣла, тогда лики Ангеловъ пріемлютъ души ихъ въ собственную свою область, въ чистый вѣкъ, и такимъ образомъ приводятъ ихъ ко Господу.

Если человекъ, находясь еще во брани, когда въ душѣ его дѣйственны и грѣхъ и благодать, преставится изъ міра сего, то куда поступаетъ сей одержимый тѣмъ и другимъ? — Поступаетъ туда, гдѣ умъ имѣетъ свою цѣль и любимое мѣсто. Тебѣ, если постигаютъ тебя скорбь, или брань, должно только воспротивиться и возненавидѣть. Ибо, чтобы не наступила брань, не твое это дѣло; а возненавидѣть — твое дѣло. И тогда Господь, видя умъ твой, потому что подвижаешься и любишь Господа отъ всей души, въ единый часъ удаляетъ смерть отъ души твоей (это не трудно Ему), и пріемлетъ тебя въ лоно Свое и во свѣтъ; въ единое мгновеніе времени исхищаетъ тебя изъ челюстей тьмы, и немедленно представляетъ въ царство Свое. Богу легко все совершить въ одно мгновеніе, только ты имѣлъ бы любовь къ Нему. Богъ требуетъ отъ человека его дѣланія, потому что душа удостоена быть въ общеніи съ Божествомъ.

Какъ сборщики податей, сидя въ тѣсныхъ проходахъ, останавливаютъ и истязаютъ проходящихъ, такъ и демоны наблюдаютъ и задерживаютъ души; и если души не совершенно очистились, то, при исшествіи своемъ изъ тѣла, не получаютъ дозволенія войти въ небесныя обители и предстать Владыцѣ своему, но уносятся внизъ воздушными демонами.

(Доселѣ Макарія Великаго).

Св. Іоаннъ Столпникъ отъ бывшаго ему откровенія говоритъ: „Когда душа разлучается съ тѣломъ и отъ земли восходитъ къ небу, встрѣчаютъ ее на пути полчища демоновъ, каждый въ своемъ чинѣ, — демоны гордости, которые обслѣдуютъ — обыскиваютъ ее, — не имѣла ли она отъ дѣлъ ихъ, полчища духовъ оклеветанія, которые ищутъ, не поносила ли кого и не загладила грѣхъ покаяніемъ, — встрѣчаютъ дальше и

выше сихъ духи блудодѣянiя, ищущiе, не познають ли въ ней начинанiй своихъ. Итакъ, когда несчастная душа, восходя отъ земли къ небу истязаема будетъ, Ангелы Божiи стануть въ сторонѣ отъ нея и ничто не поможетъ ей, какъ только дѣла благiя“.

Въ житiи св. Василiя Новаго еще яснѣе и обстоятельнѣе описывается истязанiе на воздушныхъ мытарствахъ душъ человѣческихъ, но приводитъ все сiе полностью не входить въ планъ настоящаго изложенiя. А посему, все сiе минуя, скажемъ только объ участи за гробомъ душъ праведныхъ и грѣшныхъ.

Составитель.

Блаженство праведныхъ.

Первую истину о блаженствѣ святыхъ и праведныхъ душъ тотчасъ же по смерти на небѣ въ раю высказалъ Самъ Господь Иисусъ Христосъ въ притчѣ о богачѣ и Лазарѣ, — что Лазарь тотчасъ по смерти былъ отнесенъ Ангелами на лоно Авраамово. И распятому съ Нимъ благоразумному разбойнику сказалъ: „днесъ со Мною будеши въ раю“.

Передъ самымъ крестнымъ страданiемъ Иисусъ Христосъ въ Своей первосвященнической молитвѣ къ Богу Отцу о Себѣ, о святыхъ ученикахъ и вообще о всѣхъ истинно вѣрующихъ въ Него, просилъ: „*Отче! ихъ же далъ еси Мнѣ, хочу, да, идѣже есмь Азъ, и ти будутъ со Мною, да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ*“ (Иоанн. 17, 24). Это желанiе, воля, какъ бы завѣщанiе, молитва Господа Иисуса Христа, совершенно согласная съ волею Отца Небеснаго, есть явное доказательство для всей церкви Христовой, т. е. для всѣхъ истинныхъ, живыхъ Ея членовъ, что они тотчасъ по смерти, по переходѣ въ загробный мiръ, будутъ съ

Господомъ на небѣ, въ раю и будутъ участниками Его славы. Достойные царствія небснаго, по переходѣ въ загробный міръ, тотчасъ же будутъ тамъ, гдѣ и Господь пребываетъ, какъ Богочеловѣкъ съ прославленнымъ Своимъ тѣломъ.

Итакъ, души совершенныхъ праведниковъ не задерживаются на воздушныхъ мытарствахъ, а прямо переносятся Ангелами въ царствіе небесное.

Предъ вратами небесными.

Не проходятъ воздушныхъ мытарствъ и души невѣрующихъ во Христа, но прямо поемлются бѣсами и сводятся во адъ, что подтверждаетъ Самъ Христосъ сими словами: *„а невѣрующій уже осужденъ есть“* (Іоан. 3, 18).

Блага райской жизни, составляющія загробное состояніе праведниковъ въ раю или просто ихъ бла-

женство, имѣють главнымъ основаніемъ—Бога, источника всего истиннаго, добраго и прекраснаго, съ Которымъ, по ученію св. Апостола Павла, праведники будутъ жить вѣчно и зрѣть Его лицомъ къ лицу. Лицезрѣніе же Бога есть такое состояніе человѣка, при которомъ всѣ наши желанія дѣлаются удовлетворенными, такъ что человѣку не остается ничего болѣе желать, всѣ чувства совершенно удовлетворены. Объ этомъ состояніи райской жизни писалъ и пророкъ Давидъ: „Насыщуся, вѣгда явитимися славы Твоей“ (Псал. 16, 15).

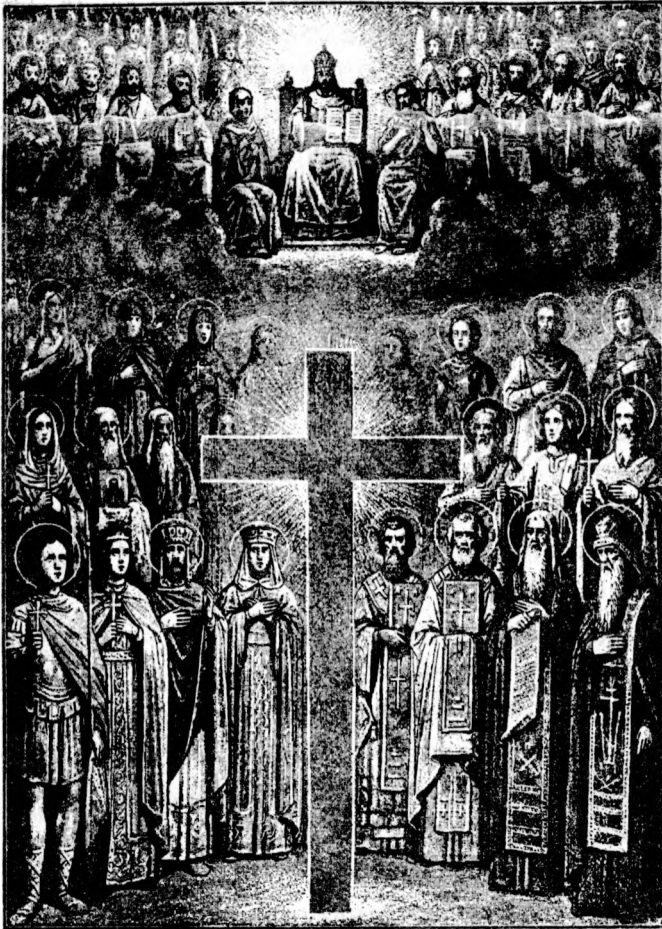
Въ содержаніе блаженства, не допускающаго и малѣйшей тѣни печали, входитъ и радость отъ сопребыванія и общенія со своими, и въ особенности съ близкими и дорогими нашему сердцу. Такъ, святитель Димитрій Ростовскій о семъ предметѣ пишетъ: „Праведники, видя себя прославленными въ царствіи Отца ихъ небснаго, не только себя, но и своихъ близкихъ прославленными, сердца ихъ исполнятся вѣчной, необъяснимой словами, радости. Возрадуется отецъ о спасеніи сына, сынъ—о спасеніи отца, мать—о дочери и дочь—о матери, мужъ—о спасеніи любимой жены и жена—о мужѣ, возрадуются братья и сестры о спасеніи своихъ-братій и сестеръ; родственники возрадуются о родственникахъ, ближніе—о ближнихъ и знаемые—о знаемыхъ и о спасеніи незнаемыхъ, ибо во всѣхъ будетъ единоподушная, единосердечная любовь какъ къ Богу, такъ и другъ къ другу, неразоримая и никогда не отпадающая любовь“.

Всѣ возрадуются взаимною радостью отъ взаимнаго сочувствія другъ къ другу. Иначе и быть не можетъ; исполненіе естественнаго психическаго закона сочувствій—радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими.

(Сокращено изъ книги: „Какъ живутъ наши умершіе“).

Тамъ на блаженной землѣ кроткихъ, говоритъ Святой Ефремъ Сиринъ: все тихо и безмятежно, все

свѣтло и богоугодно, — нѣтъ тамъ ни труда, ни слезъ, нѣтъ ни вражды, ни ревности, но въ высшей степени есть радость, миръ, веселіе, — тамъ всегдашнее радованіе, вѣчное веселіе, невечерній свѣтъ, незаходящее

Ликъ святыхъ въ царствѣ Божіемъ.

солнце, тамъ градъ царя, о которомъ преславная глаголашася, тамъ гласъ празднующихъ, тамъ ужасныя *) сокровища премудрости и разума.

*) Изумительныя, вызывающія удивленіе.

Степени блаженства праведныхъ душъ.

Хотя всѣ праведники вообще будутъ наслаждаться полнымъ блаженствомъ и до насыщенія пить изъ изобильныхъ источниковъ онаго, всѣ будутъ вкушать радость неизглаголанную (Петр. 1, 8), однако несомнѣнно и то, что у каждаго будетъ своя мѣра, зависящая отъ степени нравственного совершенства каждаго праведника и отъ мѣры заслугъ его, и всѣ они будутъ различаться степенью блаженства. Сего требуетъ совершеннѣйшее правосудіе Божіе, и Апостолъ Павелъ ясно учитъ, что каждый получитъ мзду по своему труду (1, Коринѣ. 3, 8), кто скудно сѣетъ въ сей жизни, тотъ скуднѣе и пожнетъ (2 Кор. 9, 6); и что между праведниками такая же будетъ разность, какая между свѣтилами: *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ; звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу, такожде и воскресеніе мертвыхъ* (1, Коринѣ. 15, 41—42).

Только при семъ каждый будетъ совершенно доволенъ своимъ жребіемъ, поелику и самая низшая степень блаженства будетъ такъ высока, что будетъ превосходить всякое понятіе и выраженіе, и завистливаго желанія и стремленія къ большему, свѣдающихъ челоѣка нынѣ, тамъ вовсе не будетъ. А такое довольство собою и будетъ составлять для каждаго высшую степень блаженства.

(Изъ книги „Вѣчныя загробныя тайны“).

Состояніе душъ грѣшниковъ.

Въ противоположность блаженному состоянію праведниковъ, души великихъ грѣшниковъ и вообще нечестивыхъ людей послѣ частнаго суда Божія низвергаются во адъ, и тамъ претерпѣваютъ различныя мученія какъ отъ угрызеній совѣсти, такъ и отъ злыхъ духовъ, во власти которыхъ они находятся.

Жизнь душъ грѣшниковъ

до всеобщаго суда.

Жизнь душъ грѣшныхъ до всеобщаго суда, по ученію православной церкви, состоитъ: во-первыхъ, — въ ясномъ и подробномъ сознаніи своихъ грѣховъ, которыми они оскорбляли въ сей жизни Бога, и угрызенія совѣсти, которая тамъ пробудится со всею силою. Во-вторыхъ, въ мучительномъ томленіи и тоскѣ отъ того, что ихъ привязанность къ плотскому и земному теперь не можетъ уже находить удовлетворенія, а къ небесному и духовному желаніе и вкусъ у нихъ не раскрыты и не могутъ уже они раскрыть ихъ.

Въ-третьихъ, въ удаленіи отъ Бога и Святыхъ Его, а вмѣсто того въ сообществѣ съ другими, также несчастными душами и особенно съ злыми духами, и въ другихъ дѣйствительныхъ мукахъ ада, что будетъ впрочемъ только началомъ и предвкусеніемъ будущихъ вѣчныхъ мукъ.

(Догматическ. Богослов. Антоія издан. 1852 г., стр. 259).

Состояніе душъ грѣшныхъ

до всеобщаго суда и мученія ихъ.

Относительно состоянія душъ грѣшныхъ сказано, что они будутъ находиться въ аду.

Адъ—это мрачная, подземная темница, безотрадное мѣсто плача, или ужаснѣйшая пещь огня неугасимаго, гдѣ мучатся души грѣшныхъ людей. Здѣсь ихъ правосудіе Божіе будетъ уязвлять тремя страшными стрѣлами своего гнѣва:—раскаяніемъ безъ пользы, безмѣрною мукою безъ малѣйшей отрады и крайнимъ желаніемъ безъ надежды, желаніемъ Бога, безъ надежды на Бога.

Первая стрѣла гнѣва Божія—это живое воспоминаніе о протекшей въ грѣхахъ жизни;—воспоминаніе горькое, которое производитъ еще болѣе горькое, но бесполезное раскаяніе. О если бы эта земная жизнь наша, какъ скоро проходитъ, также скоро и забывалась! если бы, лишаясь земныхъ наслажденій, мы лишились бы вмѣстѣ и памяти! Но нѣтъ! Что было, того нельзя передѣлать, чтобы не было, и нераскаянный грѣшникъ никогда не забудетъ грѣховъ своихъ. И вѣчно они будутъ мучить совѣсть его, вѣчно онъ будетъ раскаиваться, но безъ пользы, вѣчно онъ будетъ лить слезы, но онъ уже не смоетъ грѣховъ его: нѣтъ! еще болѣе будутъ разжигать пламень мученія... Во адѣ нѣтъ покаянія: заключились уже двери царства небснаго и будутъ заперты во вѣки вѣковъ.

Бѣдная душа грѣшная! Что ты такое содѣлала, что мучишься такъ страшно? Въ чемъ ты согрѣшила, что мучишься тутъ вѣчно? Я вкусилъ каплю меда, и вотъ за это мучусь вѣчно! говоритъ грѣшникъ. И что такое было плотское наслажденіе, ради котораго

я отдать и имѣніе и душу и сердце непотребной женщины, что это было, какъ не капля меда? А эта сатанинская радость, когда я видѣлъ ближняго въ несчастіи, когда я мстилъ ему, поносилъ его изъ зависти и по злобѣ—что это было, какъ не капля меда? А эти пиры и ликованія, игры и потѣхи—что это было, какъ не капля меда? И всѣ эти богатства, ради которыхъ я обременялъ совесть мою безчисленными обидами, дѣлами незаконными—вѣдь все это было только капля меда! И слава, и знатность, и честь, и покой,—все, чѣмъ наслаждался я безъ страха Божія, все, все было капля меда, да и то смѣшаннаго съ отравой, съ суетами и болѣзнями! Да, если бы и вся жизнь моя протекла лишь въ счастіи земномъ,—что все это въ сравненіи съ вѣчнымъ мученіемъ? Одна капля меда ни что иное, яко день вчерашній, иже мимо иде!..

Кто далъ бы мнѣ теперь хоть одинъ изъ тѣхъ часовъ, которые казались мнѣ такими долгими, кто далъ бы мнѣ одну минуту для покаянія! Но нѣтъ уже времени: оно окончилось; теперь настала вѣчность, и вѣчно я буду плакать безъ пользы. Такъ будетъ онъ проклинать чрево, его носившее, грудь матери, его кормившую, будетъ проклинать родителей, друзей и всѣхъ знаемыхъ, а болѣе всего—тотъ медъ грѣховный, ради котораго онъ терпѣть будетъ горечь вѣчнаго мученія адскаго. Но это только первая стрѣла гнѣва Божія, его поражающая.

Вторая стрѣла—это самая мука геенская. Соберу на нихъ злая (Второз. 32, 20), угрожаетъ Господь грѣшникамъ. Итакъ, собраніе всевозможныхъ и невыразимыхъ мученій ожидаетъ грѣшниковъ во адѣ. Всѣ яды скорбей собраны въ одну чашу, всѣ пламени огня соединены въ одинъ пламень, всѣ муки вѣчныя въ одной минутѣ! Мученіе вѣчное безъ ослабы, безъ конца!..

Третья стрѣла Божія, уязвляющая сердце чловѣка-грѣшника, это — желаніе безъ надежды, желаніе Бога, безъ надежды на Бога. Какъ бурныя волны грознаго океана устремляются на скалистый берегъ, какъ будто желая затопить весь міръ, но потомъ, ударившись о скалы, разбиваются на тысячу брызгъ и съ пѣною возвращаются назадъ, такъ и сердце грѣшниковъ будетъ стремиться къ Богу, но, встрѣтивъ Его неизмѣнное правосудіе, твердое, подобное граниту, будетъ разбиваться объ него, что причинить ему невыразимую скорбь и болѣзнь. Желать Бога всегда и не надѣяться увидѣть Его никогда — да это такое мученіе, которое и объяснить нельзя! И это будетъ продолжаться вѣчно! Мы, грѣшныя, вѣдь знаемъ, что будетъ мука вѣчная, и все-таки грѣшимъ, и грѣшимъ всякій день, всякій часъ, прилагая зло ко злу, покуда не исполнится чаша гнѣва Божія. Ясно, что мы или не вѣримъ, что есть мука вѣчная, или же мы просто обезумѣли и потому достойны этой муки вѣчной, если не за другое что, такъ за невѣріе, или безуміе наше! Какъ же быть? Да надобно всегда помнить муку вѣчную, по примѣру одного святаго подвижника, который, борясь съ блудною страстію, ожегъ на огнѣ свои пальцы ручныя. Когда же боль стала невыносима, то онъ отдернулъ руки отъ свѣчи и сказалъ себѣ: если я не могу терпѣть одной минуты, чтобы мои пальцы горѣли на огнѣ, то какъ же вытерплю я муку вѣчную, когда буду горѣть весь въ пламени геенны? И такимъ образомъ онъ побѣдилъ страсть, избѣжалъ грѣха и спасъ свою душу.

(Изъ „Урок. Христ. нравст.“ о. Г. Дьяченко).

О состояніи душъ, которыхъ участь окончательно не рѣшена.

Въ аду временно пребываютъ и тѣ души христіанъ, впадшихъ въ смертные грѣхи, которыя принесли покаяніе, не отчаялись въ своемъ спасеніи, но не успѣли принести плодовъ покаянія.

Отличительный характеръ нерѣшеннаго состоянія душъ подобенъ тому болѣзненному состоянію душъ на землѣ, въ которыхъ жизнь беретъ верхъ надъ разрушеніемъ.

Такъ точно и души нерѣшеннаго состоянія, не смотря на свое грѣховное тяготѣніе, полны вѣры и надежды на Бога — Искупителя, взявшаго ихъ грѣхи на свои рамена, и въ такомъ настроеніи духа вмѣстѣ съ небожителями преклоняютъ колѣна предъ Господомъ Іисусомъ Христомъ и Его Пречистой Матерью, воспѣвая торжественную пѣснь: Аллилуіа.

Эти души не безнадежны и, хотя не могутъ выйти изъ своего состоянія сами, но жаждутъ и ожидаютъ для сего посторонней помощи, и способны воспользоваться ею. Такъ исповѣдуетъ наша православная Церковь: „души людей, впадшихъ въ смертные грѣхи, и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлученія съ настоящею жизнію покаявшихся, только не успѣвшихъ принести никакихъ плодовъ покаянія, каковы: молитва, слезы, колѣнопреклоненія, сокрушеніе, утѣшеніе бѣдныхъ и выраженіе въ поступкахъ любви къ Богу и ближнимъ — что католическая Церковь съ самаго начала признаетъ богоугоднымъ и благопотребнымъ, — нисходятъ во адъ и терпятъ за учиненные ими грѣхи наказанія, не лишаясь впрочемъ надежды облегченія отъ нихъ“.

(Изъ книги „Какъ живутъ наши умершіе“).

Такимъ душамъ верѣннаго состоянія помогаютъ молитвы Церкви и приносимая за нихъ Безкровная жертва, а также и подаваемая за нихъ милостыня; а таковыми жертвами Господь умилостивляется и переселяетъ ихъ изъ мрака адскаго въ свѣтлыя обители райскія; но когда это совершится и надъ всѣми ли душами? — Это одному Богу извѣстно. Извѣстно только, что до самаго страшнаго суда, до окончательнаго надъ всѣми приговора, такое перемѣщеніе душъ не противно правосудію и милосердію Божию. А по окончаніи страшнаго суда, такого нерѣшеннаго состоянія уже не будетъ, тогда праведники пойдутъ въ вѣчное блаженство, а грѣшники въ вѣчное мученіе. Составитель.

Благодареніе Господу Богу.

Исповѣдуюсь Тебѣ, Господи Боже мой, что Ты сотворилъ меня разумнымъ, сотворилъ не какъ равнаго съ ангелами; такъ какъ я чрезъ Слово Твое могу достигнуть и равенства съ ними, и стать сыномъ чрезъ Единородное Слово Твое, чрезъ возлюбленнаго Сына Твоего, о Которомъ Ты благоволилъ, и Который есть Искупитель нашъ и Ходатай предъ Тобою, — Который возлюбилъ насъ болѣе Себя, чрезъ Котораго имѣемъ упованіе и твердую надежду и доступъ къ Тебѣ, такъ какъ Онъ далъ власть вѣрующимъ во Имя Его быть сынами Божиими.

Воздамъ хвалу имени Твоему, Господи, за то, что Ты сотворилъ меня по образу и по подобію Твоему, сдѣлалъ причастникомъ такой славы, что я могу быть сыномъ Божиимъ, чѣмъ не могутъ быть деревья или камни и вообще все движущееся и растущее въ воздухѣ, или въ морѣ, или на землѣ, такъ какъ не далъ имъ власти чрезъ Слово Твое быть сынами Божиими,

потому что они не имѣютъ разума. А далъ эту власть людямъ, которыхъ сотворилъ разумными по образу и по подобію Своему. И я благодатию Твоею — человѣкъ, и сыномъ Твоимъ быть могу, а все упомянутое быть имъ не можетъ.

Господи! Ты все сотворилъ по единой благодати Твоей. Всѣ твари были равны заслугами, потому что всѣ не имѣли никакихъ заслугъ. Такъ откуда же благодать Твоя болѣе всей твари явилась въ человѣкѣ? Почему я не такой, какъ всѣ прочія твари, или всѣ онѣ не таковы, каковъ я? Какія мои заслуги, какія мои добрыя дѣла, что Ты меня сотворилъ способнымъ быть сыномъ Божиимъ, а имъ всѣмъ въ томъ отказалъ? Да не помыслию, Господи, о своихъ заслугахъ. Твоя только благодать, только Твоя благодать сдѣлала то, чтобы я былъ участникомъ сего блаженства.

(Изъ твор. блаженн. Августина).

Пріими же, Господи за все сіе благодареніе наше и не лиши насъ обѣщаннаго намъ Небеснаго Твоего Царствія.

Основы христіанской нравственности, или правила духовнаго возрожденія грѣшной души, по уче- нію епископа Теофана *).

Жить намъ надобно такъ, какъ Богъ создалъ насъ. Многіе же потому и не живутъ, какъ должно, что думаютъ, будто правила о достодошной жизни навязываются совнѣ, а не исходятъ изъ самаго естества человѣка и не имъ требуются. Посему рассмотримъ, что вложено въ нашу природу Самимъ Творцемъ, и что привнесено грѣхомъ, такъ сказать, нажито нашей грѣховной жизнью. Начиная съ физической стороны, съ тѣлесной жизни, перейдемъ постепенно къ устройству и проявленію высшей духовной жизни.

Тѣло наше состоитъ изъ различныхъ органовъ, изъ коихъ каждый совершаетъ свое отправленіе, существенно необходимое для жизни тѣлесной. Главныхъ органовъ три: 1) желудокъ съ легкими, сердцемъ, артеріями и венами, лимфатическими сосудами и множествомъ другихъ сосудовъ, сосудовъ и железъ, служащихъ для разныхъ отдѣленій изъ крови и соковъ тѣла; отправленіе всѣхъ ихъ—питаніе тѣла или плодотвореніе; 2) системъ мускуловъ и костей, отправленіе коихъ есть движеніе внутри и во внѣ и 3) система нервовъ, центръ коихъ—голова, спинной мозгъ и система ганглій, гдѣ-то подъ брюшною и грудною преградою, а развѣтвленія проникаютъ все тѣло; отправленіе ея—чувствительность. Когда ходъ этихъ отправле-

*) Взято съ небольшимъ сокращеніемъ изъ книги: „Преосвящ. Теофанъ, затворн. Вышенскій“.

ній и взаимное ихъ отношеніе въ порядкѣ, тѣло здорово и жизнь—въ опасности; а когда этотъ порядокъ нарушается, тѣло заболѣваетъ и жизнь въ опасности. Каждое отправленіе имѣетъ свою потребность, которую даетъ живо чувствовать живущему, требуя удовлетворенія. *Потребности желудочной* или питательной и плодотворной части суть—пища, воздухъ, сонъ; *потребность мускульно-костяной части* есть потребность *напрягать* мускулы, которую всякій чувствуетъ, долго засидѣвшись, и прямо *потребность движенія*, заставляющая ходить, гулять, работать что-нибудь; *потребность нервной части*—*пріятное раздраженіе нервовъ* всего тѣла, какъ мѣрность тепла, холода и подоб., и особенно *пріятное раздраженіе пяти нашихъ чувствъ*, въ которыхъ нервная система вышла наружу для общенія со внѣшнимъ міромъ.

Все это, какъ видите, тѣлесно; душѣ какое бы до всего этого дѣло. Но какъ она, по тѣснѣйшему сочетанію съ тѣломъ, приняла его въ свою личность, то своими считаетъ и всѣ потребности тѣлесныя. Отъ того говоримъ: я хочу ѣсть, пить, спать, — хочу ходить, гулять, работать, хочу видѣть разноцвѣты, слышать разноголовіе, обонять разноуханія и проч. Усвоивъ себѣ всѣ потребности тѣлесныя, душа заботится и о удовлетвореніи ихъ, чтобы тѣло было покойно и не тревожило ее своими докучливыми требованіями.

Совокупность всего этого и есть тѣлесная сторона человѣческой жизни. Но не все здѣсь одинаково тѣлесно, или плотяно и чувственно. Крѣпко плотяна только питательная часть, но и она облагораживается приспособленіемъ ея удовлетворенія къ потребностямъ и цѣлямъ собственно душевнымъ. Органы же движенія и чувства служатъ болѣе нуждамъ души, чѣмъ тѣла. А одинъ органъ, стоящій будто въ системѣ прочихъ

органовъ, именно органъ слова—исключительно есть органъ души, назначенный для служенія ей одной. 3

Тѣлесная, плотская, чувственная, — неодобрительная въ нравственномъ отношеніи жизнь есть та, когда человѣкъ, увлекаясь крайне животолубіемъ и тѣлолюбіемъ, поставяетъ главною для себя цѣлю и заботою покой тѣла, или всестороннее удовлетвореніе потребностей лишь тѣлесныхъ съ забвеніемъ о душѣ и тѣлѣ, паче о духѣ.

При этомъ каждая тѣлесная потребность естественно-простая распложается во множество прививныхъ потребностей чрезъ привычку и пристрастіе къ разнымъ способамъ ея удовлетворенія. Возьмемъ пищу, или питіе, или одежду. Что, кажется, проще всего сюда относящагося? А между тѣмъ сколько потребностей распложается у нихъ по этой части, потребностей неотлучныхъ и неотложныхъ: хотъ умри, да подай!—Отъ того видимъ, что иные минуты не имѣютъ свободной, бѣгая за нужнымъ для удовлетворенія ихъ. У такихъ неизбѣжно должны голодать душа и духъ, если они еще не совсѣмъ заглушены, забыты и погружены въ чувственность.

Разсмотрѣвъ низшую, плотскую сторону человѣческой природы, перейдемъ къ явленіямъ высшаго порядка, къ душевной жизни человѣка. Но если мы станемъ смотрѣть въ душу сообща, то ничего не разберемъ; посему нужно дѣйствія ея распредѣлить по родамъ и каждый потомъ разсматривать особо. Да—ужъ давно присмотрѣлись и распредѣлили всѣ дѣйствія души на три разряда—мыслей, желаній и чувствъ, назвавъ каждый особою стороною души—мыслительною, желательною и чувствующею.

Сторона мыслительная.

Если внутри насъ видится смятеніе, то оно наибольшій просторъ имѣетъ въ мысляхъ; желанія же и чувства мнутся уже подѣ дѣйствіемъ мыслей. Но въ разрядѣ мыслей не все есть беспорядочное движеніе; есть въ средѣ ихъ рядъ серьезныхъ занятій. Онѣ-то собственно и составляютъ настоящее дѣло жизни душевной со стороны мыслей. Вотъ эти занятія.

1) Какъ только замѣтили вы что-либо во внѣ посредствомъ своихъ чувствъ, или выслушали рассказъ другихъ о томъ, что они замѣтили своими чувствами, тотчасъ все то *воображеніе* воображаетъ и *память* запоминаетъ; и въ душу ничто не можетъ войти помимо воображенія и памяти. Затѣмъ и послѣдующая дѣятельность мыслительная опирается на воображеніи и памяти. Чего не сохранила память, того не вообразишь, о томъ и думать не станешь. Бываетъ, что мысли прямо рождаются изъ души; но и онѣ тотчасъ облакаются въ образъ. Такъ что мысленная сторона души вся есть *образная*.

2) Но воображеніе и память добываютъ и хранятъ только матеріалъ для мыслей. Само движеніе мыслей исходитъ изъ души, и ведется по законамъ ея. Воображеніе и память не мыслятъ. Онѣ — чернорабочія силы, подъяремныя. Способность души, изъ которой исходятъ такіе вопросы и которою доискиваются и порождаются мысли въ отвѣтъ на нихъ, называется *разсудкомъ*, котораго дѣло разсуждать, обдумывать и находить требуемыя рѣшенія. Понаблюдайте за собою и найдете, что ничего у васъ не дѣлается безъ обдуманія, соображенія. Всякую малость приходится обсуждать.

3) Когда вы обдумываете, то тутъ нѣтъ еще опредѣленной мысли. Мысль опредѣленная устанавливается,

когда найдете рѣшеніе какого либо изъ вопросовъ. Разсудокъ вашъ все роется, ища — что такое есть какая-либо вещь, откуда она и для чего она и проч. Когда же найдете сами такое рѣшеніе, или, выслушавъ его отъ другихъ, согласитесь съ нимъ.—обыкновенно говорите: теперь понимаю, толковать больше нечего, дѣло рѣшенное. Это рѣшеніе даетъ покой нашей мыслительности относительно занимавшаго васъ предмета. Тогда разсудокъ вашъ обращается къ другимъ предметамъ, а сложившаяся мысль сдается въ архивъ душевный—память, откуда, по требованію нужды, берется какъ пособіе къ рѣшенію другихъ вопросовъ, какъ средство къ слаганію другихъ мыслей. Совокупность всѣхъ сложившихся такимъ образомъ понятій составляетъ образъ вашихъ мыслей, который вы и обнаруживаете при всякомъ случаѣ въ рѣчахъ своихъ. Это есть область вашего *знанія*, добытаго вами трудомъ мысленнымъ. Чѣмъ больше у васъ рѣшено вопросовъ, тѣмъ больше опредѣленныхъ мыслей или понятій о вещахъ, чѣмъ больше такихъ понятій, тѣмъ шире кругъ вашего знанія. Такимъ образомъ, какъ видите, выше памяти и воображенія у васъ стоитъ разсудокъ, который своимъ *мыслительнымъ трудомъ* добываетъ для васъ опредѣленные о вещахъ понятія и познанія.

Не на всякій вопросъ удастся намъ добыть опредѣленный отвѣтъ. Большая часть ихъ остается нерѣшенными. Думаютъ-думаютъ, и ничего опредѣленнаго не придумаютъ. Почему говорятъ: можетъ быть такъ, а можетъ быть этакъ. Это даетъ *мнѣнія и предположенія*, которыхъ въ общей сложности у насъ не больше ли, чѣмъ сколько есть опредѣлившихся познаній.

Когда кто, обсуждая извѣстный классъ предметовъ, добудетъ самъ и отъ другихъ позаимствуетъ такъ

много опредѣленныхъ о нихъ мыслей и понятій, а не рѣшенное въ нихъ успѣть дополнить такими удачными мнѣніями и предположеніями, что можетъ счесть этотъ кругъ предметовъ достаточно познаннымъ и уясненнымъ, тогда приводитъ все добытое въ порядокъ, излагаетъ въ связи и послѣдовательности и даетъ намъ *науку* о тѣхъ предметахъ. Наука—вънецъ мыслительной работы разсудка.

Все это сказано для того, чтобы ясно было, въ чемъ должна бы состоять естественная законная дѣятельность нашей мыслительной силы. Ей слѣдовало бы трудолюбиво обсуждать незнаемое еще, чтобы познать то. Научниками быть дано очень немногимъ, не всѣмъ можно и проходить науки; но обсуждать окружающія насъ вещи, чтобы добыть опредѣленные о нихъ понятія, всѣмъ можно и должно. Вотъ этимъ и слѣдовало быть у всѣхъ занятою мыслительной силѣ. Между тѣмъ, что видимъ въ нашей мысленной области? Непрерывное движеніе образовъ и представленій безъ всякой опредѣленной цѣли и порядка. Помышленіе за помышленіемъ возстаютъ, и то идутъ въ рядъ, то возвращаются назадъ, то отбѣгаютъ въ стороны, ни на чемъ не останавливаясь. Это не разсужденіе, а блужданіе и разсѣяніе мыслей; слѣдовательно, состояніе, совсѣмъ противоположное тому, чѣмъ бы слѣдовало являться нашей мыслительной силѣ,—болѣзнь ея столь виѣдренная въ нее и общая всѣмъ, что вы ни одного не найдете человѣка, который бы могъ постоянно вести серьезный трудъ мышленія, не подвергаясь разсѣянію и блужданію мыслей, отрывающихъ его отъ дѣла и увлекающихъ въ разныя стороны. Часто мы задумываемся. Что это за состояніе?—Вотъ что: мысль сходитъ въ архивъ памяти и помощію воображенія перебираетъ тамъ весь собравшійся хламъ, переходя

отъ исторіи къ исторіи, по извѣстнымъ законамъ сѣщенія представленій, приплетая къ бывалому небывалое, а нерѣдко даже невозможное, пока не придетъ въ себя и не возвратится къ дѣйствительности окружающей. Говорятъ: углубился. Углубился, но въ пустоту, а не въ серьезное обсужденіе дѣла. Это есть то же, что сонное мечтаніе, — праздномысліе и пустомысліе. Понаблюдайте за собою и увидите, что большая часть времени проходитъ у насъ именно въ такомъ пустомысліи и блужданіи мыслей. Иной день (и не больше ли такихъ) — ни одной серьезной мысли не впадетъ на умъ. Прошу обратить вниманіе, и заняться рѣшеніемъ вопроса: прилично ли такъ дѣйствовать разумной твари?

Желательная сторона.

Дѣйствующая здѣсь сила есть воля, которая „волитъ“, желаетъ пріобрѣсть, употребить или сдѣлать, что находитъ полезнымъ для себя, или нужнымъ, или пріятнымъ, и не волитъ, — не желаетъ противнаго тому. Воленія воли требуютъ соотвѣтственнаго дѣла, потому воля прямѣе есть дѣятельная сила, которой существенная потребность — жить и дѣйствовать. Она держитъ въ своемъ завѣдываніи всѣ силы души и тѣла и всѣ подручные способы, которые всѣ и пускаетъ въ ходъ, когда нужно. Въ основѣ ея лежитъ ревность или ретивость — жажда дѣла, а возбудителями стоятъ при ней — *пріятное, полезное и нужное*, которыхъ когда нѣтъ, ревность спитъ и дѣятельныя силы теряютъ напряженіе, опускаются. Они поддерживаютъ желаніе; а желаніе разжигаетъ ревность.

Ходъ раскрытія сей стороны душевной таковъ. Въ душѣ и тѣлѣ есть потребности, въ которыхъ при-

вились и потребности житейскія — семейныя и общественныя. Эти потребности сами по себѣ не даютъ опредѣленнаго желанія, а только нудятъ искать имъ удовлетворенія. Когда удовлетвореніе потребности тѣмъ или другимъ способомъ дано однажды, то послѣ того, вмѣстѣ съ пробужденіемъ потребности, рождается и желаніе того, чѣмъ удовлетворена уже была потребность. Желаніе всегда имѣетъ опредѣленный предметъ, удовлетворяющій потребность. Иная потребность разнобразно была удовлетворена; потому съ пробужденіемъ ея рождаются и разныя желанія, — то того, то другаго, то третьяго предмета, могущаго удовлетворить потребность. Въ раскрывшейся жизни человѣка потребностей за желаніями и не видно. Роятся въ душѣ только сіи послѣднія и требуютъ удовлетворенія будто сами для себя.

Что дѣлать человѣку съ сими желаніями? Ей предлежитъ *выборъ*, какому предмету изъ возжеланныхъ дать предпочтеніе. По выборѣ происходитъ рѣшеніе, — сдѣлать, или достать, или употребить избранное. По рѣшеніи дѣлается подборъ *средствъ* и опредѣляется способъ и порядокъ исполненія. За этимъ слѣдуетъ наконецъ дѣло въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Всякое, даже самое маленькое дѣльце, идетъ симъ порядкомъ. Это можете вы провѣрить на какомъ-либо своемъ дѣлѣ. По навыку иногда всѣ эти дѣйствія совершаются мгновенно, и за желаніемъ тотчасъ слѣдуетъ дѣло. Выборъ, рѣшеніе и средства берутся тогда изъ прежнихъ дѣлъ и особаго производства не требуютъ.

Въ пожившемъ человѣкѣ все почти дѣлается по навыку. Рѣдко случается какое-либо предпріятіе или начинаніе, выходящее изъ обычнаго порядка дѣлъ и занятій. Такъ ужъ бываетъ, что сложившаяся жизнь требуетъ соотвѣтственныхъ себѣ дѣлъ. Какъ они по-

вторяются часто. то естественно обращаются въ навѣкъ, правъ, правило жизни и характеръ. Изъ совокупности всѣхъ такого рода навѣковъ, правилъ и порядковъ устанавливается образъ жизни извѣстнаго лица, какъ изъ совокупности установившихся понятій составляется образъ мыслей и воззрѣній. Зная чей-либо образъ жизни, можно угадывать, что думаетъ онъ въ то или другое время и какъ поступить онъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Заправителемъ дѣятельной жизни поставлено *благоразуміе*, которое есть тотъ же разсудокъ, только состоящій на службѣ у воли. Въ мыслительной области разсудокъ рѣшаетъ — какъ что есть изъ существующаго, а въ желательной и дѣятельной опредѣляетъ — какъ что дѣлать должно, чтобы вѣрно было достигнуто то, что законно возжелѣно. Когда навькнетъ онъ опредѣлять это какъ слѣдуетъ, такъ что человѣкъ дѣла свои ведетъ всегда или большею частью съ успѣхомъ, тогда ему справедливо приписывается *благоразуміе* — умѣнье съ успѣхомъ вести дѣла, вѣрно соображая средства съ цѣлями и дѣла съ внѣшними обстоятельствами.

Изъ сказаннаго не трудно вывести заключеніе о естественно-законной дѣятельности воли, которая есть госпожа всѣхъ нашихъ силъ и всей жизни. Ея дѣло опредѣлять образъ, способъ и мѣру удовлетворенія желаній, порождаемыхъ потребностями, или ихъ замятившихъ, чтобы жизнь текла достолично, доставляя покой и радость живущему. Есть у насъ, какъ поминалось, потребности и желанія — душевныя, тѣлесныя, житейскія и общественныя. Не у всѣхъ онѣ одинаково проявляются, потому что не у всѣхъ одинаково слагается жизнь, а у одного такъ, у другого иначе. Дѣло человѣка опредѣлить, какъ въ своемъ положеніи можетъ и долженъ онъ удовлетворять свои потребности

и желанія, приладить подходящія къ тому способы и вести по тому свою жизнь. Вести здраво-мысленно по установившейся нормѣ свою жизнь со всѣми дѣлами ея и начинаніями — се есть задача желательной или дѣятельной стороны нашей жизни. Такъ-бы слѣдовало. Но вникните и рассмотрите, что бываетъ?

Въ мысленной сторонѣ у насъ бываетъ смятеніе, разсѣяніе и блужданіе мыслей, а въ желательной — непостоянство, беспорядочность и своенравіе желаній, а за ними и дѣлѣ. Сколько времени проходитъ у насъ въ бездѣліи и пустодѣліи: шатаемся туда и сюда, сами не зная, для чего дѣлаемъ и передѣлываемъ, не умѣя дать здраваго въ томъ отчета; идутъ у насъ начинанія за начинаніемъ и дѣло за дѣломъ, но изъ всего выходитъ только толкотня — суета. Зарождаются желанія, — и ничего съ ними не подѣлаешь: давай и давай. И добро бы это однажды такъ, а то почти — что ни часъ. Отъ чего это? — Разслылась госпожа наша — воля. Посмотрите еще, сколько у насъ есть пришлыхъ возбудителей желаній, — гнѣвъ, ненависть, зависть, скупость, тщеславіе, гордость и подобныя? Источникомъ желаній должны быть естественныя потребности сложившейся жизни семейной и общественной; а въ этихъ всѣхъ что есть естественнаго? Они только разстраиваютъ естество и всѣ порядки жизни. Откуда же это варварское нашествіе? _____

Сторона чувства — сердце.

Кто не знаетъ, сколь великое имѣетъ значеніе въ жизни наше сердце? Въ сердцѣ осаждаются все, что входитъ въ душу со внѣ и что вырабатывается ея мыслительною и дѣятельною стороною; чрезъ сердце же проходитъ и то все, что обнаруживается душою во внѣ. Потому оно и называется центромъ жизни.

Дѣло сердца—чувствовать все, касающееся нашего лица. И оно чувствуетъ постоянно и неотступно *состояніе души и тѣла*, а при этомъ и *разнообразныя впечатлѣнія* отъ частныхъ дѣйствій душевныхъ и тѣлесныхъ, отъ окружающихъ и встрѣчаемыхъ предметовъ, отъ внѣшняго положенія и вообще отъ теченія жизни, понуждая и нудя человѣка доставлять ему во всемъ этомъ пріятное и отвращать непріятное. Здоровье и нездоровье тѣла, живость его и вялость, утомленіе и крѣпость, бодрость и дремота, затѣмъ — что увидѣно, услышано, осязано, обоняно, вкушено, что вспомнано и воображено, что обдуманно и обдумывается, что сдѣлано, дѣлается и предлежитъ сдѣлать, что добыто и добывается, что можетъ и не можетъ быть добыто, что благопріятствуетъ намъ или не благопріятствуетъ — лица ли то или стеченіе обстоятельствъ, — все это отражается въ сердцѣ, и раздражаетъ его пріятно или непріятно. Судя по сему, ему и минуты нельзя бы быть въ покой, а быть въ непрерывномъ волненіи и тревогѣ, подобно барометру предъ бурей. Но оно причувствовалося и многое проходитъ у него безъ слѣда, какъ можете провѣрить тѣми случаями, что когда въ первый разъ случится намъ быть гдѣ, то все насъ тамъ занимаетъ, а послѣ втораго и третьяго раза — развѣ что! Всякое воздѣйствіе на сердце производитъ въ немъ особое чувство, но для различенія ихъ въ нашемъ языкѣ нѣтъ словъ. Мы выражаемъ свои чувства общими терминами — пріятно — непріятно, нравится — не нравится, весело — скучно, радость — горе, скорбь — удовольствіе, покой — безпокойство, досада — довольство, страхъ — надежда, антипатія — симпатія. Понаблюдайте за собою и найдете, что на сердцѣ бываетъ то одно, то другое.

Но значеніе сердца въ экономіи нашей жизни не то только, чтобъ страдательно состоять подѣ впечатлѣніями и свидѣтельствовать объ удовлетворительномъ или неудовлетворительномъ состояніи нашемъ; но и то, чтобъ поддерживать энергію всѣхъ силъ души и тѣла. Смотрите, какъ спѣшно дѣлается дѣло, которое нравится, къ которому лежитъ сердце! А предъ тѣмъ, къ которому не лежитъ сердце, руки опускаются и ноги не двигаются. Отъ того умѣющіе собою править, встрѣчая нужное дѣло, которое однакожъ не нравится сердцу, спѣшаютъ найти въ немъ пріятную сторону и тѣмъ, помиривъ съ нимъ сердце, поддерживаютъ въ себѣ потребную для дѣла энергію. Равность, — движущая сила воли, — изъ сердца исходитъ. То же и въ умственной работѣ: предметъ, павшій на сердце спѣшнѣе и всестороннѣе обсуждается. Мысли при этомъ роятся сами собою, и трудъ, какъ бы онъ ни былъ дологъ, бываетъ не въ трудъ.

Не все всѣмъ нравится, и не у всѣхъ ко всему одинаково лежитъ сердце; но у однихъ больше къ одному, а у другихъ больше къ другому. Это выражается такъ: у всякаго свой вкусъ. Зависитъ это частію отъ естественнаго предрасположенія, частію, — и не больше ли? — отъ первыхъ впечатлѣній, отъ впечатлѣній воспитанія и случайностей жизни. Но какъ бы ни образовались вкусы, они заставляютъ человѣка такъ устроить свою жизнь, такими окружить себя предметами и соотношеніями, какіе указываютъ его вкусъ и съ какими миренъ онъ бываетъ, удовлетворяясь ими. Удовлетвореніе вкусовъ сердечныхъ даетъ ему покой сладкій, который и составляетъ свою для всякаго мѣру счастья. Ничто не тревожитъ: вотъ и счастье.

Еслибъ человѣкъ всегда въ мысленной части держался здравомыслія, а въ дѣятельности — благоразумія,

то встрѣчалъ бы въ жизни наименьшую долю случайностей, непріятныхъ его сердцу, и слѣдовательно, имѣлъ бы наибольшую долю счастья. Но, какъ указывалось, мысленная часть рѣдко держитъ себя достойно, предаваясь мечтамъ и разсѣянности, и дѣятельная уклоняется отъ своего нормальнаго направленія, увлекаясь непостоянными желаніями, возбуждаемыми не потребностью естества, а пришлыми страстями. Отъ того и сердце покоя не имѣетъ, и, пока тѣ стороны находятся въ такомъ состояніи, имѣть его не можетъ. Больше всего тиранятъ сердце страсти. Не будь страстей,—встрѣчались бы конечно непріятности,—но онѣ никогда не мучили бы такъ сердце, какъ мучатъ страсти. Какъ жжетъ сердце гнѣвъ? Какъ терзаетъ его ненависть? Какъ точитъ злая зависть? Сколько тревогъ и мукъ причиняетъ неудовлетворенное или посрамленное тщеславіе? Какъ давитъ скорбь, когда гордость, самолюбіе и самоуваженіе страдаетъ?

Да если построже рассмотримъ, то найдемъ, что и всѣ наши тревоги и боли сердца—отъ страстей. Эти злыя страсти, когда удовлетворяемы бываютъ,—даютъ радость, но кратковременную, а когда не бываютъ удовлетворяемы, а напротивъ встрѣчаютъ противное, то причиняютъ скорбь продолжительную и несносную.

Такимъ образомъ видно, что сердце наше точно есть корень и центръ жизни. Оно, давая знаніе о хорошемъ или худомъ состояніи человѣка, возбуждаетъ къ дѣятельности прочія силы, и послѣ дѣятельности ихъ опять принимаетъ въ себя, на усиленіе или ослабленіе того чувства, коимъ опредѣляется состояніе человѣка. Казалось бы, что ему слѣдовало бы отдать полную власть и надъ управленіемъ жизнію, какъ это и бываетъ у многихъ—многихъ исполнѣ, а у всѣхъ прочихъ понемногу. Казалось бы такъ,—и, можетъ

быть, по естеству оно имѣло именно такое назначеніе, но привзошли страсти и все помutilи. При нихъ и состояніе наше указывается сердцемъ невѣрно и впечатлѣнія бываютъ не таковы, какимъ слѣдовало бы быть, и вкусы извращаются, и возбужденія другихъ силъ направляются не въ должную сторону. Потому теперь законъ—держать сердце въ рукахъ и строгой подвергать критикѣ его чувства, вкусы и влеченія. Когда очистится кто отъ страстей, пусть даетъ волю сердцу; но пока страсти въ силѣ давать волю сердцу—значитъ явно обречь себя на всякіе невѣрные шаги. Хуже всего поступаютъ тѣ, которые и цѣлю жизни поставляютъ сласти сердца и наслажденія, какъ говорить жизнью. Такъ какъ сласти и наслажденія, плотскія и чувственныя даютъ себя сильнѣе чувствовать, то такіа лица всегда ниспадають въ грубую чувственность и становятся ниже той черты, которая отдѣляетъ человѣка отъ прочихъ живыхъ тварей.

Такъ вотъ вамъ душа и душевная жизнь со всѣхъ сторонъ! Я указывалъ нарочно, чему естественно слѣдуетъ быть на каждой сторонѣ и чему не слѣдуетъ.

Душа вся обращена исключительно на устройство нашего временнаго бытія—земнаго. И познанія ея всѣ строятся только на основаніи того, что даетъ опытъ,—и дѣятельность ея обращена на удовлетвореніе потребностей временной жизни, и чувства ея порождаются и держатся только изъ ея состояній и положеній видимыхъ. Что выше сего, то не ея дѣло. Хотя и бываетъ въ ней нѣчто выше сказаннаго, но то гости суть, заходящія къ ней изъ другой высшей области, именно *области духа*. Что же это за *духъ*? — Это та сила, которую вдохнулъ Богъ въ лице человѣка, завершая сотвореніе его. Всѣ роды существъ земныхъ изводила, по повелѣнію Божію, земля. Душа человѣческая,

хотя и сходна съ душею животныхъ въ низшей своей части, но въ высшей она несравненно превосходнѣе ея. Что она является такою въ человѣкѣ, — это зависитъ отъ сочетанія ея съ духомъ. Духъ, вдохнутый Богомъ, сочетавшись съ нею, столько возвысилъ ее надъ всякою не-человѣческою душею. Вотъ почему внутри себя мы замѣчаемъ, кромѣ того, что видится у животныхъ, — и то, что свойственно душѣ человѣка одухотворенной, а выше еще то, что свойственно собственно духу.

Духъ, какъ сила, отъ Бога исходящая, вѣдаетъ Бога, ищетъ Бога и въ немъ одномъ находитъ покой. Нѣкимъ духовнымъ сокровеннымъ чутьемъ удостовѣряясь въ своемъ исхожденіи отъ Бога, онъ чувствуетъ свою полную отъ Него зависимость и сознаетъ себя обязаннымъ всячески угождать Ему и жить только для Него, Имъ и съ Нимъ.

Болѣе осязательныя проявленія сихъ движеній жизни духа суть: 1) Страхъ Божій. Всѣ люди, на какихъ бы они степеняхъ развитія ни стояли, знаютъ, что есть Верховное Существо, Богъ, Который все сотворилъ, все содержитъ и всѣмъ управляетъ, что и они во всемъ отъ Него зависятъ, и Ему угождать должны, что Онъ есть Судія и Мздовоздатель всякому по дѣламъ его. Таковъ естественный символъ вѣры, въ духъ написанный. Исповѣдуя его, духъ благоговѣнствуетъ предъ Богомъ и исполненъ страха Божія. 2) Совѣсть. Сознавая себя обязаннымъ угождать Богу, духъ не зналъ бы, какъ удовлетворить сей обязанности, еслибы не руководила его въ семъ совѣсть. Сообщивъ духу частичку своего всевѣдѣнія въ указанномъ естественномъ символѣ вѣры, Богъ начерталъ въ немъ и требованія Своей святости, правды и благодати, поручивъ ему же самому наблюдать за исполненіемъ ихъ и судить себя въ исправности или неисправности. Сія сторона духа и есть совѣсть, которая указываетъ,

что право, и что неправо, что угодно Богу, и что не угодно, что должно, и что не должно дѣлать,—указавъ, властно понуждаетъ исполнить то, а потомъ за исполненіе награждаетъ утѣшеніемъ, а за неисполненіе наказываетъ угрызеніемъ. Совѣсть есть законодатель, блюститель закона, судія и воздатель. Она есть—естественныя скрижали завѣта Божія, простирающагося на всѣхъ людей. И видимъ у всѣхъ людей вмѣстѣ съ страхомъ Божіимъ и дѣйствія совѣсти. 3) Жажда Бога. Она выражается во всеобщемъ стремленіи ко всесовершенному благу, и яснѣе видна тоже во всеобщемъ неудовольствіи ничѣмъ тварнымъ. Что означаетъ это неудовольство?—То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не можетъ. Отъ Бога исшедши, Бога онъ ищетъ. Его вкусить желаетъ и въ живомъ съ Нимъ пребывающій союзъ и сочетаніи, въ Немъ упокоивается. Когда достигаетъ сего, покоенъ бываетъ, а пока не достигнетъ, покоя имѣть не можетъ. Сколько бы ни имѣлъ кто тварныхъ вещей и благъ, все ему мало. И всѣ, какъ и вы уже замѣчали, ищутъ и ищутъ. Ищутъ и находятъ; но, нашедши, бросаютъ, и снова начинаютъ искать, чтобы и то, нашедши, такъ же бросить. Такъ безъ конца. Это значить, что не того и не тамъ ищутъ, что и гдѣ искать слѣдуетъ. Не осязательно ли это показываетъ, что въ насъ есть сила, отъ земли и земнаго влекущая насъ горѣ—къ небесному!

Душа человѣческая дѣлаетъ насъ малымъ чѣмъ выше животныхъ, а духъ являетъ насъ малымъ чѣмъ умаленными отъ Ангеловъ. Духъ человѣка присущъ въ немъ, какъ живая сила, живыми и ощущаемыми движеніями свидѣтельствующая о своемъ присутствіи. Въ комъ нѣтъ движеній и дѣйствій духа, тотъ не стоитъ въ уровнѣ съ человѣческимъ достоинствомъ. Духъ, какъ существенная сила, самъ Бога созерцающая

яко Творца и Промыслителя, и душу манить въ ту невидимую и безпредѣльную область. Духъ, Бога вѣдущій, естественно постигаетъ красоту Божію, и ею единою ищетъ наслаждаться. Хотя не можетъ онъ опредѣленно указать, что есть сія красота, но, предначертаніе ея нося сокровенно въ себѣ, опредѣленно указываетъ то, что она не есть, выражая сіе показаніе тѣмъ, что не довольствуется ничѣмъ тварнымъ. Красоту Божію созерцать, вкушать и ею наслаждаться есть потребность духа, есть его жизнь и жизнь райская.

Духовныя потребности выше всѣхъ, и когда онѣ удовлетворяются, то, другія хотъ и не будутъ удовлетворяемы, покой бываетъ, а когда онѣ не удовлетворяются, то, будь всѣ другія удовлетворяемы богато, покоя не бываетъ. Почему удовлетвореніе ихъ и называется *единымъ на потребу*.

Когда удовлетворяются духовныя потребности, то онѣ научаютъ человѣка поставять въ согласіе съ ними удовлетвореніе и прочихъ потребностей, такъ что ни то, чѣмъ удовлетворяется душа, ни то, чѣмъ удовлетворяется тѣло, не противорѣчитъ духовной жизни, а ей воспособствуетъ, — и въ человѣкѣ водворяется полная гармонія всѣхъ движеній и обнаруженій его жизни, — гармонія мыслей, чувствъ, желаній, предпріятій, отношеній, наслажденій. И се — рай! Напротивъ, когда духъ не удовлетворяется и сіе единое на потребу забыто, тогда всѣ другія потребности разбѣгаются въ разныя стороны и каждая требуетъ своего и какъ ихъ куча, то голоса ихъ, какъ шумъ на базарѣ, оглушаютъ бѣднаго человѣка, и онъ мечется то туда, то сюда, какъ угорѣлый, за удовлетвореніями ихъ. Но покоя никогда не имѣетъ, потому что когда одна удовлетворяется, другія не довольствуются тѣмъ, и, не считая себя чѣмъ-либо ниже той, которая удовлетворена,

настойчиво требуютъ своего, какъ у матери, когда она накормитъ одного ребенка, другіе пять кричатъ. Отъ того внутри у такого шумъ, гамъ, разволока во всѣ стороны и во всемъ беспорядочность. Такой ничѣмъ недоволенъ, всегда въ тугѣ, то, утомившись, стоитъ выпуча глаза и недоумѣвая, что бы начать, то кружится и кружится. И се есть суета и крушеніе духа!

Вотъ откуда и рождается вопросъ: то какъ же быть-то? Какъ сдѣлать, чтобы духовная сторона была въ насъ преобладающею и, заправляя всѣмъ, вносила строй въ жизнь нашу?

Вопросу сему не было бы мѣста, еслибъ жизнь, свойственная намъ, развивалась, какъ слѣдуетъ. Ибо и тѣлесныя съ душевными потребностями такъ же естественны намъ, какъ и духовныя, и удовлетвореніе имъ само по себѣ не можетъ вносить беспорядка и смятенія въ жизнь, какъ и удовлетвореніе духовнымъ. Развивайся они всѣ въ строй и естественномъ взаимоподчиненіи,—и жизнь человѣческая текла бы прелесть какъ хорошо. Посадите сѣмячко, поливайте, держите въ должной теплотѣ, оно дастъ ростокъ, стволъ, листъ и наконецъ цвѣтъ — прелестный. Такъ было бы и съ человѣкомъ. Раскрывайся онъ въ естественномъ чинѣ,—будетъ всегда выходить прекрасный человѣкъ. Отчего же это мы ни себя, ни другихъ не видимъ прекрасными? Отчего жизнь наша покривляется?

Богъ создалъ человѣка для блаженства и именно въ Немъ, чрезъ живое съ Нимъ общеніе. Таково и было первоначальное состояніе человѣка. Богъ являлся прародителямъ и научалъ ихъ Его Единого знать, Ему Единому служить, въ волѣ Его Единого ходить. Чтобы они не запутались въ соображеніяхъ, какъ все это выполнить, Онъ далъ имъ небольшую заповѣдь — не вкушать плодовъ отъ одного дерева, названнаго Имъ

древомъ познанія добра и зла. Такъ и начали жить наши прародители и блаженствовали въ раю.

Такому ихъ блаженству позавидѣлъ падшій прежде но гордости духъ и сбиль ихъ съ пути, соблазнивъ ихъ преступить данную имъ небольшую заповѣдь тѣмъ, что обольстительно представилъ, будто со вкушеніемъ отъ запрещеннаго плода они вкусятъ такого блага, котораго безъ того и вообразить не могутъ,—станутъ какъ Боги. Они повѣрили и—вкусил. Дѣло вкушенія, можетъ быть, и не велико, но худо, что повѣрили, не зная кому. Можетъ быть, и это не такъ было бы важно, еслибъ не тѣ страшно-преступныя мысли и чувства къ Богу, какія, какъ ядъ, влилъ въ нихъ злой духъ. Онъ наговорилъ имъ, что Богъ запретилъ имъ вкушать отъ древа затѣмъ, чтобъ и они не сдѣлались богами, и они этому повѣрили. Но повѣривъ такъ, они не могли не принять хульныхъ о Богѣ помышленій, будто Онъ завидуетъ имъ и неблагожелательно къ нимъ относится, а принявъ такія помышленія, не могли миновать и нѣкоторыхъ недобрыхъ къ Нему чувствъ и своевольныхъ рѣшеній: такъ мы же сами возьмемъ то, до чего Ты не хочешь допустить насъ. Такъ вотъ Онъ какой,—засѣло у нихъ въ сердцахъ о Богѣ, а мы думали, что Онъ такой благой. Ну,—такъ мы сами себя устроимъ наперекоръ Ему.—Вотъ эти-то мысли и чувства были страшно преступны! Они — и означаютъ явное отступленіе отъ Бога и враждебное возстаніе противъ Него. У нихъ внутри то же произошло, что приписывается злему духу: выше облакъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему,—и это не какъ летучая мысль, а какъ враждебное рѣшеніе.

Такъ сознаніе зазналось и свобода возсвоевольничала, принявъ на себя устроеніе своей участи. Отпа-

деніе отъ Бога совершилось полное съ отвращеніемъ нѣкимъ и враждебнымъ возстаніемъ противъ. За это и Богъ отступилъ отъ такихъ преступниковъ,—и живой союзъ прерванъ. Богъ вездѣ и все содержитъ, но внутрь свободныхъ тварей входитъ, когда они Ему себя предають. Когда же въ себѣ самихъ заключаются, тогда Онъ не нарушаетъ ихъ самовластія, но, храня ихъ и держа, внутрь не входитъ. Тамъ и прародители наши оставлены одни. Еслибъ покались поскорѣе, можетъ быть, Богъ возвратился бы къ нимъ, но они упорствовали и при явныхъ обличеніяхъ ни Адамъ, ни Ева не сознались, что виноваты. Послѣдовалъ судъ и наказаніе изгнаніемъ изъ рая. Тутъ опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказаніе, а за ними и всему роду нашему. Благодареніе всемилостивому Богу, что Онъ хоть отступилъ отъ насъ, но не бросилъ, устроивъ предивный способъ къ воссоединенію насъ съ Собою.

Духъ былъ властенъ надъ душою и тѣломъ, потому что состоялъ въ живомъ общеніи съ Богомъ и отъ Него получалъ Божескую силу. Когда пресѣлось живое общеніе съ Богомъ, то пресѣлся притокъ и божеской силы. Духъ, себѣ оставленный, не могъ уже быть властителемъ души и тѣла, но былъ увлеченъ и самъ завладѣнъ ими. Надъ человекомъ возобладала душевность, а черезъ душевность—тѣлесность, и сталъ онъ душевенъ и плотянь. Духъ хоть тутъ же, но безъ власти. Онъ заявляетъ свое существованіе то страхомъ Божиимъ, то тревогами совѣсти, то недовольствомъ ничѣмъ тварнымъ; но его предъявленій не берутъ во вниманіе, а принимаютъ только къ свѣдѣнію, всю заботу обращая на устроеніе своего быта здѣшняго, къ чему и назначена душа,—и быта, болѣе веществен-

наго, потому что здѣшняя жизнь посредствуется тѣломъ и что все тѣлесное осязательнѣе и кажется нужнѣе.

Когда произошло такое низверженіе порядка въ соотношеніяхъ частей естества нашего, человѣкъ не могъ уже видѣть вещи въ настоящемъ видѣ, не могъ держать въ должномъ порядкѣ свои потребности, желанія и чувства. Они пришли въ смятеніе, и безпорядочность стала характеристическою ихъ чертою.

Но это недоброе состояніе было бы еще сносно, еслибъ не страсти, а то страсти превзошли и тираниять человѣка. Смотрите, какъ разсерчавшаго бьетъ гнѣвъ, какъ лихорадка? Какъ завистливаго источила зависть, что посинѣлъ бѣдный? Какъ опечаленнаго изеушила скорбь, что онъ—кости и кожа.—Таковы и всѣ страсти! Вошли же онѣ вмѣстѣ съ самостію. Какъ только произнеслось внутри праотца: *такъ—я самъ...*, такъ самость виѣдрилась въ него—сей ядъ и сіе сѣмя сатанинское. Изъ нея потомъ развилось все полчище страстей: гордость, зависть, ненависть, скорбь, уныніе, любоиманіе и чувственность, — со всѣми ихъ многочисленными и многообразными порожденіями. Расплодившись внутри, они еще болѣе возмущаютъ и безъ нихъ уже смятенное тамъ состояніе.

Такъ вотъ въ чемъ болѣзнь. Духъ зазнался и засвоевольничалъ. За это потерялъ власть и подпалъ подъ владычество души и тѣла и всего виѣшняго. Отсюда смятеніе душевно-тѣлесныхъ потребностей и желаній, — и особенно ихъ безмѣрность. Эту безмѣрность сообщаетъ имъ отъ себя духъ, ими поработенный. Сами по себѣ эти потребности мѣрны и небурливы. То, что онѣ мѣры не имѣютъ и бурлятъ; это отъ того, что духъ бушуетъ въ нихъ: ибо у него по природѣ энергія безгранична. Отсюда обжорство, пьян-

ство, копленіе денегъ... и прочее многое, чему мѣры не думаетъ давать человѣкъ...

Происходя отъ общихъ прародителей, мы всё рождаемся съ зачатками зла, которые, раскрываясь вмѣстѣ съ раскрытіемъ нашихъ силъ и потребностей, вносятъ въ нихъ смятеніе и полное разстройство.

Но осталась надежда на возстановленіе. Разстройство прирождено намъ, но не природно. Придя въ разстройство, наша природа въ существѣ своемъ не измѣнилась послѣ грѣхопаденія: она только болѣетъ и страдаетъ отъ разрушенной грѣхомъ гармоніи силъ и способностей человѣка.

Естество наше въ чистомъ видѣ достолюбезно. Сами Ангелы взираютъ на него съ любовію и удивленіемъ, когда оно является таковымъ. Намъ ли не желать увидѣть его таковымъ и при томъ не внѣ—въ другихъ, а въ себѣ самихъ? Да вѣдь и все наше счастье и благобытіе въ томъ состоитъ, чтобъ избавиться отъ сей болѣзни. Ибо, когда ея не будетъ, что помѣшаетъ намъ быть въ блаженномъ состояніи и чувствовать себя таковыми? Напротивъ, если эта болѣзнь природна, то ее ужъ не уврачуешь. Такъ и останется она навсегда, сколько ни трудись надъ изгнаніемъ ея. Посему еще повторяю: держите убѣжденіе, что неприродна намъ безпорядочность наша, и не слушайте тѣхъ, которые говорятъ: что тутъ толковать, такъ ужъ мы сотворены, ничего съ собою не подѣлаешь. Не такъ мы сотворены и если возьмемся за себя, какъ слѣдуетъ, то что-нибудь и сдѣлаемъ съ собою.

Такъ что же нужно для того, чтобъ все въ насъ поставить въ прежній—первоначальный чинъ?

Какъ скатились мы подъ гору, обратно тому надо и восходить опять на гору. Какъ зашла болѣзнь, противо-

положено тому дѣйствию, можно изгнать ее. Отпали отъ Бога, надо воссоединиться съ Нимъ. Отпали, усомнившись въ словѣ Бога, надо возставить полную вѣру сему слову. Потерявъ вѣру Богу и въ Бога, приняли мы пагубное рѣшеніе: *такъ я самъ*, надо уничтожить это—*я самъ*. Когда образовалось это пагубное—*я самъ*, духъ нашъ потерялъ свойственную ему силу властвовать надъ душою и тѣломъ, и напротивъ самъ подпалъ подъ иго рабства имъ; надо возстановить сію власть духа. Когда власть духа пресѣклась, потребности души и тѣла разбрелись въ разныя стороны и въ желаніяхъ нашихъ произошло смятеніе; надо всѣ эти потребности опять привести къ единству и установить въ ихъ чинѣ взаимоподчиненіе. Вмѣстѣ съ пагубнымъ *я самъ* втѣснилась въ кругъ жизни нашей стая страстей, подобно дикимъ звѣрямъ, терзающихъ насъ; надо изгнать сіи страсти.

Видите, сколько надо. Посему нельзя надѣяться самимъ уладить это главнѣйшее наше дѣло, потому что первый пунктъ въ немъ, не установивъ котораго за другіе и братья нечего, именно—воссоединеніе съ Богомъ—никакъ не можетъ состоять въ нашей власти. Мы можемъ желать его и искать; но устроить его—дѣло не нашихъ рукъ. Кто можетъ втѣсниться въ область Божію, или самъ проложить дорогу къ нему? Кто силенъ взять у Бога, что желаетъ, тѣмъ паче понудить Бога быть въ насъ, чтобы и мы были въ Немъ, и особенно послѣ того, какъ все это было уже дано намъ, но презрѣно, и лице Божіе умалено недовѣріемъ и власть Его поправа самоволіемъ? Говоришь: покаюсь, и каюсь. Но не твое дѣло поставлять условія. Можетъ и покаяніе идти въ дѣло; но когда Самъ Богъ его постановитъ и согласится принимать. А само по себѣ что оно?! Ушибся и больно: что тутъ?!

Такъ воссоединеніе не въ нашей власти. Между тѣмъ вотъ какъ оно важно,—что, совершись воссоединеніе, все прочее поидетъ уже само собою. Тотчасъ возьметъ силу духъ, подчинитъ себѣ душу и тѣло, упорядочитъ потребности и желанія и выгонитъ страсти. Но ему-то самому какъ состояться? Рѣчь эту я веду къ тому, чтобъ дать вамъ разумѣть, что нечего намъ ломать своей головы надъ тѣмъ, какъ воссоединиться съ Богомъ. Сколько ни ломай, ничего не придумаешь; а скорѣе, если Богу угодно было установить законъ и порядокъ сего воссоединенія, поспѣши пріять его полною вѣрою и воспользоваться имъ съ теплою благодарностію. И благодареніе человѣколюбивому Богу! Все уже для того совершенно, установлено и растолковано. Принимай и пользуйся.

Не буду излагать вамъ, какъ все сіе совершенно; скажу главное. Для возстановленія духа нашего и воссоединенія его съ Богомъ необходимо, чтобы духъ Божій нисходилъ въ него и оживлялъ его. Чтобы открыть путь нисхожденію Духа Божія, Сынъ Божій воплотился, пострадалъ плотію, умеръ на крестѣ, воскресъ, вознесся на небеса и послалъ отъ Отца Духа Святаго, Который, пріемлемъ бывая вѣрующими въ Сына, исполняетъ въ нихъ то, о чемъ молился сей Сынъ: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ во Тебѣ, да и ти въ Нисъ едино будутъ* (Іоанн. 17, 21).

Какъ же Онъ совершаетъ сіе? Сочетаваясь съ духомъ тѣхъ, кои вѣрують въ Сына Божія, и, оживляя его, воссоединяетъ его съ Богомъ. Сіе именуется новымъ рожденіемъ отъ Бога, которое вѣрующихъ дѣлаетъ чадами Божіими по благодати, какъ говоритъ св. Іоаннъ Евангелистъ: *едины пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти вѣрующимъ во Имя Его: иже не отъ крови,... но отъ Бога родишася* (Іоан. 1, 13).

И стало закономъ духовной жизни о Христѣ Іисусѣ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе, ибо только рожденное отъ Духа духъ есть* (Іоан. 3, 5, 6).

Производство Богообщенія совершается благодатію Святаго Духа. Онъ изготавляетъ въ насъ обитель, и вмѣстѣ съ Богомъ-Отцемъ и Богомъ-Сыномъ вселяется въ насъ. Какъ же изготавляется сія обитель?

Духъ Божій совершенно дѣйствуетъ на духъ нашъ и приводитъ его въ движеніе, отчего является въ насъ чувство зависимости нашей отъ Бога и сознаніе нашей предъ Нимъ грѣховности, что и поставляетъ человека въ безвыходное положеніе: камо пойду? камо бѣгу? Но бѣжать некуда: пойманъ и въ рукахъ Бога—Судіи и Воздаятеля. *Чувствуется гнѣвъ Божій съ небесе на всякую неправду* (Римл. 1, 18).

Безъ Евангелія такое пробужденіе духа нашего было бы пагубно, ибо неизбѣжно ввергало бы въ отчаяніе. Но благодать Божія такъ устрояетъ, что истинное пробужденіе духа и совершается и сопутствуется Евангеліемъ. Тому, у кого внутри образовалось, вслѣдствіе пробужденія духа,—камо пойду, камо бѣгу,—Евангеліе возвѣщаетъ: куда и зачѣмъ бѣжать? Иди подъ сѣнь креста и спасешься. Сынъ Божій, воплотившись, умеръ на крестѣ въ очищеніе грѣховъ нашихъ. Вѣруй въ сіе и получишь отпущеніе грѣховъ, и милость Божію срѣтишь. Апостолы всегда такъ и дѣлали, проповѣдуя Евангеліе. Растроужать, а потомъ говорить: вѣруй въ распятаго Господа и спасенъ будешь.

Не все совершаетъ одинъ Духъ Божій. Требуется нѣчто и отъ насъ, и это нѣчто—немаловажно. Духъ Божій возбуждаетъ благовѣстіе, указываетъ, за что взяться. Сіе отъ Бога. Но сдѣлавъ сіе, Богъ останавливается, и ждетъ нашего произволенія. Первыми дѣй-

ствіями своими Богъ какъ бы спрашиваетъ: хочешь выйти изъ бѣды? Вотъ что сдѣлай. Моментъ сей самый важный. Склонился кто на указаніе, — открываетъ входъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ благодати, которая и вводитъ его потомъ въ область спасенныхъ. Не склонился, — пресѣкаетъ дальнѣйшія дѣйствія благодати, и остается въ средѣ погибающихъ. Богъ никого не неволить спастися, а предлагаетъ на выборъ, и только того, кто изберетъ спасеніе, спасаетъ. Еслибъ не требовалось наше произволеніе, Богъ всѣхъ въ одно мгновеніе сдѣлалъ бы спасенными: ибо всѣмъ хочется спастися. Но тогда и совсѣмъ не было бы погибающихъ. А произволеніе наше не всегда разумно бываетъ, упорничаетъ и Самому Богу не внимаетъ. Вотъ и гибнетъ.

Богъ далъ человѣку свободу, и не хочетъ противъ воли входить въ него и дѣйствовать въ немъ. Захочетъ человѣкъ самъ себя предать дѣйствию Божію — самоохотно, тогда и Богъ благодатию Своею начинаетъ дѣйствовать въ немъ. Таковъ уже законъ, что человѣку надо самому восхотѣть и взыскать, — и тогда благодать ужъ не броситъ его, лишь бы только самъ онъ пребылъ вѣренъ ей.

Припомните притчу Спасителя о сокровищѣ, сокрытомъ на полѣ, и о человѣкѣ, ищущемъ драгоценныхъ бисеровъ (Матѣ. 13. 44—46). Одинъ увидѣлъ въ полѣ десятину, на коей зарыто сокровище; пошелъ, все свое продалъ и купилъ десятину ту. Конечно, онъ вырылъ потомъ сокровище и разбогатѣлъ, хоть объ этомъ не помянуто. Это поле или десятина есть душа наша; сокровище, сокрытое въ ней, есть благодать, чрезъ святое крещеніе въ нее вложенная. Что увидѣлъ сокровище человѣкъ притчи, этимъ означаетъ моментъ, когда сознаетъ христіанинъ, что въ немъ сокрыта такая драгоценность, на съ чѣмъ несравнимая — бла-

годать св. Духа. Продалъ все,—это значитъ, всёмъ пожертвовалъ, что имѣлъ, что дорого было для него, чтобы только достать то сокровище—возбудить и привести въ явь сокрытую въ немъ благодать.

Другой купецъ былъ, торговавшій драгоценными камнями. Узналъ онъ, что гдѣ-то есть алмазь, которому равнаго ничего нѣтъ, но которому цѣны въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, не знали (это я отъ себя дополняю). Желая его приобрести, и этотъ тоже все свое продалъ и купилъ его. И, конечно, разбогатѣлъ.—И этотъ драгоценный бисеръ есть образъ благодати Божіей, въ насъ сокрытой и невѣдомой намъ, пока не сознаемъ того. Кто сознаетъ, тотъ вмѣстѣ убѣждается, что ничего нѣтъ драгоценнѣе ея. Потому съ полнымъ самоотверженіемъ все бросаетъ и устремляется на возгрѣніе и воспламененіе въ себѣ благодати.

Изъ этихъ притчей вы видите, что именно ожидается отъ насъ. Ожидается, чтобы мы 1) *сознали присутствіе въ себѣ дара благодати*; 2) *уразумѣли драгоценность ея* для насъ столь великую, что она дороже жизни, такъ что безъ нея и жизнь не жизнь; 3) *возжелали всёмъ желаніемъ усвоить себѣ сію благодать*, а себя присвоить ей, или — что то же — проникнуться ею во всемъ своемъ естествѣ, просвѣтиться и освятиться; 4) *рѣшились самымъ дѣломъ достигнуть сего*; и затѣмъ 5) *привели сію рѣшимость въ исполненіе*, оставя все, или отрѣшивъ сердце свое отъ всего и предавъ его все вседѣйствію Божіей благодати. Когда совершатся въ насъ сіи пять актовъ, тогда полагается начало внутреннему перерожденію нашему, послѣ котораго, если неослабно будемъ продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ, внутреннее перерожденіе и озареніе будетъ возрастать,—быстро или медленно, судя по нашему труду, а главное, по самозабвенію и самоотверженію.

Въ изложенныхъ основахъ христіанской нравственности—включъ къ разрѣшенію всѣхъ загадокъ и противорѣчій нашей жизни, онѣ даютъ стройное и всеобъемлющее міросозерцаніе. Онѣ должны лечь въ основу всѣхъ убѣжденій и взглядовъ православнаго христіанина, а это дѣло неизмѣримой важности.

Богъ въ душѣ человѣка.

Какъ отпечатлѣлся образъ Божій въ умѣ человѣка? Господь Богъ есть высочайшій Умъ. И человѣку Онъ далъ такой умъ, который имѣетъ способность необычайно быстро развиваться и наполняться познаніями; мы видимъ, что отроки и юноши въ продолженіе семи или восьми лѣтъ усваиваютъ себѣ въ главныхъ чертахъ познанія о всемъ существующемъ въ мірѣ, познанія, которыя пріобрѣтались многими поколѣніями въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій, но умъ человѣка, развиваясь и усовершеншаясь, чѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ познаній, тѣмъ болѣе видитъ, что эти познанія еще несовершенны и неполны, и, идя впередъ и впередъ, не видитъ предѣла въ достиженіи полноты вѣдѣнія. Человѣкъ стремится познать все, ибо познанія суть пища для его ума; онъ не довольствуется познаніями о земныхъ предметахъ, потребныхъ для тѣлесной жизни его, онъ придумываетъ и устраиваетъ разныя многосложныя орудія, чтобы проникнуть въ тайны отдаленнаго звѣзднаго міра; видя зависимость предметовъ однихъ отъ другихъ, восходя отъ причинъ къ причинамъ ихъ, онъ стремится познать перваго Виновника всего сущаго, и это стремленіе вложено въ самое существо его духа.

Душа человѣческая не только мыслить, желаетъ и чувствуетъ, но и еще, какъ въ зеркалѣ, видитъ свои мысли, желанія и чувствованія. Это есть самосознаніе человѣка. Хотя человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, и хотя весьма многообразны и разнородны дѣйствія тѣла и души, но всѣ они отражаются въ единомъ сознаніи его, и всѣ эти дѣйствія человѣкъ относитъ къ себѣ одному. Потому онъ, сознавая единое начало въ себѣ, а также видя въ мірѣ гармонію, порядокъ и общія силы и законы, признаетъ единого Виновника и Управителя вселенной.

Человѣкъ видитъ, что владычествующее въ немъ есть умъ. Черезъ умъ онъ не только познаетъ себя и окружающій его міръ, но и управляетъ собою и своимъ тѣломъ, которое есть только орудіе души, чрезъ умъ управляетъ и предметами видимаго міра и царствуетъ надъ одушевленными тварями, онъ не ступитъ шагу безъ цѣли, безъ ума, потому и Бога представляетъ не иначе, какъ высочайшимъ Умомъ, все создавшимъ съ мудрыми цѣлями, и въ самомъ дѣлѣ постигаетъ многія цѣли и намѣренія Творца въ Его созданіяхъ.

Господь сдѣлалъ все, чтобы человѣкъ призналъ Его бытіе и позналъ Его; Онъ даровалъ человѣку высокій умъ, но въ то же время, призвавши его изъ небытія къ бытію, заключилъ духъ его въ маломъ тѣлѣ, зависящемъ отъ окружающаго міра, поставилъ его среди громадной вселенной, поражающей его величіемъ и мудростію своего устройства. Впрочемъ, для того, чтобы имѣть увѣренность въ бытіи высочайшаго существа — премудраго Творца міра, не требуется очень многого знанія. Богъ устроилъ такъ, что хотя бы люди имѣли далеко не полныя познанія, доступныя и необразованнымъ людямъ, могутъ пробудить положенную Самимъ Творцемъ въ глубинѣ души ихъ

мысль о Немъ, какъ всесовершенномъ, высочайшемъ Существѣ; человекъ изначала издали видитъ то высочайшее Существо, къ Которому онъ долженъ стремиться и приближаться и умомъ, и волею, и сердцемъ.

Какъ открывается образъ Божій въ волѣ человека?

Богъ есть Существо всесвободное, но любящее и творящее одно добро. Онъ есть существо всесвятное. И человеку дана такая свобода, что онъ до нѣкоторой степени можетъ противиться даже волѣ Божіей. Но такъ какъ блаженство человека зависитъ отъ свободного уподобленія Господу Богу въ добрыхъ дѣлахъ, то Богъ далъ человеку внутренняго законодателя; этотъ законодатель есть нравственное чувство, или совѣсть. Совѣсть дѣлаетъ три дѣла: во-первыхъ, законодательствуетъ или показываетъ, что человеку должно дѣлать и чего не дѣлать; какъ умъ показываетъ ему, что истинно и что ложно, такъ совѣсть показываетъ ему, что доброе и что злое. Совѣсть въ отношеніи къ Богу заповѣдуетъ любовь и благоговѣйное почитаніе; въ отношеніи къ ближнему заповѣдуетъ не дѣлать имъ того, чего себѣ не желаешь; во-вторыхъ, совѣсть судить дѣла человека, которыя онъ сотворилъ, и въ-третьихъ, награждаетъ его одобреніемъ и спокойствіемъ за добрыя дѣла и наказываетъ угрызеніемъ и мученіемъ за худыя дѣла. Очевидно, что все это свойственно главнымъ образомъ и прежде всего Господу Богу.

Какъ умъ человека представляетъ Бога высочайшимъ Умомъ, такъ совѣсть, это дивное отображеніе Божества въ человекѣ, говоритъ о Богѣ, какъ о всесвятѣмъ и правосудномъ Существѣ. Въ видимомъ мірѣ Богъ является только мудрымъ Законодателемъ, а не Судіею и Мздовоздавателемъ, ибо законы Его исполня-

ются неодушевленной природою и животными не свободно, но поуклопно и неизмѣнно, а въ свободномъ человѣкѣ Богъ въ первый разъ на землѣ, именно въ совѣсти его, является Существомъ всесвятымъ, Судіею правосуднымъ и Мздовоздаятелемъ. Судъ совѣсти въ человѣкѣ нельзя ничѣмъ объяснить, какъ только тѣмъ, что дѣйствительно есть Богъ, Судія и Мздовоздаятель, глубоко вложившій въ душу человѣка чувство совѣсти для постояннаго напоминанія ему о имѣющемъ быть дѣйствительномъ судѣ Божиѣмъ надъ людьми. Какъ велико и неотразимо дѣйствіе совѣсти, это видно изъ того, что самые ожесточенные преступники нерѣдко при малыхъ уликахъ и даже добровольно, по одному побужденію совѣсти, открываютъ людямъ свои тяжкія преступленія. Сила совѣсти видится и въ томъ, что у всѣхъ народовъ есть понятіе о добрѣ и злѣ, и эти понятія сравнительно болѣе чисты и согласны между собою, нежели умственные представленія о самомъ Божествѣ, которыя у многихъ весьма искажены. На исполненіи законовъ нравственныхъ, которые основываются на истинѣ бытія правосуднаго Бога, утверждается спокойствіе добродѣтельныхъ, благосостояніе семействъ и обществъ человѣческихъ, и не можетъ быть, чтобы благо народовъ основано было на лжи, какъ думаютъ невѣрующіе въ Бога.

Исполненіе закона требуетъ великой внутренней борьбы, часто бываетъ сопряжено съ внѣшними скорбями. И кто могъ бы наложить на народы иго нравственныхъ обязанностей, если бы опѣ не положены были Богомъ въ самомъ существѣ души, и если бы въ ней не была укоренена мысль о Богѣ, Судіи и Мздовоздаятелѣ? Чтобы побѣдить стремленія своей низшей, влекущей ко грѣху, природы, человѣкъ употребляетъ великія усилія. Въ немъ происходитъ подоб-

ное тому, что бываетъ въ растеніи. Сѣмя, зарытое въ землю, облегается ею, кромѣ того оно влечется внизъ силою земного притяженія, но оно внутреннею своею силою старается пробиться наружу, вверхъ, обходить поэтому разныя препятствія на пути и, если выбивается на свѣтъ, тогда начинается для него истинная жизнь, въ противномъ случаѣ угрожаетъ ему смерть. Такъ и человѣкъ вложенною въ него духовною внутреннею силою старается побѣдить въ себѣ стремленіе низшей природы, влекущей его къ землѣ, и устремляется къ небу, ибо тамъ для него истинная жизнь.

Теперь обратимся къ третьей главной силѣ души, къ сердцу. Сердцемъ любимъ или не любимъ, ощущаемъ прекрасное, пріятное и непріятное. Богъ есть Любовь, есть высшая духовная красота. Богъ есть существо вседовольное и всеблаженное. Любовь Божія есть причина созданія разумныхъ существъ для вѣчнаго блаженства, и это блаженство можетъ быть достигнуто тварями не иначе, какъ чрезъ любовь къ Богу. Любовь человѣка къ Богу есть главное всеоживляющее начало во всѣхъ отправленіяхъ духовной жизни, по великому вліянію сердца на умъ и на волю человѣка. Любовь въ сердцѣ человѣка начинается отъ познаній ума о Богѣ, но, когда сердце полюбитъ Бога и будетъ стремиться къ нему, тогда въ человѣкѣ болѣе и болѣе умножается и утверждается вѣдѣніе о Богѣ. Кто кого любитъ, тотъ о томъ постоянно и помышляетъ. Любовь къ Богу и Богомысліе нераздѣльны между собою. Только истинная любовь къ Богу чистаго сердца способна постигнуть *глубины Божіи* (Кор. 2, 10), насколько это возможно созданному существу. Самъ Спаситель сказалъ: *блаженни чистиі сердцемъ, яко тии Бога узрятъ* (Матѣ. 5, 8). И св. апост. Павелъ напи-

саль: кто думаетъ, что онъ знаетъ что-нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ, какъ должно знать. Но кто любитъ Бога, тому дано знать отъ Него (Кор. 8, 2 - 3).

Сердце, любящее Бога, укрѣпляетъ и волю человека и утѣшаетъ его на тяжкомъ пути исполненія нравственнаго долга, побуждаетъ его оказывать добро и ближнимъ и самимъ врагамъ; только любовь способна на удивительные подвиги самоотверженія.

Но человекъ поврежденъ грѣхомъ, и первый грѣхъ главнымъ образомъ произошелъ отъ сердца, прельстившагося красивыми плодами райскаго дерева и возжелавшаго восхитить Божескія совершенства. И теперь главный корень грѣха въ сердцѣ. Спаситель сказалъ: *отъ сердца исходятъ помысленія злая, убійства, прелюбодѣнія, любодѣнія, татбы, лжесвидѣтельства, хулы* (Матѣ. 15, 19). Оно ищетъ только удовольствій, не различая удовольствій дозволенныхъ отъ недозволенныхъ, не различая и средствъ къ удовлетворенію жажды наслажденія. Оно главнымъ образомъ есть источникъ и тягчайшаго изъ грѣховъ—безбожія. Тяжела и горька сердцу, оскверненному грѣхами, мысль о Богѣ, Судіи и Мздовоздаятелѣ; ему хотѣлось бы осуждать другихъ. Поврежденное сердце не пойдетъ туда, гдѣ говорятъ о Богѣ. Оно не любитъ Бога, а боится Его, Оно старается помрачить и затмить очи ума, ясно видящаго Бога, усиливается заглушить голосъ совѣсти, громко говорящей о Богѣ, и нерѣдко въ томъ успѣваетъ и доводитъ человека до безумія, какъ сказалъ еще святой царь Давидъ: *рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога* (Псал. 13, 1). Господь долго терпитъ, ибо настоящая жизнь есть время воспитанія и испытанія. Онъ даже желаетъ обратить къ себѣ невѣрующее сердце благодѣяніями, но оно еще болѣе за-

бывается. Наконецъ, Господь начинаетъ лѣчить жадное до удовольствій сердце горькими лѣкарствами; ударить Онъ по сердцу нечестиваго не разъ и не два скорбями и бѣдами, и отчасти справедливо говорится: одна бѣда не ходитъ; это значить, что отъ одного удара ожестѣвшее сердце не смягчается. Пораженное сердце начинаетъ озираться: въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ-ли надъ нимъ высшаго Существа; обращается къ уму, а умъ уже давно готовъ говорить о Богѣ; въ умѣ часто бываютъ мысли и познанія противоположныя, то-есть и за извѣстный предметъ и противъ него, такъ бываетъ и въ отношеніи къ Бытію Божію; но мысли, говорящія противъ бытія Божія, сами по себѣ слабыя, прежде нравились сердцу, и оно ихъ одобряло, охотно слагало вмѣстѣ, склоняло умъ ставить ихъ на первомъ планѣ и дѣйствовало такъ незамѣтно и хитро, что уму казалось, будто онъ самъ дошелъ до убѣжденія въ небытіи Божіемъ. Такъ бываетъ нерѣдко между людьми: человѣкъ полагаетъ, что онъ дѣйствуетъ по своему уму, по своему убѣжденію, а между тѣмъ, умъ его въ извѣстномъ дѣлѣ направленъ былъ коварно и хитро издали другими. Итакъ, когда поражаемое бѣдами сердце захочетъ узнать отъ ума самую истину о бытіи Божіемъ, тогда въ умѣ выступятъ тѣ мысли и познанія, которыя говорятъ о Богѣ и которыя доселѣ были въ тѣни, и такъ какъ онѣ несравненно сильнѣе, то умъ и сердце узрятъ Бога, да и совѣсть загворитъ сердцу: всѣ эти бѣды тебѣ за то, что ты забыло Бога, и грѣшило противъ Него, и вотъ невѣровавшій человѣкъ, не приобрѣтая новыхъ познаній въ наукахъ, не переучиваясь, дѣлается инымъ, вѣрующимъ въ Бога.

Конечно, не всякое сердце вразумляется и бѣдствіями, но на многихъ онѣ дѣйствуютъ благотворно; объ этомъ говорятъ опыты не только со многими лицами, но и цѣлыми племенами и народами. Итакъ, по слову премудраго Соломона, который ни въ чемъ не отказывалъ своему сердцу и чрезъ то причинилъ много бѣдъ своему царству, *будемъ больше всего хранимаго хранить наше сердце, ибо изъ него источникъ жизни* (Притч. 4, 23). Да не потекутъ изъ него для насъ источники смерти. Если мы будемъ подчинять его желанія голосу ума и совѣсти и возгрѣвать въ немъ пламень любви къ Богу, то Богъ будетъ съ нами и въ насъ.

Чрезъ разсмотрѣніе и изслѣдованіе предметовъ видимой природы и силъ духа человѣческаго мы не только убѣждаемся въ бытіи Божіемъ, но и познаемъ свойства Божественнаго естества. Общія законы тяготѣнія, свѣта и теплоты, дѣйствующіе во всемъ мірѣ, гармонія и порядокъ во вселенной говорятъ о единствѣ Творца и Промыслителя вселенной. Неисчислимое множество свѣтилъ небесныхъ, громадностію и отдаленностію отъ насъ поражающихъ умы естествоиспытателей, свидѣтельствуютъ о всемогуществѣ Создателя міровъ. Мудрое устройство предметовъ видимаго міра, наконецъ, высокій разумъ, данный человеку, громко говорятъ о высочайшемъ, премудромъ и всевѣдущемъ умѣ Виновника существъ. Всюду распространенная жизнь на землѣ и въ землѣ, и въ воздухѣ, и въ водахъ, и въ малыхъ капляхъ воды ясно свидѣтельствуютъ о благодати Творца. Свобода и совѣсть человека увѣряютъ въ томъ, что Господь Богъ есть Существо всесвободное, всесвятое и правосудное. Сердце говоритъ о Немъ, какъ о всесовершенной любви, какъ о Существомъ всеблаженномъ и вседовольномъ.

Возблагодаримъ Господа за то, что Онъ сотворилъ насъ по образу Своему, даровалъ намъ силы къ познанію Его, содѣлалъ царями и іереями природы, чтобы мы отъ себя и отъ всѣхъ тварей неразумныхъ возносили Ему молитвы, хвалы и славословія, и, уподобляясь Ему добрыми дѣлами, достигали вѣчной славы на небесахъ (См. „Бесѣды объ основн. истин. св. прав. вѣры“, Сергія архіеп. владим.).

О безсмертіи души и о томъ, что мы грѣшимъ не по нуждѣ, а по произволѣнію.

Св. Кирилла, архіеп. Іерусалимскаго.

Приобрѣти вѣдѣніе о святой вѣрѣ въ Единого Бога, познай, человѣче, и себя самаго, кто ты, а именно познай, что человѣкъ двойственъ, состоитъ изъ души и тѣла, и что Самъ Богъ есть Творецъ души и тѣла. Знай также, что душа твоя свободна, и есть превосходное Божіе дѣло, созданное по образу Сотворшаго, что она безсмертна по милости Бога, дающаго ей безсмертіе, и есть существо живое, разумное, нетлѣнное, по милости Даровавшаго ей это; имѣетъ власть дѣлать, что хочетъ. Ибо грѣшишь ты не потому, что такъ рожденъ, и не по случаю впадаешь въ блудъ, и не стеченіемъ звѣздъ, какъ пустословятъ иные, бываешь вынужденъ предаваться непотребству. Почему, избѣгая сознанія въ худыхъ своихъ дѣлахъ, причину ихъ приписываешь невиннымъ звѣздамъ? Не слушай звѣздочетовъ. Ибо о нихъ говоритъ Божественное писаніе: да стануть нынѣ и спасутъ тя звѣздочетцы небесе, и далѣе: *се вси яко хвѣстѣ огнемъ погорѣтъ, и не изымутъ души своея изъ пламене* (Исаи 47, 13, 14).

Душа безсмертная, и всѣ души у мужей и женъ подобны, различны же только тѣлесные члены. Нѣтъ особеннаго чина душъ, по природѣ согрѣшающихъ, и чина душъ, по природѣ творящихъ правду: но то и другое зависитъ отъ произволѣнія, потому что души всѣхъ въ существѣ своемъ однородны и подобны.

Душа свободна; и діаволъ, хотя можетъ подущать, но не имѣетъ власти принуждать противъ произволенія. Представляетъ тебѣ блудный помыслъ: если хочешь, примешь оный, а если не хочешь, не примешь. Если бы по необходимости жилъ ты блудно, то для чего было уготовлять Богу геенну? Если бы по естеству, а не произволенію, творилъ ты правду, то для чего уготовлялъ бы Богъ несказанные вѣнцы? Въ овцѣ есть кротость, но гдѣкогда не увѣнчивается она за кротость, потому что кротка не по произволенію, а по природѣ.

**Безъ помощи благодати Божіей человѣкъ
не можетъ сдѣлать ничего добраго.**

Душа моя яко земля безводная
(Псал. 142 — 6).

Земля хотя бы имѣла весьма хорошую почву, хотя бы съ прилежаніемъ была воздѣлана земледѣльцемъ и засѣяна добрыми сѣменами,—не можетъ принести плода, если ко всему этому не приметъ въ себѣ достаточно влаги водныя,—и весь трудъ земледѣльца всею погибаетъ; потому что отъ трудовъ своихъ не можетъ онъ собрать никакихъ плодовъ,—и во время зимы принужденъ бываетъ истаявать голодомъ.

Подобное сему точь-въ-точь бываетъ и съ душою нашею. Она по природѣ своей надѣлена Творцемъ всѣми дарами, способствующими ей возвращать въ себѣ, яко на доброй землѣ, всѣ добродѣтели. Но всѣ эти природныя дары могутъ остаться совершенно безплодными, если человѣкъ не будетъ напоенъ благодатію Святаго Духа. Благодать же св. Духа подается

только тѣмъ, кои жаждутъ сей благодати, сознають свою немощь и, подобно пророку, взываютъ: „*возжада душа моя къ Богу крѣпкому живому*“ (Псал. 41, 3); подается благодать тѣмъ, кои къ дѣйствию благодати не лѣнятся приложить свой личный трудъ и все усердіе. Безъ труда же съ нашей стороны—и труда усиленнаго благодать Божія *содѣйствующая* никому не подается; потому что хотя Господь всѣмъ хочетъ спасенія, но спастися желаетъ не туне—не даромъ,—а требуетъ усилія съ нашей стороны: „*Царство Небесное силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его*“ (Матѣ. 11, 12).

Ради сего царствія св. мученики предавали свою плоть на раздробленіе и раны, а преподобные самовольно терпѣли всякія лишенія и распинали плоть свою воздержаніемъ и трудами; да и вообще—всѣ святые всѣхъ временъ получили благодать Духа Святаго, а съ нею и Царствіе небесное, усиленнымъ трудомъ и теплою къ Богу молитвою.

Посему весьма ошибаются тѣ, кои очень высоко цѣнятъ сами себя, свою собственную природу, и не стараются быть въ общеніи съ Богомъ—Источникомъ истинной жизни и безсмертія, отвергаютъ Богоустановленныя Православной Церкви таинства, чрезъ которыя подаются намъ дары Духа Святаго, безъ чего мы, какъ земля изсохшая, не можемъ принести ни единого добраго плода, развѣ только терніе грѣха и волчцы богоненавистой гордости, которая и самаго свѣтлаго ангела свергла съ неба и винула его въ глубину адскаго мрака.

Равно ошибаются и тѣ, которые вовсе не сознають достоинства безсмертной своей души, не вѣрують, что она создана по образу и подобию Божію, и предназначена для вѣчнаго блаженства въ царствіи небесномъ

вмѣстѣ съ святыми Ангелами; но живутъ одною плотскою жизнію, по подобію скотовъ несмысленныхъ,—пьютъ, ѣдятъ, веселятся, собираютъ богатства, ищутъ земной славы, не милуютъ нища и убога, о Бозѣ и вѣчной жизни совсѣмъ не помышляютъ и не желаютъ сего. Таковые хотя мнятся быти мудры, но на самомъ дѣлѣ глупы суть и безумны, потому что многіе изъ нихъ изучаютъ все окружающее насъ, распознаютъ сокровенные законы природы, а сами себя познать не могутъ; не познавая же себя, не могутъ познать и Творца своего,—Всеблагаго, Премудраго, Всемогушаго, Милосерднаго и Правосуднаго, воздающаго каждому по дѣломъ его. Будучи же помрачены тьмою заблужденія, и самое бытіе міра приписываютъ какому-то безличному атомическому *) началу, какъ будто міръ самъ собою созданъ.

Таковымъ духомъ невѣрія заражены нынѣ многіе изъ высшаго и средняго класса, и душепагубный ядъ сей начинаетъ по-малу переходить и въ низшіе слои общества и отравлять души неискусныхъ и легкомысленныхъ рабовъ Христовыхъ. О, горе такимъ вѣрующимъ, или, лучше сказать, ни во что невѣрующимъ!.., а особенно горе тако учащимъ, мнящимся быти вождями праваго пути, свѣтилами, наставляющими ко свѣту, а на самомъ дѣлѣ они—вожди слѣпые, которые и сами впадутъ въ адскую яму и увлекутъ за собою всѣхъ своихъ послѣдователей!.. Всѣ они грозно истязаны будутъ на страшномъ судѣ Христовомъ (которому они тоже не вѣрятъ): участь ихъ бу-

*) Атомы—недѣлимые малѣйшія частицы, изъ которыхъ, по ученію естествоиспытателей, состоятъ всѣ тѣла. Но вѣдь и самые сіи атомы не могли создаться сами собою, а созданы Богомъ изъ-ничего. И какъ бы невѣрный человѣкъ ни мудрствовалъ,—все же въ концѣ-концовъ выходитъ, что Богъ создалъ вселенную, какъ говоритъ Пророкъ: *„Той рече,—и быша, Той повелѣ,—и создашася“* (Псал. 148, 5).

детъ горѣ всѣхъ язычниковъ—древнихъ и современныхъ, потому что тѣ, не познавши истины, заблуждаются, а сіи, зная все, не хотятъ вѣрить, не хотятъ кичливаго разума своего покорить истинѣ Богооткровеннаго ученія и правиламъ святой православной Церкви, въ которой, какъ въ богатѣйшей нѣкоей сокровищницѣ, хранится все богатство чистѣйшей истины и все нужное ко спасенію нашему.

Посему, братіе, православные христіане, молю васъ, берегитесь душепагубнаго сего ученія, берегитесь разныхъ лжеучителей, которые хотятъ отвести васъ отъ покорности и общенія Православной Церкви, потому что, отводя отъ Церкви, они отводятъ васъ и отъ Христа Сына Божія, безъ Котораго никто спастись не можетъ, ибо Отецъ небесный далъ Ему всякую власть на небеси и на земли (Мате. 28, 18), такъ что Самъ Отецъ не судить никого, а весь судъ отдалъ Ему — Сыну Своему; а посему, минуя Сына, никто не можетъ прійти къ Отцу, а слѣдовательно, безъ посредства Сына и въ Царствіе Небесное никто войти не можетъ.

Еще-же вѣруйте несомнѣнно, что весь міръ—видимый и невидимый—сталъ быть не самъ собою, но созданъ изъ-ничего Всемогущимъ Словомъ Божиимъ; вѣруйте, что все содержится и управляется Премудрымъ Промысломъ Того-же Всемогущаго Бога-Творца, и—ничто въ мірѣ случайно не бываетъ, но все творится по манію всеблагой воли Божіей, подобно какъ въ домѣ добраго хозяина, или въ государствѣ, управляемомъ благоразумнымъ государемъ, только въ высшей степени пресовершенно, потому что и въ распоряженіи добраго хозяина и въ управленіи благоразумнаго государя, при всей ихъ благонамѣренности, иногда бываютъ ошибки; но у Бога Всевѣдущаго ни-

какихъ ошибокъ никогда не бываетъ,— что предначертано въ Совѣтѣ Его, то непременно и совершится, какъ сказалъ Самъ Христосъ: „небо и земля мимо идутъ, словеса же Мои не мимо идутъ“ (Марк. 14, 31), и еще: „скорѣе небо и земля перейдутъ, нежели іота или черта едина отъ закона, дондеже вся будетъ“ (Матѣ. 5, 18).

Вѣруйте, что безъ помощи Божіей ничего добраго и полезнаго сдѣлать мы не можемъ; безъ помощи Божіей мы способны творить только грѣхи и преступленіе закона Божія, но и то, если Господь, по долготерпѣнію Своему, попуститъ сіе, т. е. если попуститъ исполнить дѣломъ то, что произволеніемъ нашимъ совершили уже въ сердцѣ, за что предъ лицемъ Правосудія Его являемся виновными и подлежащими наказанію, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ за исполненіе задуманнаго грѣха самымъ дѣломъ. Попускаетъ же Онъ согрѣшать потому, что не желаетъ стѣснять свободнаго нашего произволенія. А если иногда и удерживаетъ грѣшника отъ злаго дѣла, то творить сіе единственно по любви къ нему и ради какой-либо прежней его добродѣтели. Иногда же, милуя кого-либо невиннаго, не попускаетъ злему человѣку обидѣть или умертвить его; и такъ избавляетъ одного отъ исполненія задуманнаго имъ преступленія, а другого отъ обиды и смерти.

За таковое всеблагое о насъ промышленіе и попеченіе буди Богу нашему слава во вѣки вѣковъ.

Монахъ Пахомій.

Ничто не можетъ удовлетворить душу, кромѣ Высочайшаго Блага.

Человѣческое сердце, нетвердое въ желаніи вѣчности, никогда не можетъ быть постояннымъ, но скоротечнѣ всего скоротечнаго, отъ одного переходитъ къ другому, ища себѣ тамъ покоя, гдѣ его нѣтъ. А въ этихъ увядающихъ и преходящихъ вещахъ, въ которыхъ его страсти бывають плѣнными, не можетъ найти истиннаго покоя; такъ какъ оно такого достоинства, что его не можетъ удовлетворить никакое добро, кромѣ высочайшаго. Оно настолько свободно, что ни къ какому пороку не можетъ быть принуждено. Поэтому для всякаго собственная воля бываетъ причиной своего осужденія, или спасенія; и поэтому ничего дороже доброй воли Богу не приносится. Благая воля Бога къ намъ низводитъ и насъ къ Нему направляетъ, благою волею Бога любимъ, Бога предпочитаемъ, къ Богу стремимся, къ Богу приходимъ и Имъ обладаемъ.

О, благая воля, по которой мы преобразуемся въ подобіе Божіе, и дѣлаемся подобными Ему! Такъ пріятна Богу благая воля, что Онъ не благоволитъ обитать въ томъ сердцѣ, въ которомъ ея нѣтъ. Благая воля приклоняетъ къ себѣ Троицу этого высочайшаго величія: ибо премудрость просвѣщаетъ ее къ познанію истины и любовь воспламеняетъ къ желанію благости.

Блаженн. Августинъ.

О томъ, сколько мы заботимся о тѣлѣ, и сколько о душѣ.

(Иеросхимонаха о. Амвросія Оптинскаго).

Въ Евангеліи сказано: *„кая польза человеку, аще приобрящетъ міръ весь, и отщепитъ душу свою (Марк. 8, 36).* Вотъ какъ драгоценна душа человѣческая! Она дороже всего міра, со всеми его сокровищами и благами. Но страшно подумать, какъ мало понимаемъ мы достоинство безсмертной души своей. На тѣло, это жилище червей, этотъ повапленный гробъ, обращаются всѣ наши мысли отъ утра до вечера, а на безсмертную душу, на драгоценнѣйшее и любимѣйшее твореніе Божіе, на образъ Его славы и величія едва обращается одна мысль во всю недѣлю. Служенію тѣла посвящаются самыя цвѣтушіе годы нашей жизни, а вѣчному спасенію души только послѣднія минуты дряхлой старости. Тѣло ежедневно упивается, какъ на пиру богача, полными чашами и роскошными блюдами, а душа едва собираетъ крохи божественнаго слова на прагъ дома Божія. Ничтожное тѣло обмываютъ, одѣваютъ, чистятъ, украшаютъ всеми сокровищами природы и искусства; а дорогая душа, невѣста Іисуса Христа, наслѣдница неба, бродитъ шагомъ изнуреннымъ, облеченная въ одежду убогаго странника, не имѣя милостыни.

Тѣло не терпитъ ни одного пятна на лицѣ, никакой нечистоты на рукахъ, никакой заплаты на одеждѣ; а душа отъ главы до ногъ покрыта сквернами, только и дѣла, что переходитъ изъ одной грѣховной тины въ другую, и своею ежегодною, но часто

лицемѣрною исповѣдью, только умножаетъ заплата на одеждѣ своей, а не обновляетъ ее.

Для благосостоянія тѣла требуются разнаго рода забавы и удовольствія; оно истощаетъ нерѣдко цѣлыя семейства, для него люди готовы иногда на труды всякаго рода; а бѣдная душа едва имѣетъ одинъ часъ въ воскресные дни для слушанія божественной литургіи, едва нѣсколько минутъ для утренней и вечерней молитвы, насилу собираетъ одну горсть мѣдныхъ монетъ для подаванія милостыни, и довольна бываетъ, когда выразить холоднымъ вздохомъ памятованіе о смерти.

Для здравія и сохраненія тѣла перемѣняютъ воздухъ и жилище, призываютъ искуснѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ врачей, воздерживаются отъ пищи и питья, принимаютъ самыя горькія лѣкарства, позволяютъ себѣ и жечь и рѣзать; а для здравія души, для избѣжанія соблазновъ, для удаленія отъ грѣховной заразы не дѣлаютъ ни одного шага, но остаются въ томъ же самомъ воздухѣ, въ томъ же самомъ недобромъ обществѣ, въ томъ же самомъ порочномъ домѣ, и не ищутъ никакого врача душъ, или избираютъ врача незнакомаго и неопытнаго, и скрываютъ предъ нимъ то, что уже извѣстно и небу и аду, и чѣмъ они сами хвастаютъ въ обществахъ.

Когда умираетъ тѣло, тогда слышится скорбь и отчаяніе; а когда умираетъ душа отъ смертнаго грѣха, тогда часто и не думаютъ объ этомъ.

Такъ мы не знаемъ достоинства души своей, и, подобно Адаму и Евѣ, отдаемъ свою душу за красный но виду плодъ. Почему же мы, по крайней мѣрѣ, не плачемъ подобно Адаму и Евѣ? Плачъ потерявшихъ душу долженъ быть горестнѣе плача Іереміи, который,

оплакивая бѣдствія отечества, взывалъ: *кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источники слезъ* (Іер. 9, 1).

У насъ же большею частью забота о стяжаніи благъ, только, къ сожалѣнію, часто земныхъ и временныхъ, а не небесныхъ.

Забываемъ мы, что земныя блага скоропреходящи и неудержимы, тогда какъ блага небесныя вѣчны, безконечны и неотъемлемы.

Всеблагій Господи! помози намъ презирать все скоропреходящее, и пещися о единомъ на потребу спасенію душъ нашихъ.

Душа—наше сокровище.

(Изъ поучительн. словъ святят. Іліи Минятіа).

У людей какъ будто весь умъ въ глазахъ: что видятъ, тѣмъ и дорожатъ, а чего не видятъ, то ни во что ставятъ. Они видятъ міръ, и дорожатъ имъ, не видятъ души—и не умѣютъ ее цѣнить по достоинству. Вѣрно сказалъ царь Давидъ: *живи сынове челоувчестіи въ мѣрилѣхъ!* (Псал. 61, 10). Міръ и душа—это двѣ такія вещи, о которыхъ не умѣютъ, какъ должно, судить живые, а только умершіе. Итакъ, вы, умершіе владыки земли, богатые сего міра, утѣшавшіе себя мірскою славой, красотой, сокровищами,—что взяли вы съ собою въ могилу? —Конечно, ничего; вы умерли, съ вами умеръ для васъ и міръ. А что вы при этомъ потеряли? Конечно, все: и небо, и рай, и вѣчную жизнь, и Бога Самого! Какая же польза челоувку, аще пріобрѣщетъ міръ весь, и отщегтитъ душу свою? Конечно—никакой, а потеря великая. О, еслибы живые хотя отъ умершихъ научились, что такое міръ,

и что такое душа! Мы знаемъ, что такое міръ: видимъ, какъ всё его прелести непостоянны и обманчивы. Не текутъ такъ быстро воды рѣчныя, не вянутъ такъ скоро цвѣты полевые, не исчезаютъ такъ внезапно молніи небесныя, какъ быстро, легко и внезапно исчезаютъ и радость, и наслажденіе, и слава, и всё прелести міра. Да, мы знаемъ, что такое міръ, но не знаемъ, что такое наша душа. А вѣдь душа у насъ только одна; вѣдь если мы ее потеряемъ, то все потеряемъ; вѣдь она безсмертна, и если мы ее потеряемъ однажды, то потеряемъ навсегда!

Для испытанія великаго терпѣнія Іова Богъ позволилъ діаволу коснуться всего его достоянія, его дѣтей, его здоровья, но съ условіемъ: *только душу его соблюди* (Іов. 2, 7).

И обнищалъ въ единый часъ богатый праведникъ: его стада расхищены, сожжены молніей, его высокія палаты разрушены бурей, всё его дѣти въ одинъ часъ были погребены подъ развалинами, и вотъ онъ — нищій, лишенный крова, осиротѣлый, лежитъ за городомъ на гноищѣ, весь покрытый ужасными язвами съ головы до ногъ, днемъ печетъ его солнце южное, ночью онъ трясется отъ стужи и сырости... Онъ потерялъ все, но души не потерялъ, и слышите, что говоритъ? Потерялъ-ли я богатства мои? что до того? Нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду! Лишился-ли я дѣтей моихъ? — Богъ ихъ мнѣ далъ, Богъ и взялъ: Господь даде, Господь отъятъ!.. Потерялъ-ли я свое здоровье? Стало быть, такъ угодно Богу: якоже Господеву изволися, тако и бысть! Я потерялъ все; но вѣдь все это Богъ у меня взялъ; Онъ можетъ и снова отдать. А если и навсегда я все это потерялъ — и за то славлю, благодарю, благословляю Имя Его святое, что во всемъ попустилъ Онъ мнѣ

искушену быть, но сохранилъ душу мою: *буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1, 21). Таковъ законъ промысленія у человеколюбца Господа, что когда Онъ попускаетъ діаволу искусить насъ, повредить намъ въ чемъ-либо изъ вещей, которыми мы такъ дорожимъ на семъ свѣтѣ, то Онъ повелѣваетъ ему: душу его соблюди, не смѣй коснуться сей дщери Моей, наслѣдницы царства небеснаго! И поручаетъ Онъ сію душу покровительству Ангела хранителя, чтобы онъ соблюдалъ ее отъ страха ночнаго, отъ сряща (несчастнаго случая) и бѣса полуденнаго (Псал. 90, 5, 6). А почему все это такъ? Да потому, что другихъ вещей у насъ много, а душа одна; потому, что если мы потеряемъ что-нибудь изъ вещей сегодня, то найдемъ завтра, какъ ихъ найдетъ вдвое и втрое праведный Іовъ; а если мы потеряемъ душу, то никогда ее не найдемъ, и съ нею все потеряемъ. Никакая потеря не повредитъ намъ, если мы сохранимъ душу, и никакія приобрѣтенія не принесутъ намъ пользы, если мы потеряемъ душу. Ради души мы на семъ свѣтѣ живемъ, ради ея уповаемъ и на блаженство будущее.—Но странное дѣло! Если мы имѣемъ единственное дитя, горячо нами любимое, — сколько заботъ у насъ о томъ, какъ бы оно не загорѣло на солнцѣ, какъ бы не простудилось на сквозномъ вѣтрѣ, какъ бы кто не обидѣлъ его, и однакоже это дитя не можетъ спасти насъ самихъ. Или — если мы владѣемъ какимъ-либо дорогимъ камнемъ самоцвѣтнымъ, мы такъ бережемъ его, что, если бы можно было, мы спрятали бы его въ своемъ собственномъ сердцѣ; и однакоже этимъ камнемъ мы не можемъ купить себѣ рай. Какъ же мы ни во что ставимъ душу свою, отъ спасенія которой зависитъ все наше счастье здѣсь на землѣ и вѣчное блаженство въ будущей жизни?!.. Нѣтъ,

пусть, если нужно, погибнуть и деньги, и пожитки, и все, что я имѣю на свѣтѣ,—но что касается моей души, которая у меня только одна,—то пусть не прогнѣваются на меня ни отечество мое, ни родители, ни братья, ни дѣти, ни начальники мои, ни пріатели!—душу мою я никому не доверяю! И если будетъ нужда, я не прочь умереть, ибо все равно сегодня или завтра умереть надо-же, но чтобы потерять душу, погубить ее, безсмертную,—нѣтъ! Я никогда и никакъ на то не соглашусь. Моя душа безсмертна—въ этомъ ея великое достоинство. Весь этотъ суетный и тлѣнный свѣтъ, со всѣмъ, что въ немъ намъ нравится, чѣмъ мы дорожимъ, имѣетъ конецъ. *Преходитъ бо образъ міра сего* (Кор. 7, 31). Скоро или не скоро—всему будетъ конецъ. Всяка плоть—сѣно, и всяка слава человека яко цвѣтъ травный: *изше трава — и цвѣтъ ея отпаде* (Ис. 40, 6, 7). Одна душа безсмертна; она одна всегда живетъ, никогда не умираетъ. Какая же польза человеку, какая выгода, аще приобращаетъ міръ весь и отщепитъ душу свою? О, еслибъ эта святая истина всегда пребывала въ нашемъ умѣ и въ нашемъ сердцѣ! Если бы мы всегда помнили, что, погубивъ душу, мы погубимъ ее навсегда-навсегда! Заключить ее Судія праведный во адъ и не отпустить сей темницы никогда-никогда!

О, душа моя, душа моя! Пусть лучше сокроется хоть сейчасъ же весь грѣшный міръ со всѣми его красотами, со всѣми прелестями, отъ очей моихъ,—лишь бы ты осталась у меня цѣла! И что такое этотъ міръ, эта жизнь земная? Ночное привидѣніе — не больше. А ты вѣдь прекраснѣйшее Божіе созданіе, потому что ты у меня одна, ты безсмертна, и если я потеряю тебя, то потеряю навсегда. Но зачѣмъ мнѣ терять тебя? Вѣдь ты моя, ты мнѣ принадлежишь, а

кто не цѣнитъ своей души въ тысячу разъ дороже всего этого суетнаго и тлѣннаго міра, тотъ или не имѣетъ ее, или не достоинъ ее имѣть!..

Распятый мой Иисусе, Сыне Бога живаго! Дохнулъ Ты дыханіемъ Своимъ для созданія души моей; пролилъ кровь Свою для искупленія ея, установилъ купель божественнаго крещенія для ея обновленія, опредѣлилъ другое крещеніе—покаяніе для ея очищенія, приготовилъ трапезу пречистыхъ таинъ Твоихъ для ея питанія, создалъ здѣсь Церковь для ея освѣщенія, а тамъ—рай для ея блаженства,—сдѣлалъ все, что только могла сдѣлать крайняя благодѣль Твоя ко спасенію этой души, а мы—не дѣлаемъ ли все, что только можетъ сдѣлать крайняя злоба наша на погибель ея?! Не допускай же насъ до этой погибели, вѣчный Женише душъ нашихъ, не допускай! Пусть лучше мы все потеряемъ, да только душу сбережемъ, и если мы сбережемъ ее разъ, то уже сберегли навсегда. Ибо кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрѣтетъ, и отщетить душу свою?.. Да соблюдемъ же ее благодатію Твоею для Царства Твоего. Аминь.

Притча о тѣлѣ и душѣ человѣческой и о воскресеніи мертвыхъ.

(Изъ Пролога. Мѣсяцъ Сентябрь, 28 число).

Человѣкъ нѣкій добраго рода насадилъ виноградъ и оградилъ его стѣною, устроилъ и ворота, но не затворилъ входа. Огходя же въ домъ отца своего, сказалъ самъ себѣ: кого поставлю стражемъ сему моему стяжанію? Если оставлю здѣсь кого-либо изъ приставниковъ

моихъ, то они изгубятъ трудъ мой, расточатъ мое добро. Лучше сдѣлаю такъ: посажу у воротъ слѣпца съ хромцемъ; потому что если кто изъ враговъ моихъ захочетъ окрасть виноградъ мой, то слѣпецъ услышитъ, а хромецъ увидитъ. Если же кто изъ нихъ пожелаетъ окрасить виноградъ, то хромецъ не имѣетъ ногъ, чтобы дойти туда, слѣпецъ же, если пойдетъ, то упадетъ въ пропасть и убѣется: и посадивъ ихъ у вратъ, далъ имъ власть надъ всѣмъ, что внѣ вертограда. и пищу и одѣяніе приготовилъ неоскудно, только сказалъ: того, что внутри вертограда, не касайтесь безъ моего повелѣнія. И послѣ того ушелъ, сказавъ, что возвратится со временемъ. И такъ долго они сидѣли и стерегли виноградъ. Черезъ нѣсколько времени слѣпецъ говоритъ хромцу: что это за благоуханіе повѣваетъ изъ внутри сихъ вратъ? Много добрыхъ плодовъ господина нашего внутри за вратами сими, и вкусъ сихъ плодовъ неизреченный,—отвѣтилъ хромецъ:—но такъ какъ господинъ нашъ перехитрилъ насъ, посадилъ тебе слѣпца, а мене хромого, то и не можемъ никакъ дойти къ тѣмъ и насытиться ими.

— Почему же ты прежде не сказалъ мнѣ сего—возразилъ слѣпецъ — и мы бы не терпѣли столько времени! Ибо я, хотя и слѣпъ, но имѣю здоровыя ноги и могу носить тебя: возьми ты кошницу и сядь на мои плечи, и я понесу тебя, ты же указывай мнѣ дорогу, и мы вся благая господина нашего объемлемъ. А когда придетъ господинъ нашъ, укрывется отъ него наше дѣло; если мене спросить, я отвѣчу: ты знаешь, господине, что я слѣпъ; если тебе спросить, скажи: я хромъ,—и такъ перехитримъ нашего господина.

Всѣдъ же хромецъ на слѣпца, и, дошедше, окрадоша..овощъ господина своего.

По времени же пришелъ господинъ винограда того и, увидѣвъ его окрадена, повелѣлъ привести слѣпца, и говорить ему:—не добраго ли тебя стража поставилъ я винограду моему, для чего же ты обокралъ его.

— Господине, ты знаешь, что я слѣпъ, и хотя бы и хотѣлъ, то не вижу, куда идти, отвѣчалъ слѣпецъ: но покралъ его хромецъ, а не я. Тогда повелѣлъ господинъ блюсти слѣпца, пока призоветъ хромца. Призвану же бывшу хромцу, начали они сами между собою свариться. Хромецъ говорить слѣпцу: — если бы ты не носилъ меня, я никакъ не могъ бы дойти, потому что я хромъ.—А если бы ты не указалъ мнѣ путь, то какъ бы я дошелъ туда,—отвѣчалъ слѣпецъ? Тогда господинъ сѣлъ на судилищи и началъ судить ихъ. Потомъ онъ сказалъ имъ: Какъ вы крали, такъ да всядетъ хромецъ на слѣпца; и когда той сѣлъ, повелѣлъ слугамъ бити ихъ обоихъ безъ пощаденія.

Толкованіе.

Разумѣйте же, братіе сей притчи силу: человекъ добраго рода—Христосъ Сынъ Божій; а виноградъ—вся земля и міръ сей. Ограда его—законъ и заповѣди; слуги же, бывшіе съ нимъ, Ангелы разумѣются. Хромецъ—тѣло человѣческое, а слѣпецъ—душа. А что посадилъ у вратъ,—значить: далъ во власть его всю землю и все сущее на ней. Но такъ какъ человекъ преступилъ заповѣди Божіи, поэтому смертію осужденъ бысть. Когда же приводится душа его къ Богу, то оправдывается, глаголющи: не я, Господи, преступила заповѣди Твои, но тѣло. Посему то нѣтъ полного мученія душамъ до втораго пришествія Христова; но блюдомы суть въ мѣстѣ, одному Богу вѣдомомъ. Когда

же прїидеть обновити землю, и воскресити умершія, какъ говоритъ св. Апостолъ Павелъ: *„тогда вси сущїи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божїя, и оживутъ. И изыдутъ сотворшии благая въ воскресеніе живота, а сотворшии злая въ воскресеніе суда“*.

Тогда опять души внидутъ каждая въ свое тѣло, и прїимутъ воздаяніе по дѣломъ своимъ: грѣшники отоплются во тьму кромѣшную, гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ, а праведники въ жизнь вѣчную.

Душе моя, востани!

(Изъ твореній преподобнаго Ефрема Сирина).

Востани, душа моя, спавшая донинѣ во грѣхѣ; отрази сонъ свой, спѣши и въ покаяніи ищи прибѣжища; и Правдивый, быть можетъ, умиловится слезами твоими. Ежечасно проливай предъ Судією слезы сокрушенія о срамныхъ дѣлахъ своихъ. Бездна мученій ожидаетъ тебя за дѣла твои и въ воздаяніе за непотребства твои... Сугубо плачь о себѣ, чтобы Правдивый и услышалъ тебя и примирился съ тобою. Увы, душа моя! Зачѣмъ нерадишь ты о жизни своей? Зачѣмъ въ разсѣяніи проводишь немногіе дни ея? Не знаешь развѣ, что вотъ-вотъ позовутъ тебя? Что же будешь дѣлать тамъ, живя нерадиво здѣсь? Что станешь отвѣчать въ оправданіе свое, представъ престолу страшнаго Судїи? Врагъ обманываетъ тебя, и изо-дня въ день расхищаетъ достояніе твое, а ты и не разумѣешь того. Вострепещи, несчастная, и ужаснись мученій, какія сама себѣ приготовила ты! Плачь о себѣ, сообщница нечистыхъ силъ; потому что повсюду съ тобою поидетъ вѣчный огонь... Глубоко погрязла ты

въ похотяхъ, и никогда не изникала изъ нихъ. Терніями и волчпами заглушены помышленія твои, и не принесла еще ты плодовъ покаянія. Страсти обуревали тебя, какъ волны, и потопили корабль въ морѣ грѣховъ. Никогда не приводила ты себѣ на память того дня, который подвергнетъ испытанію все сокровенное. Что будешь дѣлать, когда приведетъ тебя въ трепетъ гласъ, требующій, чтобы шла ты въ срѣтеніе Жениху? Свѣтъ очей твоихъ померкнетъ и исчезнетъ—и останешься ты внѣ съ юродивыми дѣвами. Запасайся елеемъ (добрыхъ дѣлъ), бѣдная душа, пока есть еще время къ оправданію! Проси себѣ оставленія грѣховъ вмѣстѣ съ блудницею, и слезами своими врачуй язвы свои! Отверзта еще дверь покаянія; войди, очистишь отъ сквернъ своихъ!.. Ты, желающій спасенія сыновъ человѣческихъ, пощади душу, удалившуюся отъ Тебя! Прими ее, Господи, съ обычною Тебѣ милостію. На праведномъ судѣ щедроты Твои да покрываютъ меня грѣшнаго, и да избавятъ меня отъ мученія. Ты, оставляющій грѣхи и милующій туне, прости мнѣ душевныя прегрѣшенія на праведномъ судѣ! Славословіе Тебѣ отъ заблудившихъ, которыхъ собралъ и привелъ Ты къ покаянію!..

„Что спиши?“

(Изъ сочин. Преосвящен. Иннокентія, Арх. Херсонскаго).

Душе моя, душе моя, ты, которая у меня одна, такъ что если потеряю тебя, то лишусь всего,—ты, которая, будучи создана по образу Божію, потому самому уже превыше всего міра, и даже по паденіи

твою искуплена драгоцѣнною кровію Сына Божія, и предназначена къ вѣчному блаженству съ Богомъ на небѣ, *душе моя, душе моя, что спиши?* Для чего забываешь свою природу и достоинство, и такъ жалко отдаешь себя въ рабство плоти и крови,—въ плѣнъ міру и діаволу—врагамъ твоимъ? Почто, созданная служить Богу живу и истинну, кланяешься до земли всякому кумиру страстей? Почто, предназначенъ я къ вѣчности, расточаешь безумно и время и таланты, тебѣ ввѣренныя, на суету, не помышляя объ ожидающемъ тебя за все это отчетѣ? *Душе моя, душе моя, востани, что спиши!* Тутъ ли спать, когда предъ тобою небо и вѣчность съ разверстыми вратами? Тутъ ли спать, когда за тебя сражается небо съ адомъ; когда всезлбный врагъ назираетъ всѣ пути твои, напрягаетъ всѣ силы свои, чтобы настигнуть и поглотить тебя на вѣки? *Душе моя, душе моя, востани!* Отряси сонъ отъ вѣждей твоихъ, и обрати ихъ на себя самую и на твое великое предназначеніе! Востани! сбрось постыдныя узы злыхъ навыковъ, кои, какъ плѣнница, привязана ты къ землѣ и тлѣнію! Востани и посмотри, какъ все ожидаетъ твоего пробужденія:—ожидаетъ Ангелъ-хранитель, дабы не всуе находиться при тебѣ и не плакать безутѣшно о твоёмъ ожесточеніи во грѣхѣ; ожидаетъ Церковь Божія, дабы начать врачевать тебя своими молитвами и таинствами; ожидаетъ совѣсть, дабы вести тебя по стопамъ правды; ожидаетъ сама смерть, дая мѣсто покаянію, дабы не восхитить тебя со грѣхами твоими предъ страшный судъ Божій... Ты спишь, бѣдная душа моя, а время благодати и помилованія течетъ и уходитъ невозвратно! Ты спишь, а бремя грѣховъ твоихъ растетъ и множится безъ числа и мѣры! Ты спишь, а врагъ твой не дремлетъ и опутываетъ тебя съ ногъ до головы

новыми сѣтями! Ты спишь, а Ангелъ смерти грядетъ, и конецъ твой приближается! Приблизится, настанетъ, застигнетъ, поразитъ, и что будетъ тогда съ тобою? Помогутъ ли тебѣ блага земныя, для собиранія коихъ забывала ты Бога и жертвовала всѣмъ? Защитатъ ли тебя отъ гнѣва Божія легкомысленные друзья твои, съ которыми ты проводила и губила время? Въ чемъ будешь искать отрады и утѣшенія на ложѣ смертномъ? Ахъ! Тогда-то узнаешь во всей силѣ, какъ праведно говорили тебѣ, что *кая польза человеку, аще приобрететъ весь міръ, и погубитъ душу свою!* (Марк. 8, 36). Познаешь, — но что выйдетъ изъ сего познанія? Одна скорбь лютая, одно смущеніе и отчаяніе: *и имаша смутитися!* Смутитися и отъ прошедшаго, которое предстанетъ тебѣ со всѣми грѣхами и нечистою жизнію твоею; смутитися и отъ настоящаго, которое будетъ исполнено ужаса, мукъ смертныхъ и отчаянія; — смутитися, наконецъ, и отъ грядущаго, которое, такъ долго забываемое, отвергаемое, явится предъ тобою во всемъ грозномъ и низлагающемъ величіи своемъ...

Душа падшая, душа плѣнная, душа погибающая, пробудись отъ своего нечувствія и познай, кто ты? Грѣхъ и страсти унизили, ослѣпили, подавили, умертвили тебя; но ты и теперь дороже всего видимаго міра: ибо ты — одушевленный образъ Божій. Сама по себѣ ты не можешь и подумать о томъ, чтобы сразиться съ жестокимъ врагомъ твоимъ и разорвать узы, на тебя возложенныя, но у тебя есть всемогущій Заступникъ, Который можетъ *связать крѣпкаго* (Матѣ. 12, 29) противника твоего, *разрушитъ* всѣ твердыни его и преподать тебѣ всѣ средства къ возврату въ отечество. Предай себя Ему, — и невозможное сдѣлается возможнымъ. Какъ бы ни были тяжки и велики грѣхи твои, хотя бы чернотою своею ты походила на самого

духа злобы: все исправится, все убѣлится, все просвѣтитъ и ты паки сдѣлаешься такимъ существомъ, въ коемъ будетъ почивать Самъ Богъ.

Для чего же, бѣдная душа моя, ждать намъ съ тобою безпечно нашей гибели? Для чего, смеживъ умныя очи, итти всю жизнь къ пропасти адской? Что мѣшаетъ намъ остановиться, подумать и возвратиться вспять, когда еще есть время къ тому? *Душе моя, душе моя, воспрями убо!* Раскрой глаза и поднимись съ грѣховнаго ложа; рѣшись служить Богу живу и истину, какъ ты служила доселѣ идоламъ страстей; а все прочее уже готово къ твоему спасенію. Готово Евангеліе для вразумленія тебя во всѣхъ случаяхъ жизни; готова драгоценная одежда заслугъ Христовыхъ для прикрытія твоей духовной наготы; готово Тѣло и Кровь Сына Божія для насыщенія твоего глада; готовъ елей и бальзамъ для уврачеванія твоихъ ранъ, готова всемогущая благодать Духа Святаго для подкрѣпленія твоихъ слабыхъ силъ; готовъ самый вѣнецъ для увѣнчанія твоихъ малыхъ подвиговъ. *Воспрями убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ! Слышишь ли, какъ Онъ гласомъ Евангелія вѣщаетъ съ пренебесной вечери Своей: и еще мѣсто есть* (Лук. 15, 22). Это мѣсто для насъ съ тобою, душа моя! Поспѣвшимъ же сдѣлаться его достойными, доколѣ не наступила полночь, не затворились двери чертога, не угасъ елей во свѣтильникѣ нашей жизни! Аминь.

Тѣло служить душѣ преградою ко грѣху *).

Напрасно сѣтуютъ на тягость тѣла и думаютъ видѣть въ немъ мрачную темницу души. Зяждителю міра благоугодно было создать существо чувственно-духовное, конечно, потому, что по цѣлямъ Своей творческой премудрости Онъ находилъ такое существо благопотребнымъ въ составѣ міра. Созданный духъ человѣческій Творецъ вводитъ въ тѣло, образованное изъ персти. Образую человѣческое тѣло, Господь, конечно, уготовлялъ въ немъ не темницу, но жилище свѣтлое и нисколько не стѣснительное для духа, предназначеннаго къ нескончаемой усовершенности. Въ невинномъ состояніи человѣка тѣло нисколько не тяготило духъ, но, по мѣрѣ его усовершенности и преуспѣянія въ добрѣ, оно и само постоянно бы утончалось, просвѣтлялось и одухотворялось. Съ паденіемъ духа и тѣло, безъ сомнѣнія, огрубѣло, сдѣлалось тяжелымъ бременемъ души, непроницаемою преградою между человѣческимъ духомъ и міромъ духовъ безплотныхъ. Тѣло тлѣнное, говоритъ Мудрый, отягощаетъ душу, и земное жилище обременяетъ умъ многопечительный (Премудр. 9, 15). „Тѣло, по словамъ Богослова, — облако, омрачающее душу и препятствующее ей ясно видѣть Божественный лучъ. Между нами и Богомъ стоитъ сія тѣлесная мгла, какъ древле облако между египтянами и евреями. И сіе-то, можетъ быть, значить: *положи тму за кровь свой* (Псал. 17, 12), то есть нашу дебелость, чрезъ которую прозрѣваютъ немногіе и немного“. Но если тѣло и дѣйствительно стоитъ средостѣніемъ между человѣкомъ и міромъ духовнымъ,

*) Изъ книги „Премудрость и Благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка“ 151 стр.

то средостѣніе это воздвигнуло самъ же человѣческій духъ, разъединившійся съ Богомъ и отпадшій отъ Него. Въ раю тѣло не было преградою непосредственнаго общенія между человѣкомъ и Богомъ. Огрубѣлость и тяжесть тѣла есть уже слѣдствіе грѣха, за которое человѣкъ можетъ винить только самого себя. Премудрое и благое устройство Божіе открывается въ томъ, что самая эта огрубѣлость и дебелость тѣла обращается теперь во благо человѣку. Тѣло служитъ теперь преградою грѣха, образуетъ въ себѣ среду, въ которой сила зла смягчается, какъ бы притупляется грубою тѣлесностію, и дѣйствіе его бываетъ не такъ напряженно и быстро, какъ въ безплотныхъ духахъ тмы. Тѣло служитъ ограничительною причиною, почему человѣческій грѣхъ не является, или очень рѣдко является, какъ чисто-духовное самообогащеніе, какъ сознательное возстаніе на Бога, какъ бѣсовская злоба или ненависть къ добру. Большею частію человѣческій грѣхъ является какъ скрытная, болѣе или менѣе безсознательная вражда на Бога, какъ рабское служеніе твари, какъ подчиненіе тому или другому чувственному влеченію. Человѣкъ работаетъ грѣху, очень часто и не подозревая, какое внутреннее начало движетъ его влеченіями и дѣйствіями; и самъ бы ужаснулся своей грѣховности, когда бы пришелъ въ ясное и отчетливое сознаніе, что всякая похоть и ея удовлетвореніе *вражда Богу есть* (Іак. 4, 4). Такая безсознательность человѣческаго грѣха въ извѣстной мѣрѣ ослабляетъ силу грѣха и уменьшаетъ виновность грѣшника. Въ тѣлѣ заключается причина и того, что зло сдерживаетъ и ограничиваетъ свою разъединяющую силу во взаимныхъ сношеніяхъ между людьми. „Богъ, говоритъ Златоустый: провидя, что люди будутъ самолюбивы, связалъ ихъ взаимными нуждами и сямъ,

какъ уздою, обуздавъ ихъ самолюбіе". Взаимныя нужды и потребности жизни тѣлесныя невольно сближаютъ людей и заставляютъ ихъ признавать и уважать взаимныя выгоды и права. При своемъ личномъ самолюбіи и своекорыстіи, каждый волею или неволею признаетъ и уважаетъ благо общее и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, жертвуетъ ему своими собственными выгодами и даже самою жизнію. Кровный союзъ есть вмѣстѣ основаніе союза духовнаго, и нерѣдко—послѣдній оплотъ противъ всепоглощающаго потока зла. Отъ этого-то и бываетъ, что человѣкъ, совершенно изсушенный зломъ, еще сохраняетъ остатокъ добра, способность любви не вовсе корыстной, готовность жить для другихъ въ той области жизни земной, которая ближе къ тѣлу, именно въ жизни семейной. Такимъ образомъ, если тѣло и есть темница души, то заключеніе въ ней спасительно для узника, какъ благотельное ограниченіе и смягченіе его необузданнаго самолюбія. Придетъ время, когда темница сія преобразится въ свѣтлое и славное жилище духа, очищеннаго отъ зла. Итакъ, въ судѣ Божіемъ надъ Адамомъ (и всѣми попомками его) мы видимъ Божественное правосудіе, обращающее въ наказаніе грѣшнику естественныя слѣдствія грѣха его, и—правосудіе, преисполненное любви, а потому направляющее самыя наказанія во благо наказуемаго, за что и должны мы благодарить и прославлять Всеблагото Бога, Творца и Промыслителя нашего.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	Стран.
Отъ издателей	4
Отъ составителя	5
Выписки изъ Священнаго Писанія о душѣ человѣческой	7
О достоинствѣ природы человѣческой	10
Изученіе свойствъ богоподобной души человѣческой—самая важная наука на землѣ	11
О существованіи души въ человѣкѣ	12
О началѣ бытія души человѣческой	15
О томъ, чѣмъ отличается душа человѣческая отъ души животныхъ	18
О сущности души	22
Душа человѣческая—самостоятельная духовная личность	24
О безтѣлесности и красотѣ души	25
О связи души съ тѣломъ	28
О вездѣприсутственномъ бытіи души въ человѣкѣ	29
О безсмертіи души человѣческой (слово 1)	31
Еще о безсмертіи души человѣка (слово 2)	35
Безсмертіе души (слово 3)	42
Душевыя способности въ отношеніи науки	47
Душевыя способности въ отношеніи нравственности и Богообщенія	49
Духовное зрѣніе души	50
Способность души созерцать сновидѣнія	51
Тричастіе человѣка	55
Тричастіе души	58
Въ чемъ душа уподобляется Богу	59
Душа и духъ человѣка и ихъ взаимодействіе	61
Образъ и подобіе	62
Словесноразумная сила души и чувства	64
Раздражительная сила души и виды дѣятельности ея	65
Вожделѣвательная сила и способности ея	66
О страстяхъ	68
Паденіе и омраченіе души	70
О свободѣ	71
О спасеніи нашемъ	72

	Стран.
Порывы души къ небу	74
Семь степеней душевной силы	78
Свѣтлое первобытное и возсозданное состояніе души .	85
Состояніе души облагодатствованной	87
Загробная жизнь души	88
Блаженство душъ праведныхъ	91
Степени блаженства праведныхъ	95
Состояніе душъ грѣшниковъ	96
Жизнь душъ грѣшниковъ до всеобщаго суда	96
Состояніе душъ грѣшныхъ до всеобщаго суда и мученіе ихъ . .	97
О состояніи душъ, которыхъ участь окончательно не рѣшена . .	100
Благодареніе Господу Богу	101

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Основы христіанской нравственности и ихъ подраздѣленія .	105
Богъ въ душѣ человѣка	132

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О безсмертіи души и о томъ, что мы грѣшимъ не по нуждѣ, а по произволенію	143
Безъ помощи благодати Божіей человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего добраго	144
Ничто не можетъ удовлетворить душу кромѣ Высочайшаго Блага .	149
О томъ, сколько мы заботимся о тѣлѣ, и сколько о душѣ . . .	150
Душа—наше сокровище	152
Притча о тѣлѣ и душѣ челоѣческой	156
Душе моя, постани!	159
Что спиши!	160
Тѣло служить душѣ преградою ко грѣху	164

Какая польза человеку, если и весь мир приобретет, душу же свою погубит? (Матф. 16, 26).

Душе моя, душе моя, встань, что спишь? — Конец приближается... (Кондак великого канона).

Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1992